

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 19, 2018

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
З. В. Канукова

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, И.В. Мамиева, Ф.О. Абаева

Учредитель:
СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

Дзаттиаты Р.Г. О корректировке летописного материала археологическими изысканиями	5
Туаллагов А.А. Образы изобразительных памятников сармато-алан	9
Дзлиева Д.М. Весенние земледельческие песни осетинского народного календаря	17

II. ИСТОРИЯ

Муратова Е.Г., Алимова Д.Х. Посольский приказ и его роль в формировании кавказского направления внешней политики России.....	26
Гармышев Д.А. Роль российской образовательной политики в Кавказской войне	35
Гребенкин А.Н. Кавказские воспитанники в кадетских корпусах Российской империи в царствование Николая I.....	40
Сосранов Б.А. Становление российской государственности на Северном Кавказе.....	50
Карпенко Е.В. Осетины в Первой мировой войне	58
Сугаипова Р.А. История Чеченского драматического театра им. Ханпаши Нурадилова	63
Цуцулаева С.С. Документы отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР – основной источник по вопросам депортации чеченского и ингушского народов.....	67

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Кагазежева Л.У. Формирование научной парадигмы Р.Х. Гугова	73
Каркусова О.Д. Просветительская деятельность Аксо Колиева	82
Муратова Е.Г., Кушхова К.А. История российско-кавказских отношений в исследованиях Михаила Александровича Полиевктова.....	86
Сугаипова М.С.-Э., Абдулвахабова Б.Б.-А. Братья Вертеповы, Николай и Григорий в истории кавказоведения	96
Тахушева И.С. Журнал «Отечественные записки» XIX в. как популяризатор кавказоведческой литературы	104
Хаупшев Э.И. Тематика научных работ первого ректора Кабардино-Балкарского государственного университета Х.М. Бербекова	112
Далдаева Х.Х., Абдулвахабова Б.Б.-А. Таштемир Эльдарханов (к вопросу о роли личности в истории)	119

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Рахно К.Ю. Культ холодного оружия у украинских казаков и его осетинские параллели	126
Дауева Т.Т. Миротворческие мотивы в сказочной прозе осетин.....	136
Кулумбегов Р.П. Празднество «Голиати кувд» в Дигории (к вопросу сбора материалов по сакральным практикам).....	141
Битиев Б.А. Бæхфæлдисæн – посвящение коня покойнику у осетин	150
Кудзиева С.О. Хтонические черты солнечных божеств.....	159
Огузова Д.А. Общее в социальном статусе вольноотпущенников древнего Рима, Российского государства и адыгов Северного Кавказа.....	166
Шереужева А.Ж. Картина мира кабардинцев XVIII – начале XX в.	174
Янадамов А.М., Абдулвахабов Б.Б.-А. Башенная архитектура чечни XVI-XVIII веков	181
Бедоева И.А. Повседневные напитки осетин и особенности их производства.....	186
Алисултанова А.Ш. О сакрализации человеком существ окружающего мира.....	194

V. ФИЛОЛОГИЯ

Абаева Ф.О. О названиях пахотных орудий труда (на материале «Осетинско-русско-английского словаря» Т. А. Гуриева)	199
Бутаева М.Б. О происхождении некоторых эвфемизмов осетинского языка.....	208
Бритаева А.Б. Печать таланта (Т.А. Гуриев и детская литература)	213

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирагова Б.М. Религиозные СМИ в информационном поле РСО-Алания: социально-политические функции	218
---	-----

СТУПЕНЬ В НАУКУ

Кцоева Алина. К штыку приравняли перо	226
Томаев Батраз. История фамилии «Томаев»	238
Кудухова Заира. История Эльхотовской второй школы с 1913 по 1970-е гг.	
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	250

I. МАСТЕР-КЛАССЫ

**Р.Г. ДЗАТТИАТЫ,
дин СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

О КОРРЕКТИРОВКЕ ЛЕТОПИСНОГО МАТЕРИАЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ИЗЫСКАНИЯМИ

В статье на основе археологического материала, собранного в Дзавском районе РЮО в с. Едыс, автор пытается откорректировать летописный материал, связанный с алано-осетинским происхождением влиятельных в Восточной Грузии ксанских эриставов.

Ключевые слова: археология; осетины, с. Едыс, археологические раскопки.

The article is based on archaeological material collected in the District of the RSO Dzhavsky in Edys Village, the author tries to correct the chronicle material associated with the Alano-Ossetic origin of the authoritative Eastern Ksenian Eristavs in Eastern Georgia.

Keywords: archeology; Ossetians; Edys Village; archaeological excavations.

Раскопанный в с. Едыс (Дзавский район РЮО) аланский грунтовый могильник, давший обильный подъемный материал, содержал, кроме всего, детали поясного набора с пряжкой, явно относящейся к VI-VII вв. (1, рис. 17). Конечно, кожаная основа пояса не сохранилась, но серебряные пряжка, поясные накладки и язычки сохранились отлично (демонстрируются среди аланских древностей в Национальном музее Республики Южная Осетия г. Цхинвал).

Как убедительно доказано специалистами, поясные наборы, особенно раннего средневековья, были маркерами в воинской иерархии, а материал, из которого был изготовлен набор, четко указывал на достоинство и ранг обладателя пояса.

Наиболее доступным материалом для изготовления поясного набора была бронза, т.е. поясной набор, изготовленный из бронзы, мог

принадлежать относительно более низкому рангу воина, в основном, конечно, всаднику, а серебряный набор, не говоря уже о редчайших золотых, прямо указывал на привилегированный класс его обладателя. Таким образом, легко можно было прийти к выводу, что в Едысе, на так называемом «Царциаты калак», был погребен весьма знатный алан, воин и, вероятно, предводитель вооруженной группы.

Примерно в то же время, когда происходили раскопки Едысского могильника, в другой части Южной Осетии – в Ленингорском районе около села Алеу («Алеви» по-грузински) археологической экспедицией АН Грузии под руководством Н.И. Апхазова было вскрыто несколько десятков каменных ящиков, оказавшихся также раннесредневековыми [3].

Среди этих погребений каменный ящик № 23 дал интереснейший материал, ранее других материалов введенный в научный оборот в специальной статье, опубликованной в Вестнике государственного музея Грузии (XXXVIII – В) под названием «Воинское погребение из Нижнего Алеви». Конечно же, к воинским погребениям это захоронение было отнесено из-за поясного набора, и это справедливо. Поясные наборы из Едысского могильника и из Алеви почти идентичны – такие же пряжки, поясные накладки, язычки с символическим «лицом» («глаза», «нос») и массивные наконечники поясов (рис. 3, табл. XIII). Датируются оба погребения VI-VII вв. [1, рис.20]. Мало того, и в Едысском и в Алевском могильниках обнаружены черепа с искусственной деформацией. Н. И. Апхазов считает, что это обычное явление для женских погребений раннесредневекового времени вообще в Грузии, что абсолютно неверно. Ибо искусственная деформация черепа в могильниках Кавказа – это безусловно аланский обычай изменения формы черепа еще в детском возрасте, связанный скорее всего с какими-то социальными нормами маркирования статуса в аланском обществе.

Выходит, и в Едысе и в Алеви были аланы. Но кто и когда? Когда – это конец VI – начало VII вв., судя по поясным наборам и находкам сасанидских монет в обоих могильниках. На вопрос, кто именно – сразу ответить было трудно. Но в грузинских источниках был найден след пребывания алан (в грузинских памятниках – это «овсы», т.е. осетины, ибо названия алан в них нет) в горах Центрального Кавказа. Это «Памятник эриставов» [2].

Вот что там написано: «В эти времена была великая смута в стране Осетской и обильно проливалась кровь царей осов. Оказались победителями сыновья старшего брата и перевели (через) гору Захскую детей младшего – Ростома, Бибила, Цитолосана и сыновей их с семьюдесятью добрыми рабами и привели в страну Двалетскую» [2, 21].

Вероятнее всего, борьба за главенствование в Осетии-Алании развернулась между тремя главнейшими родами – Царазонами, Сидамонами и Кусагонами, а вернее, между первыми двумя соперничающими родами.

Третьи были духовными лидерами и вряд ли боролись за физическое главенство. Сидамоновы же обладали материальным имуществом и оспаривали верховенство у обладавших воинской мощью у рода Царазонта.

Судя по всему, воинская мощь дала Царазонам вытеснить из центра Осетии соперников Сидамонов, и те, с «семьюдесятью добрыми рабами», а в переводе на понятный язык, с подвластной дружиной, пройдя (под натиском, надо полагать, преследователей) через Захскую гору (Захъайы 'вцæг) и далее поднявшись вверх до истоков Лиавы, остановились у нынешнего села Едыс.

Двалы – жители местности – указали им место жительства. «И начали строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетской». Именно в этом месте, называемом «Царциаты калак», до сих пор фиксируются руины больших каменных построек числом более семидесяти. Раскопанные археологами три дома имеют размеры примерно 10×10 м в плане, т.е., строительство осуществлялось теми семьюдесятью добрыми рабами», с которыми пришли «царевичи». Кстати, «царевичей» было не три, а два, ибо «цитлосан» – это не имя, а титул, означающий «одетый в красное», т.е., «порфиноносный», указывающий на высокий статус Бибила.

«Тогда узнали (об этом) двалы, собрались и сказали: «Видим, с какой целью цари эти осы начали строить ... и через немного (времени) завладеют всей страной нашей; а (мы) до (того, как у них) появятся птенцы и оперятся, изгоним двуглавого змия из утробы нашей» (с.21).

Пришельцы освоились в Едысе основательно, ибо строительство шло интенсивное и двалы не просто узнали, но и убедили в

возможной опасности для своей независимости со стороны укоренившихся пришельцев. Заметим, что главарей было два, на что указывает ещё и упоминание «двуглавого змия».

То, что пришельцы прожили здесь немалое время, говорит могильник на царциатском городище с погребениями не менее 50 индивидуумов в 14 могилах [1, 9-23].

В конце концов двалы осуществили изгнание пришельцев – «взяли и посадили их в ущелье Исроли, в Накапуани, Ростома и всех братьев и рабов его» [2, 21]. Иными словами, двалы вынудили их уйти в Ксанское ущелье. Именно в Ксанском ущелье в местности Алеви были совершены захоронения переселенцев, среди которых был и владелец пояса, скорее всего, один из двух братьев. Первый же из них, Бибил, больше не упоминается в «Хронике» и, скорее всего, это он владелец пояса, найденного в Едысском царциатском могильнике. Но его потомки стали носить имя Бибилури, а ставшие впоследствии ксанскими эриставами не забыли о своём «царском» происхождении. Об этом говорит и прибавление к титулу- фамилии «Сидамон», т.е. Сидамон-Эристава.

Алано-осетинское происхождение влиятельных в Восточной Грузии ксанских эриставов кажется вполне доказанным на археологическом материале.

-
1. Дзаттаты Р.Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006.
 2. Памятник эриставам. Источники по истории Грузии. Вып.12. Тбилиси, 1979.
 3. Апхазов Н.И. Могильник Квемо Алеви (на груз.яз.). Тбилиси, 1988.

**А. А. ТУАЛЛАГОВ,
дин, зав. отделом археологии
СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

ОБРАЗЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТО-АЛАН

Статья посвящена проблеме определения семантики на изображениях инокультурного происхождения или изготовленных местными мастерами по инокультурным прототипам из сарматских и аланских памятников. Семантические решения, в первую очередь, должны учитывать переработку таких образов и сюжетов в соответствии с культурными и мифо-религиозными традициями и представлениями местного населения. Но известная часть изобразительных материалов все еще остается необъяснимой, возможно, навсегда, что может обуславливаться определенной фрагментированностью дошедших до нас данных о прежних традициях и представлениях.

Ключевые слова: археология; этнография; фольклористика; сарматы; аланы; осетины; изображения; семантика.

The article is on the problem of semantics' definition on foreign culture origin carvings or made by local masters examples on foreign cultural prototypes from Sarmatian and Alanic heritage. Semantic solutions, first of all, should take into account the processing of such images and plots in accordance with the cultural and mythological and religious traditions and representations within the local population. But a certain part of the fine material still remains unexplained, perhaps, all that could be due to a certain fragmentation of the extant data on the old traditions and beliefs.

Keywords: archeology; ethnography; folklore studies; Sarmatians; Alans; Ossetians; carvings; semantics.

Заметную часть изобразительных памятников, обнаруженных в погребениях сарматов и алан, составляют образцы импортного происхождения. Сюжеты и образы, представленные на них, имеют инокультурное происхождение. Но, как справедливо отмечается исследователями, само попадание и функционирование таких образцов в среде сарматов и алан было невозможно без их принятия и осмысления через собственные культурные традиции и религиозно-мифологические представления. Раскрытие семантики послед-

них возможно только через привлечение современных данных об индоевропейской религиозно-мифологической картине мира. Особое место при таком подходе занимают данные традиционной культуры, мифологии и фольклора осетинского народа, непосредственно сохранявшими преемственность с соответствующими сферами сармато-аланского мира.

Например, в осетинской этнографии зафиксированы представления о путешествиях некоторых людей в загадочную страну мертвых, которая называлась Курис (Кортук), или Бурку. Название страны Курис, по мнению исследователей, сопоставимо с названием горного хребта kaoirisa «Авесты» и горы kaoiris «Бундахишн». Трудно не согласиться с заключением, что представления осетин о таких путешествиях [1, 13-15] соотносятся с индоиранской мифо-географической концепцией о далекой северной локализации страны мертвых, а образ Курис как зеленого луга соответствует индоевропейским, в том числе, индоиранским, представлениям о загробном мире как о «луге», «пастбище» душ умерших людей и жертвенных животных, определяемым, в основном, скотоводческим хозяйством [2, 823-824; 3, 32-35]. По осетинским представлениям, совершавшие путешествия особые люди действовали под предводительством всех горных божеств и ангелов (духов) Осетии.

Полагали, что осетинские представления о подобных путешествиях сопоставимы с шаманской практикой населения Саяно-Алтая [4, 74-75]. Однако следует уточниться. Осетинские представления не ограничиваются лишь данными параллелями. Круг сопоставлений гораздо шире [5, 153-173]. Вполне вероятно, что близкие представления бытовали у сарматов.

Вместе с тем, с другими представлениями осетин о том, что души умерших в своей стране ездят на различных животных, связывали изображение на серебряном фаларе из ст. Курчанская (Краснодарский край) Афродиты Пандемос верхом на козле, восходящей на звездное небо по лестнице [6, 195; 7, 256]. Со своей стороны, обратим внимание и на изображения на гемме из сакского (кангюйского) городища Сидак всадника на козле и всадника-птицы на козере на усуньской диадеме «каргалинского шамана» (Казахстан) [8, 219-220]. Второе изображение давно сопоставлено с изображением на бронзовом блюде ханьской эпохи из коллекции Лоо [9, 25-27]. Но,

как представляется, более оправдано предположение, что изображение на серебряном фаларе из ст. Курчанская осмысливалось сарматами не как изображение душ умерших, а как изображение проникших в иной мир особых людей или сопровождавших их божеств.

В религиозно-мифологических представлениях осетин особое место занимает образ божества Уастырджи (Уаскерги), название которого является примером ономастической христианизации древнего божества за счет имени св. Георгия. Его неизменным спутником был конь, отличительной чертой которого является трехноготь. Попытки некоторых исследователей иначе толковать данную черту противоречат не только самим осетинским представлениям, но и не имеют никакого фактического подтверждения.

Интересно отметить, что в прошлом у осетин одним из названий Млечного пути было «след Арфана», т. е. название Млечного пути связывалось с названием коня Урызмага, героя Нартовского эпоса осетин. Согласно же материалам эпоса, конь героя был рожден от коня Уастырджи. По осетинским представлениям, в день зимнего солнцестояния (22 декабря) к Млечному пути приближалось созвездие Ориона, которое осетины называли трехногим конем святого Георгия [10, 651]. Трехноготь образа коня вполне точно соответствует конфигурации созвездия. Как установили исследователи, осетинское празднование в честь Уастырджи в ноябре связано с влиянием грузинской христианской традиции, несколько отличной от европейской традиции. Но мы можем полагать, что такое влияние было обусловлено календарным сближением с собственно осетинским празднованием, в котором христианское влияние практически не просматривается.

В связи с представлениями об осетинском божестве и его коне могут быть привлечены, например, изображения на конских фаларах из сарматского кургана № 4 могильника Володарка I (Западный Казахстан). На фаларах, явно импортного происхождения, изображена сцена сражения на небе греческого героя Беллерофонта на крылатом коне Пегасе с Химерой. Изображения имеют определенные специфические черты [11, 148-155], но, в целом, фалары изначально являются продуктом импортного производства и могли попасть к сарматам в ходе определенных военно-политических событий [12, 51-95; 13, 93-139].

Среди известных изображений сцены отмечаются и такие, когда одна задняя нога Пегаса переданы полностью, а вторая, скрывающаяся позади первой, представлена линией, параллельной одной линии контура первой. На володарских фаларах вторая задняя нога никак не обозначена, поэтому образ коня становится трехногим. Возможно, данная деталь была воспринята сарматами через образ коня их собственного божества, наследником которого является конь осетинского Уастырджи [14, 126-127; 7, 262, сн. 22; 15, 514, сн. 2586]. С данных позиций следует сопоставить и сцену на фаларах с одной из легенд об Уастырджи, имеющей достаточно близкое сходение с индийским мифом [16, 256-257].

Полагаемая возможность предложения некоторых семантических решений не всегда оправдана. Значительная часть изобразительных материалов все еще остается необъяснимой, что может объясняться и не дошедшим до нас фондом культурных и мифо-религиозных представлений. Так, в начале раннесредневекового периода на территории современной Северной Осетии особенно ощущается сасанидское влияние на местный аланский ареал. Среди сасанидского импорта особенно выделяются находки гемм, хотя для большей части находок контекст неизвестен [17, 202-203]. Как полагают исследователи, преобладание на геммах изображений животных, в частности, оленей, указывает на то, что эти образцы глиптики могли специально ориентироваться на местные вкусы [18, 135-136]. Но заметим, что на местных подражаниях геммам изображения не присутствуют.

В катакомбе № 5 могильника Песчанка был найден женский пояс, на бляшках, пряжке и наконечнике которого изображены фантастические существа. Подобные изображения известны и на других предметах из синхронных аланских и иных погребений. Исследователи затрудняются в определении семантического значения изображений, отмечая отсутствие сопоставительного материала в Нартиаде. Отсутствие подобных изображений в предшествующий период и редкое появление в последующий (рельеф аланской гробницы на р. Кривой) связывается с появлением потребности изображение ранее не воплощавшегося мифологического сюжета, для чего кавказские мастера использовали инородные образцы, перерабатывая их в соответствии с местными представлениями [19, 330-331]. Заметим,

что для сюжета и образов на рельефе с гробницы р. Кривой предлагались отдельные подходы в определении их семантики [20, 88-89; 21, 29-30; 22, 354; 23, 935].

Другой пример привлечения и переработки инородных образов представлен личинами на биметаллических псалях из Верхнекобанского могильника, фибулы-броши из Камунта и из подземного склепа № 1 памятника Харбас 1 VII в. Они сопоставимы с личинами на фаларе из катакомбы кургана № 186 Бесланского могильника, на золотой накладке из погребения в кургане № 13 могильника Кишпек рубежа, на солярных аланских амулетах Змейского катакомбного могильника и амулетах из археологической коллекции Нижне-Архызского городища.

Истоки появления таких личин в аланских памятниках возводят к кельтским образцам, переданным через германское посредничество в процессе движения каких-то германских племен [24, 215-217, 250, рис. 23; 49, 363-369], или к кельто-фракийским образцам [25, 180]. Отмеченные находки в аланских памятниках неоднократно сопоставлялись исследователями с образом небесного колеса как символа солнца осетинского Нартовского эпоса. Кроме того, изображения личин представлены на перстнях из погребения аланской аристократки в Северном Зеленчукском храме, в погребении № 2 могильника Колосовка № 1 на р. Фарс конца X-XI вв. и пр. Они представлены на «медальонах» односторонних крестов (катакомба № 92 Даргавсского могильника, катакомба № 15 и др.) Змейского могильника, изготовленных местными мастерами по образцам русских энколпионов, но, в отличие от прототипов, с двумя «медальонами» на каждом окончании креста. Поэтому можно предположить, что в данных образцах аланской христианской пластики проявились дохристианские представления о солярном начале.

1. Вертієнко Г.В. Скiфська «новорічна містерія» та її пізні ремінісценції // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Київ, 2012. Вип. 110. Історія.

2. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ языка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. II.

3. Иванеско А. Е. Нартовский эпос и скифская мифо-географическая традиция // Донская археология. Ростов-на-Дону, 1999. № 2.
4. Яценко С. А. О шаманстве у алано-осетин // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12-15 апреля 2001 г.). Ставрополь, 2001.
5. Ginzburg K. Ecstasies: deciphering the Witches' Sabbath. New York, 1991.
6. Яценко С. А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II. Владикавказ, Цхинвал, 1992.
7. Яценко С. А. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II-I вв. до н. э. // Stratum Plus. Культурная антропология. Археология. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. № 4. Время великих миграций.
8. Смагулов Е. А., Яценко С. А. Граффити Сидака (Южный Казахстан) // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. Алматы, май-июнь 2013. № 3 (289).
9. Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. М.-Л., 1940. Вып. V.
10. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
11. Мордвинцева В. И. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка // Российская археология. М., 1996. № 4.
12. Treister M. Yu. Silver Phalerae with Depiction of Bellerophon and the Chimaira from Sarmatian Burial in Volodarka (Western Kazakhstan). A Reappraisal of the Question of So-Called Graeco-Bactrian Style in Hellenistic Toreutics // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2012. Vol. 18.
13. Трейстер М. Ю. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта и Химеры из сарматского погребения в Володарке (Западный Казахстан). Еще раз к вопросу о так называемом греко-бактрийском стиле в эллинистической тореутике // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. М., 2011. Т. I.

14. Туаллагов А.А. О семантике изображений на фаларах из Володарки // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996-1997 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 1998.

15. Яценко С.А. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Дисс. ... докт. ист. наук. 24.00.01. М., 2002.

16. Газданова В.С. Образ Уастырджи в религиозно-мифологических представлениях осетин // Дарьял. Владикавказ, 1998. № 3.

17. Мастыкова А.В. Аланы, Византия и Иран: средиземноморские и сасанидские элементы в костюме населения Центрального Предкавказья в эпоху великого переселения народов // Этногенез и этническая история осетин: материалы Международного научного конгресса (Владикавказ 21-22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013.

18. Савенко С.Н. Предметы египетского, китайского и иранского происхождения в комплексах I тысячелетия н. э. Пятигорья // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993.

19. Кадиева А.А. Изображения полиморфных животных VIII-IX вв. с территории Северного Кавказа // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

20. Охонько Н.А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) // Советская археология. М., 1983. № 2.

21. Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кыфарского городища // Аланская гробница XI в. Сборник. Серия «Музейные раритеты». Кн. 1. Ставрополь, 1994.

22. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М., 2001.

23. Кузнецов В.А. Мифический василиск в Западной Алании (к вопросу о семантике изображений на царском «мавзолее» р. Кыфар) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М.; Ставрополь, 2008.

24. Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2006. Вып. XI.

25. Малашев В. Ю., Дзуцев Ф. С. Парадные сбруйные наборы III в. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северо-кавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II-середины V в. н. э. М., 2016.

Д. М. ДЗЛИЕВА,
снс, кандидат искусствоведения
СОИГСИ ВНЦ РАН
(г. Владикавказ)

ВЕСЕННИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЕСНИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ

Осетинский календарь не раз становился предметом этнографических исследований. Однако огромным пробелом всегда оставался его фольклорный компонент. Настоящая работа частично восполняет его, исследованием корпуса земледельческих обрядовых и трудовых песен, исполняемых в весенний период осетинского календаря. Целью статьи является выявление некоторых поэтических и мелодико-гармонических особенностей имеющихся образцов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: музыкальный фольклор; народный календарь осетин; календарно-обрядовые песни; осетинская этномузыкалогия.

The Ossetic calendar has become the ethnographic researches topic many times. However, a huge gap always remained with his folklore component. This paper pieces out it some way, by researching the agricultural ritual and labor songs' Corpus performed in the spring period of the Ossetic calendar. The aim of the article is to identify some of the poetic and melodic and harmonic characteristics of samples available for the first time introduced into scientific circulation.

Keywords: musical folklore; Ossetic calendar; calendar and ritual songs; Ossetic ethnomusicology.

На территории Северной и Южной Осетий до сих пор существуют традиции раннего формирования, восходящие к эпохе скифо-сарматского мира. Им свойственна хорошая сохранность архаических форм, тесно связанных с земледельческим и скотоводческим календарем. В этнографической науке достигнуты значительные результаты, что позволяет делать ряд выводов касающихся тесной связи музыкального фольклора с обрядовыми практиками. Однако вопросы функционирования, жанровой классификации и музыкальной типологии фольклорных жанров обслуживающих основные даты народного календаря осетин до сих пор остаются недостаточно разработанными. Стоит также отметить, что музыкальный материал в нотировках и расшифровках представлен весьма скуд-

но. Нерасшифрованные аудио образцы сосредоточены в Научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН. Там же имеется достаточно обширный рукописный материал собранный различными исследователями в разные годы.

Жанр **весенних земледельческих песен** представлен двумя типами: **обрядовые песни** исполняемые во время праздника *Хоры бон* ('День хлеба') / *Хумидайæн* ('Начало пахоты') и **трудовые песни** приуроченные не к какой-либо определенной дате, а к периоду времени в рамках которого совершались земледельческие работы.

Круг **обрядовых земледельческих песен** исполняемых в праздник урожая *Хоры бон* / *Хумидайæн*, который устраивали перед первой вспашкой земли, представлен следующими образцами: *Хорæрцыды зарæг* ('Урожайная песня'), *Хоры зарæг/Хуари зар* ('Песня о хлебе'), *Йес хуар* ('Есть хлеб'), *Дæлæ быдыры нæ хутæттæ* ('Вон в поле наши плуги'), *Готæнтти зар* ('Песня о плугах'), *Хуымгæнæны зарæг* ('Песня начала пахоты'). Как отмечает В. Уарзиати «главным элементом праздника было моление об урожае перед началом запашки <...> Готовясь к этому пиру, предварительно, утром, посылают в лес за березовыми сучьями по одному человеку из каждого семейства, снабдив их постными пирожками без всякой начинки, их должно было быть у каждого три штуки. Остановившись около леса и вынув из своих шапок пирожки свои, посланные творят молитву и затем каждый из них бросает в сторону по одному пирожку, восклицая при этом «Уацилла, соблаговоли сделать так, чтобы настоящий год был счастливее и богаче прошлого урожаем хлебов»» [1, 58]. Принеся березовые сучья в дом, старшие домоладцы также произносят молитвы *Уацилла* (в осетинской традиции громовержец, покровитель хлебных злаков и урожая) об изобильном урожае. Непосредственно перед праздником выбирали главного устроителя – *Хоры фысым* (букв. 'хозяин зерна') который и осуществлял первую борозду на своем участке. Интересно также отметить, что во время первой обрядовой вспашки участники обряда непременно должны были быть одеты в шубы вывернутые наизнанку, «по народным, представлениям, вывернутая наружу шуба должна была способствовать тому, чтобы всходы на полях были густыми, как мех» [1, 11].

Весенние обрядовые песни исполнялись мужчинами преимущественно во время праздничного столования. По своему содержанию и функциям они принадлежат к категории заклинательно-магических и связаны с верой в вербальную магию, которая по мнению участников ритуала, должна вызвать к жизни то, о чем поется в песне:

*Даргъауæдзæ фæтæн хумæ.
Йес хуар, йес, хуар!
И хумгæнди хуар æрзайуй,
Йес хуар, йес хуар!
Идзаг нæмуг зæузауæнгæ.
Йес хуар, йес хуар!
Йеци хуарæн æмбал,
Йес хуар, йес хуар!
Аци анз дæр аци адæмæн,
Йес хуар, йес хуар,
Сæ хумтæбæл æрзайæд,
Йес хуар, йес хуар! [2, 66]*

Длинная борозда, широкая пашня.
Есть хлеб, есть хлеб!
На этой пашне хлеб вырастает,
Есть хлеб, есть хлеб!
Полное зерно /от тяжести/ колышется.
Есть хлеб, есть хлеб!
И в этом году у этих людей
Есть хлеб, есть хлеб!
На их пашнях пусть вырастает
Есть хлеб, есть хлеб!
Тому хлебу подобный.
Есть хлеб, есть хлеб! [2, 221]

Ключевое значение для поэтической системы песен данного типа имеют образы эпических героев и покровителей: *Уастырджи/Уасгерги* (святой, покровитель мужчин, путников, охотников, воинов) *Никкола* (покровитель хлебных злаков, всего, что произрастает на земле для пользы человека) *Мады Майрам/Мада Майрам* (покровитель женщин и детей) *Тутыра/Тотур* (властелин волков, покровитель людей ворующих скот; в дигорском фольклоре) *Уацилла/Уацелла* (громовержец, покровитель хлебных злаков и урожая; часто называется «хлебным Уацилла») *Фæлвæра* (покровитель мелкого скота) *Тæтæртуп* (покровитель равнинной Осетии и одновременно и аграрное божество, почитаемое всеми осетинами) *Курдалагон* (покровитель кузнечного дела) *Аларды* (покровитель оспы, кори и глазных болезней):

*Уасгерги еунæгæн – готондарæг.
Сугъдæг Никкола – сæрбæлхуæцæг.
Фæлвæра уомæн галдзорæг æй.
Уорссæр Тæтæртупп уомæн муггагхæссæг.
Хуари Уацелла муггагтауæг æй.
Сугъдæг Узунæг муггагхæссæг æй.
Еунæгæн ци хуар æрзадæй,
Йеци хуар аци анз дæр æрзайдзæнæй;
Сау гали фæдуати сæдæ 'фсеру
уæд ку æрзадæй [2, 73].*

Уасгерги одинокому направлял плуг,
Святой Никкола держал волов за рога,
Фалвара ему волов погонял,
Седоглавый Татартуп ему семена нес,
Покровитель хлебов Уацелла сеял их.
Святой Узунаг перебирал семена,
Пусть уродится такой хлеб в этом году,
Какой уродился у одинокого;
В следе от копыт черного вола сто
колосков тогда взошло [2, 229].

Из числа персонажей нартовского эпоса в поэтических текстах упоминаются *Сатана, Созруко/Сослан*, что вполне типично для осетинских обрядовых песен [3]. В текстах обрядовых земледельческих песен эти персоны выступают в качестве участников первой пахоты:

*Аллирдиги сæмæ дзиллитæ æмбурд
кодтонцæ.
Хуаллаггæнæг син – нарты Сатана,
Сехуардзау син – æнæгцуд кизгуттæ,
Рæфтаддзау син – нæуæгцуд киндзитæ,
Сæ дууадæс готонæбæл йефтигъд адтæй
Æнхузæнæй уорссиуæ сау галтæ
[2, 72]*

*Сæумон изæдтæ 'ма изæйрон даугутæ ба
Галтæмæ дзорæг, гъæй!
Мада Майрæм син къерехæссæг, гъæй!
Нарты Созрухъо син искувта, гъæй!
Къеретæбæл фарни зартæ никкодтонцæ,
гъæй! [2, 73]*

Со всех сторон к ним собирались люди.
Припасы им заготавливала нартовская
Сатана,
Полдник им готовили незамужние
девушки,
Обед – молодые невестки;
В двенадцать их плугов были запряжены
Одинаковые белорогие черные волы,
тем хлебом. 2, 226]

Утренние изэды и вечерние дауаги
Волов погоняют, ой!
Мада Майрам им пироги приносит, ой!
Нарт Созруко за них помолился, ой!
Над пирогами песню фарна запели, ой!
[2, 229]

Если образцы поэтических текстов весенних обрядовых песен представлены в публикациях в достаточном объеме, то музыкальный материал весьма скуден. В научный оборот не введен ни один образец этого жанра. Единичные примеры аудио записей и нотаций хранятся в фондах СОИГСИ, один представлен в фонде Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский дом). Все записи музыкального материала сделаны на территории Северной Осетии. Привлекаемые к анализу источники были зафиксированы на нескольких хронологических срезах: в 1920-е гг., в 1930-е гг., и в 1960-е гг.

Музыкально-ритмическая форма *весенних обрядовых песен* состоит из двух или трех слогоритмических периодов, каждый из которых оканчивается трех или четырехсложной ритмической группой.

Таким образом, четкость ритмо-композиционной структуры окончания каждой строфы в весенних обрядовых песнях исполняемых на праздник *Хоры бон / Хумидайæн* вероятно обусловлена их заклинательно-магической функцией в обряде. Сходные ритмические закономерности прослеживаются в свадебной обрядовой песне «Алай» [7] а также в некоторых трудовых песнях: «Онай» (песня, сопровождавшая валяние войлока), «Рувьны зарæг» (песня исполняемая во время прополки) и т. д.

Как отмечают исследователи «в многократно повторяющихся

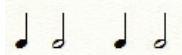
ритмоинтонационных оборотах и примитивных мелодических формулах которых, легко читаются наиболее ранние стадии становления мелодического мышления народа» [8, 41].

[4, 73-5]

[5, 5509]

[6, 102]

[6, 102]

[6, 101]

Наблюдения над музыкально-стилевыми особенностями весенних обрядовых песен касаются ладогармонических и мелодических особенностей. Так лишь один из рассматриваемых образцов имеет мажорный лад, остальные исполнялись в натуральном миноре. Для описания мелодических особенностей напевов нами была применена система описания лада, связанная с различением ладовых функций:

Т – теза – обозначает основную опору (обычно выражена унисоном).

А – антитеза – фиксирует побочную опору (получает воплощение в терцовых или квинтовых созвучиях). Функция антитезы может быть представлена как одним, так и двумя различными созвучиями – А1 и А2 соответственно.

Основной корпус напевов весенних земледельческих песен зафиксирован в многоголосной фактуре, типичной для осетинской народной песни, однако некоторые материалы представлены в одноголосных записях и нуждаются в реконструкции, связанной с восстановлением бурдона. В анализируемых примерах лишь один образец записанный в с. Ларс в 1926 г., строится на сопряжении двух опорных созвучий осуществляя возврат от тезы через антитезу обратно к тезе, Т ® А ® Т:

[6,101]

Схема ладового развития остальных образцов имеет две побочные опоры. Музыкальная логика связана с движением от второй антитезы через первую к обобщающей тезе, $A2 \circ A1 \circ T$:

[6,102]

[5,5509]

[5, 73-5]

Жанр *трудовых весенних земледельческих песен* представлен единым типом под названием *Рувьны зарæг*. Эти песни не имели строго закреплённой даты исполнения, так как пели их в пору прополки урожая.

Основная часть текстов трудовых весенних земледельческих песен содержит предложения императивного характера, которые подбадривали и призывали работающих к продуктивной деятельности:

Кусгæ ут, кусгæ ут, ланпутæ! <...>

*Рæуæггæй кæронмæ цæугæ ут, ей! Кæрæт-
тæм рæвдздæрæй цæугæ ут! [9, 151]*

Размæ ут, цумæ ут, ланпутæ!

Къæпитæ рæуæгдæр рахæссут, гъæй! <...>

Рувæнтæ рæуæгдæр рахæссут!

Кæрдæджы размæ рарувут гъæй!

[10, 028-032]

Работать, работать, парни!

До конца идите бодрыми!

До конца идите, проворней! [9, 151]

Вперед, дружно, парни!

Мотыги несите расторопнее! <...>

Проворнее несите тяпки!

В начале пропалывайте траву!

[пер. Д. Дз.]

Большинство образцов включают импровизационные элементы строящиеся на возгласах характерных для широкого круга песенных жанров осетинского фольклора:

Уæрæйдæ, рувын райдыдтой!

Уæрæйдæ, рувын райдыдтой! <...>

Уæрæйдæ, рæйдæ, уæрæйдæ! [4, 65-7]

Уарайда начали прополку!

Уарайда начали прополку! <...>

Уарайда, райда, уарайда! [пер. Д. Дз.]

В некоторых образцах песен тексты и вовсе полностью состоят из возгласов типа «ой», «гъæй», и др [напр. 11, 92].

В ходе работы нами также был зафиксирован вариант песни, в тексте которой обнаруживаются влияния советской культуры, которые включают упоминания о колхозных работах артельного характера:

Нæ колхозон хуымты, рæуæг дымгæ
хъазгæ

Цъæх-цъæхид улæнтæ æрбахæссы

къордæй,

Цæй тагъддæр чызытæ, цæй рарувæм
иумæ,

Нæ рæссугъд быдырты мах акусæм
цинæй, уæ.

[11,91]

На колхозных грядках, легкий ветерок
играя Зеленые волны приносит
артелью,

Быстрее, девушки, давайте прополем
вместе,

На красивых полях поработаем с
радостью, уай.

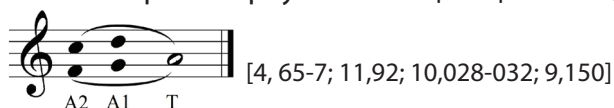
[пер. Д. Дз.]

Как видно из текста в песне кардинально меняется гендерный состав участников весенне-полевых работ. Так, если в народных песнях досоветского периода не встречалось ни одного упоминания об участии женщин, то в данном образце призывы к работе направлены именно к женской части трудящихся. Известно, что до конца XIX в. музицирование было исключительной привилегией мужчин, женщинам же дозволялось петь в своем узком кругу. Например, во время таких женских работ как: валяние войлока, взбивание масла, варение ритуальной пищи, и т.д. Вероятно, упоминаемый нами образец текста был создан уже в середине 20 в., когда женщины более свободно чувствовали себя в обществе, в том числе могли петь и играть на музыкальных инструментах.

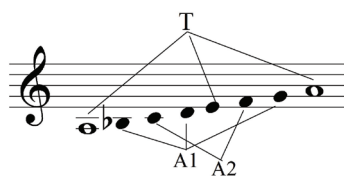
Имеющиеся образцы напевов весенних трудовых песен являют собой единый музыкальный тип характерными признаками которого являются общие закономерности мелодической организации: принцип равномерного сегментирования, постоянство объемов музыкального времени, единая ритмическая пульсация, ускорение темпа к концу песни. Все эти черты характерны для жанров сопровождающих трудовую деятельность, а также некоторых свадебных песен [12].

Музыкально-ритмическая форма весенних трудовых песен состоит из многократно варьируемого слогоритмического периода, кадансируемая часть которого также представляет собой трехсложную ритмическую группу типа: ♪ ♪ ♪.

Музыкальная логика песен данного типа связана с движением от второй антитезы через первую к обобщающей тезе ($A_2 \circ A_1 \circ T$):

Первая фраза кадансирует на терцовом созвучии, представляющем вторую антитезу, вторая – на квинтовом созвучии первой антитезы, унисон завершает песенную строфу в целом. Сводный звуко-ряд напева разворачивается в объеме сексты. Ладовая дифференциация тонов, входящих в структуру звукоряда, представлена ниже:

Музыкально-типологический анализ двух жанров исполняемых в весенний период осетинского народного календаря приводит нас к выводу о том, что функция обрядовых песен исполняемых во время праздника *Хоры бон/Хумидайæн*, была связана с заклинательное-магической категорией песен, о чем свидетельствуют особенности поэтической организации и музыкальных закономерностей. Песни *Рувьны зарæг*, исполняемые во время прополки имеют характерные особенности трудовых песен. В основе текстов лежат призывы к плодотворной работе, а музыкальные особенности связаны с характерными чертами жанра трудовых песен в целом.

С течением времени оказались неактуальны и гендерные установки, если до конца XIX века упоминание женщин в обрядовой и мужской трудовой практике не допускалось [13], то образцы советских лет включали в себя призывы к женской части артели, а также характерные атрибуты песен советской действительности.

В связи с угасанием земледельческого культа, в настоящей обрядовой практике жанр весенних земледельческих песен перестает быть актуальным. Некоторые фольклорные образцы продолжают

существовать лишь во вторичных формах фольклора, однако на наш взгляд они вполне могут вернуться в структуру обрядности на новом витке ее исторического развития.

1. Уарзиати. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987.

2. Памятники народного творчества осетин: Трудовая и обрядовая поэзия осетин / Сост. Т. А. Хамицаева; пер. Г. А. Дзагурова, Т. А. Саламова, Д. Г. Тменовой, А. А. Хадарцевой и Т. А. Хамицаевой. Владикавказ: Ир, 1992. 438 с.

3. Кусаева З. К. Нартовские архетипы в традиционном исполнительском искусстве осетин // Эволюция эпической традиции. Сухум, 2014.

4. НА СОИГСИ, ф. искусство, оп. 2.

5. <http://wofur.ru/irli/kokoity/>

6. Осетинский музыкальный фольклор / Отв. ред. А. С. Тотиев; Управление по делам искусств при Совете Министров Северо-Осетинской АССР. М.; Л.: Музгиз, 1948. 127 с.

7. Дзлиева Д. М. Осетинские песни с припевом «алай» связанные с почитанием покровителя домашнего очага Сафа // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2012. № 1.

8. Алборов Ф. Ш. Музыкальная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2004. 192 с.

9. Осетинские народные песни, собранные Б. А. Галаевым в звукозаписях, нотированных совместно Б. А. Галаевым и Е. В. Гиппиусом / под ред. и с предисл. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964. 249 с.

10. Дзлиева Д. М. Личный архив. Экспедиционный аудио фонд.

11. Ирон адæмон зарджытæ. Тбилиси, 2009.

12. Абаева Ф. О. Обрядовый текст института сватовства (минæвæрттæ æрвитыны æгъдау) у осетин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. №1.

13. Дауева Т. Т. Регулирование общественных отношений осетин в XIX – начале XX вв // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. № 15.

II. ИСТОРИЯ

Е. Г. МУРАТОВА,
дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова;
Д. Х. АЛИМОВА,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КАВКАЗСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Статья посвящена Посольскому приказу и его роли в развитии русско-кавказских отношений в XVI-XVII вв. Показано значение делопроизводительной документации Посольского приказа в изучении истории народов Кавказа.

Ключевые слова: Посольский приказ; послы; посольские книги; статейные списки; Россия; Кавказ; источниковедение; XVI-XVII вв.

The article deals with the Ambassadors' Office (Posolskij-Prikaz) and its role in the development of Russian-Caucasian relations in XVI-XVII-th centuries. Shows the importance of the Russian ambassadors' reports to study the history of the Caucasus.

Keywords: Ambassadors' Office; ambassadors; ambassadorial books; ambassadors' reports; Russia; Caucasus; source study; XVI-XVII-th centuries.

Посольский приказ являлся важнейшим государственным учреждением средневековой России, разрабатывавшим и осуществлявшим основные направления ее внешней и внутренней политики в период с конца XV – до начала XVIII в. Изучение этого учреждения имеет богатую историографическую традицию. Среди многочисленной литературы по теме выделяются три основные группы. Во-первых, работы, раскрывающие процесс становления Московского централизованного государства и содержащие общие оценки основного содержания деятельности российской дипломатии на важнейших направлениях внешней политики. Во-вторых, труды,

анализирующие деятельность Посольского приказа в контексте дипломатических отношений с конкретными государствами, как правило, соседями России, с Польшей, Швецией, Османской империей, Персией, народами Кавказа и другими. В-третьих, исследования, посвященные непосредственно Посольскому приказу как государственному учреждению и всесторонне характеризующие его структуру, функции, штат работников, персональный состав дипломатической службы, особенности делопроизводства, эволюцию самого этого учреждения.

Датой образования Посольского приказа принято считать 1549 год. Основанием для этого служит выписка из посольских дел, составленная в 1565-1566 гг. в Посольском приказе, в которой говорится, что в 1549 г. «приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подьячих» [1, 144]. Но существование Посольского приказа как государственного учреждения ранее 1549 г. ученые прослеживают на основе данных о развитой чиновной иерархии, ведавшей внешнеполитическими делами, а также ссылаясь на наличие посольских книг и обширного делопроизводства. Так, профессор Харьковского университета В.И. Савва рассмотрел все сохранившиеся записи о приемах и отпусках посольств начиная с 1489 года. Используя сведения летописей и делопроизводственную документацию, он составил своего рода справочник посольских служащих – от бояр до подьячих, определив круг обязанностей тех, кто стоял «у посольского дела»[2]. Например, во второй половине XVI века в функции думных посольских дьяков входило: принятие привезенных послами грамот, проведение предварительных переговоров, присутствие на приемах иностранных дипломатов, проверка списка ответных грамот, составление наказов российским дипломатам, отправляемым за границу, ознакомление с отчетами вернувшихся на родину после дипломатической миссии послов.

Помимо дипломатических сношений Посольский приказ ведал иноземными ремесленниками и купцами, заселенными иностранцами московскими слободами, поселившимися в России татарами, выкупом пленных, дворами для приема послов. Кроме того, Посольский приказ первое время управлял вновь присоединёнными территориями (Сибирью, Смоленщиной, Украиной), наконец, ему временами были подведомственны некоторые второстепенные приказы.

Но самой главной функцией Посольского приказа было руководство внешней политикой Московского государства. Согласно утвердившейся в отечественной историографии концепции, внешняя политика России XVI-XVII вв. была направлена на решение трех основных задач: во-первых, выход к Балтийскому морю путем преодоления барьера, воздвигнутого Ливонским орденом и Швецией; во-вторых, прекращение агрессии польских феодалов на восток, возвращение русских земель и воссоединение с Белоруссией и Украиной; в-третьих, ликвидация осколков Золотой Орды, пресечение агрессии татар и турок, продвижение на юг и восток.

Кавказский вопрос являлся частью третьей из вышеперечисленных задач внешней политики России XVI-XVII вв. Этот период отмечен определенными переменами, произошедшими в социально-политической жизни народов Кавказа. К концу XV века складывается в основных чертах современный этнический состав населения Северного Кавказа и формируется более широкий культурно-исторический и политический контекст, который в решающей степени предопределил пути дальнейшего развития народов и обществ региона. К началу XVI века вокруг Кавказа возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции и её вассала – Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Московского государства. До XVIII века доминирующим процессом в рамках противостояния держав в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Россия поначалу не включалась напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, но реализовала политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие в регионе. Важнейшим фактором в этом процессе выступило установление в середине XVI века отношений России с Кабардой, оформленное по результатам кабардинского посольства в Москву 1557 г. [3, 407-408].

Важнейшим источником изучения русско-кавказских отношений в XVI-XVII вв. являются материалы Посольского приказа. Прежде всего, необходимо назвать комплексы дипломатической документации по Кавказскому направлению, не дошедшие до наших дней, тем не менее свидетельствующие об интенсивных политических контактах. Реконструкция количественного состава посоль-

ских книг, осуществленная Н.М. Рогожиным путем сопоставления сохранившихся книг с Описью Царского архива, а также с описями архива Посольского приказа 1614, 1626 и 1673 гг., позволила ученому определить комплексы не сохранившихся посольских книг. По его данным, утрачены книги о взаимоотношениях Российского государства с Астраханским ханством; не сохранились «книги тюменские» по сношениям с Тюменским ханством, которое в середине XVI в. находилось в степях нижнего течения р. Терек. Исчезли «тетради гиреевские» о взаимоотношениях России с Крымом времен правления дома Гиреев [4, 22].

За десять лет – с 1558 по 1567 гг. по подсчетам Е.Н. Кушевой, русские послы шесть раз отправлялись к кабардинскому князю Темрюку Айдаровичу в ответ на его посольство 1557 г. с просьбой о принятии «в холопство» [5, 233]. Однако о них сохранилось только упоминание: «Посылки черкасские ко князю Темрюку; и книги писаны в тетратех, от лета 7070-го до лета 7072-го». В начале XVII в. существовали также книги «шамохейские» с материалами посольств «шамохейских князей с великим князем Иваном и великим князем Васильем» [4, 23-24].

До наших дней сохранились и находятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) шестнадцать иверских посольских книг (т.е. по связям России с Грузией), которые охватывают период с 1586 по 1700 г. По сношениям России с Ногайской Ордой сохранилось 12 книг, с 1489 по 1659 гг. [4, 27-28].

В целом, источниковедческие исследования всего корпуса посольских книг с конца XV до начала XVIII в., осуществленные Н.М. Рогожиным, позволили выявить историческую информативность данного вида источников и проанализировать становление и особенности деятельности Посольского приказа на длительном временном отрезке.

В свое время документы фонда «Сношения России с Грузией» РГАДА получили широкое освещение благодаря публикациям С.А. Белокурова [6] и М.А. Полиевктова [7], [8]. В работах Н.И. Веселовского [9], Е.Н. Кушевой [10], Н.Г. Волковой [11], Ф.Х. Гутнова [12], О.Б. Бокаревой [13], К.Ф. Дзамихова [14] и других исследователей показаны источниковые возможности и роль делопроизводственной документации Посольского приказа для изучения истории русско-кавказских отношений.

Огромное значение так называемой «разведочной работы» Посольского приказа на южном направлении раскрыто в специальной работе М. А. Полиевктова «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» [15]. В Посольском приказе собирали сведения как от уроженцев Кавказа, приезжавших в Москву с различными целями, так и из отчетов послов. Необходимость такой деятельности была обусловлена недостаточным количеством информации о Кавказе XVI – первой половины XVII в. Полученные сведения носили самый различный характер: начиная с политической обстановки в интересующем государстве и заканчивая его экономическим и социальным положением, религиозными верованиями населения.

Примером «разведочной работы», которую курировал Посольский приказ, может служить «опрос» дидианского посла, прибывшего 11 августа 1636 г. в Терский город, и грузинского посла митрополита Никифора, находившегося на этот момент в Москве. В случае дидианского посла это была и своеобразная легитимация для самого посла, и сбор сведений о малоизвестном для России крае. Митрополита Никифора также расспрашивали о «дидианской земле» для большей достоверности информации. Следует отметить, что в результате полученные сведения от обоих опрошенных имели значительные расхождения.

В своей эволюции этот вид «разведочной работы» трансформировался в анкеты, которые выдавали послам. М. А. Полиевктон приводит основные пункты таких анкет: 1) географическое положение страны, ее пространство и протяжение в верстах; 2) население страны: количество населенных пунктов, и, главным образом, укрепленных; общее количество населения; 3) политическое настроение умов; отношение населения к существующей власти; насколько прочно положение этой власти; 4) экономика страны: ее природные богатства; состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственные продукты; промышленность и главные виды художественной промышленности; торговля; 5) военная организация страны: количество вооруженных сил и состояние военной техники.

Нельзя не отметить полноту и важность этих сведений, охватывающих все сферы жизни обществ и государств, попавших в сферу интересов Москвы. На основе таких анкет были сделаны описания

Мегрелии у Елчина, Кахетии у Мышецкого, Имеретии у Иевлева и Толочанова, встречающиеся в статейных списках XVII в. [15, 47]. Таким образом, русскими посольствами были не только изучены и проверены все транскавказские маршруты, но и подробно описаны те области Закавказья, где им пришлось побывать. Эти изыскания значительно расширили географические пределы сведений московского правительства о Кавказе.

В обширных письменных отчетах, так называемых статейных списках, посланцы Москвы день за днем, подробно, в хронологической последовательности отмечали свой путь, аккуратно заносили все собранные сведения, фиксировали все мельчайшие события, происходившие в дороге. Примером может служить фрагмент из статейного списка бывших в Имеретии посланников Василия Жидовинова и дьяка Федора Порошина 1655 г., который позволяет реконструировать события и факты истории горцев Центрального Кавказа, практически не освещенные другими источниками. «...Апреля в 14 день царского величества посланники Василий Степанович и дьяк Федор с государевой казной из Касбулатовой Кабарды Черкасской пошли в Болхары, и Касбулатова мать Бабасупху с узденями своими и их посланников и государеву казну проводила до болхарской щели. А...Каспулат мурза в тое пору занемог.

Апреля в 16 день царского величества посланники Василий Степанович Жидовинов да дьяк Федор Порошин с государевой казной до щели до Болхар шли одни, наняли подводы под государеву казну. А терского стрелецкого...сотник Михайло Молчанов...и с новокрещен и с окочан государеву казну иж посланников покинули учинили...до болхарской щели не проводили...

Мая в 5 день посланники Василий Степанович да дьяк Федор и государевы люди пошли из Болхар по горе, а государеву казну и посланников рухледь понесли грузинцы пеши на себе и провожали посланников до гор Болхарского владельца Ендабулова дети Жембулат да Газы. Да болхарский же владелец с горы воротился к себе в Болхары и у посланников у государевых людей лошади принял к себе в корм...» [16].

Не менее важной и интересной для реконструкции русско-кавказских отношений является упоминание в посольских делах одного из горских владельцев – Артутая Айдаболова, который в марте

1658 г. впервые в истории балкаро-российских отношений, сопровождая кахетинского царя Теймураза, посетил Москву и в составе грузинского посольства был представлен ко двору царя Алексея Михайловича [17, 194]. Это одно из самых ранних свидетельств письменных памятников о прямом политическом контакте представителя балкарской знати с русским правительством. Пребывание Артутая в Москве очень скупо отражено в русских источниках, известно лишь, что на отпуске грузинского царя Теймураза он наряду с другими посланцами Кавказа был богато одарен.

В документе, в частности, говорится: «Царев крестник, и крайчей князь Сачина Сулханов и Болхарский владелец Артут, и чиновные люди царское величество жалует Вас своим государским жалованьем по сороку соболей. А дворяном царя Теймураза Давидовича жалует царское величество своим государским жалованьем от казны. А после того думной дьяк к великому государю молвил. Великий государь на вашем государское (...) жалованье митрополит и архимарит и игумены и старец и бояре и чиновные люди вам великому государю челом ударили. И великий государь велит думному дьяку сказати царское свое государево жалованье от своего царского стола яству и питье и отпустил великий государь царя и чиновных его людей на подворье» [18]. Приведенный документ из Российского государственного архива древних актов позволяет не только во всех деталях воспроизвести церемониал и посольский обычай, но и сделать вывод о достаточно высоком политическом статусе балкарского владельца Артутая, который был одарен наряду с кахетинским царем (еще в 1639 году присягнувшим на подданство русскому царю) и представителями тушин и шибутян, просивших о принятии жителей Тушинской земли и Шибутского джамаата в русское подданство. С этого времени можно говорить о длительном, не всегда поступательном процессе политического взаимодействия и сближения балкарских обществ с Россией.

Таким образом, в архивах Посольского приказа сформировался ценнейший корпус материалов, анализ которого дает уникальные сведения по истории внешней политики России XV-XVII веков, раскрывает приемы и методы русской дипломатической школы того времени, выявляет разрозненные сведения о народах нашей страны, чья средневековая история практически не освещена в

письменных источниках. Не случайно выдающийся дипломат XVII в. Афанасий Ордин-Нащокин назвал Посольский приказ «оком всей великой России». Сложно переоценить роль этого учреждения как в становлении русско-кавказских отношений, так и в последующем изучении истории народов Кавказа. Материалы из архивов Посольского приказа, такие, как челобитные северокавказских владельцев, жалованные грамоты русских царей, «отписки» астраханских и терских воевод, «расспросные речи» членов посольств, статейные списки послов и другие виды документации позволяют пролить свет на «темный период» истории народов региона и исследовать формирование кавказского направления внешней политики России.

1. Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961.

2. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник / Сост. В. И. Савва М., 1983. Вып. 1-2.

3. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917 гг.). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017.

4. Рогожин Н. М. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV – начала XVIII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988.

5. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963.

6. Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю. 1639-1640 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 2. С. 257-376.

7. Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650-1652. Тифлис, 1926.

8. Материалы по истории русско-грузинских взаимоотношений. 1615-1640/ Сост. М. А. Полиевктов. Тбилиси, 1937.

9. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3 т. / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1890-1892.

10. Кушева Е. Н. Северный Кавказ и международные отношения

XVI-XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943. № 1. С.60-68.

11. Волкова Н.Г. Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. как этнографический источник // Кавказский этнографический сборник. Вып.6. М., 1976. С.254-293.

12. Гутнов Ф.Х. Северный Кавказ в статейных списках конца XVI – середины XVII в. // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16 (55).

13. Бокарева О.Б. Посольские книги по связям России с Персией первой половины XVII в. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7 (50). С. 96-106.

14. Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е-начало 1770-х годов). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017.

15. Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932.

16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 110 Сношение России с Грузией. Оп.1. 1655. Д.2. Л. 33-35.

17. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI-XVII в. М., 1997.

18. РГАДА. Ф. 110. Оп.1. 1658. Д.5 (1). Л. 64 об.

**Д. А. ГАРМЫШЕВ,
аспирант ИИМО ЮФУ
(г. Батайск)**

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

Автор рассматривает проблему распространения образования на Кавказе в XIX веке. Особое внимание уделено деятельности отдельных личностей, оказавших наибольшее влияние на открытие новых учебных заведений на Кавказе.

Ключевые слова: Образование; Кавказская война; Услар; Берже; Воронцов.

The author considers the problem of education spreading in the Caucasus in the 19th century. Particular attention is given to the work of well-known figures who have contributed greatly to the establishment of new educational institutions in the Caucasus.

Keywords: Education; Caucasian war; Uslar; Berzhe; Vorontsov.

Одной из важнейших задач, стоящих перед русской администрацией на Кавказе в XIX веке как в военное время, так и в послевоенный период стало развитие образования в регионе. Новые подданные российского императора, в большинстве своем, не владели русским языком, что не только осложняло принятие новой гражданственности, но и могло поспособствовать росту влияния мусульманских держав, долгое время претендовавших на владычество на Кавказе.

В настоящий момент не написано сводной монографии по вопросам развития образования на Кавказе в XIX веке, тем не менее, данная проблематика рассматривалась как дореволюционными, так и современными исследователями. Наиболее полно проходящие в области образования изменения отражены в таких источниках, как «Сборник сведений о кавказских горцах» и 12 томное собрание «Актов Кавказской археографической комиссии».

Из современных исследований по данной проблематике можно выделить монографию А. Т. Урушадзе [1], в которой подробно рас-

смотрена деятельность М.С. Воронцова на посту кавказского наместника, в том числе и по вопросам, связанным с образовательной политикой.

Задолго до начала активных боевых действий на территории Кавказа, главноначальствующий в Грузии князь П.Д. Цицианов всерьез озаботился вопросами образования местного населения. В данной области существовали серьезные проблемы. Так, например, отправившись в Грузию для наблюдения за работой благородного Грузинского училища двух классов, созданного для детей грузинских аристократов, Цицианов не нашел «ни учеников, ни учителей, ни даже училища». Объяснялось это тем, что «ученики перестали ходить по необычности и дикости нравов здешнего народа» [2, 196].

Проведение реформ в области образования было инициировано наместником М.С. Воронцовым. Центром образования на Северном Кавказе стала Кавказская областная гимназия, преобразованная в Ставропольскую мужскую гимназию. При ней так же было открыто подготовительное отделение и пансион для горской молодежи. Воронцов стремился сделать образование максимально доступным для самых различных слоев горского населения, что в корне отличало его образовательную политику от мер, проводимых предшественниками.

До попыток реформ в области образования, учиненных русской администрацией во главе с М.С. Воронцовым, на территории имамата установилась сеть учебных заведений религиозной направленности. Стоит упомянуть, что глава горцев, Шамиль, в юности путешествовал от одного духовника к другому, обучаясь у каждого из них тонкостям ислама. Знатоки ислама были известны на весь Кавказ, и юноши, стремящиеся приобрести религиозные знания, точно знали, к кому им необходимо обратиться.

Очевидцы отмечают относительно высокий уровень грамотности среди горского населения. Так, фактически в каждом селе находился грамотный житель, который мог за относительно небольшую плату (нередко расплачивались едой) мог обучить ребенка чтению на арабском языке и совершению намаза. Однако данные навыки едва ли могли помочь горцам стать полноправными гражданами Российской империи.

Особую роль в развитии образования в среде горцев сыграл

академик П.К. Услар, прослуживший на Кавказе более 25 лет. Сам Петр Карлович провел среди горцев последние годы своей жизни, обучая их грамоте, и оставил после себя ряд статей по практической педагогике – «О распространении грамотности между горцами» и «Предположение об устройстве горских школ». В выпуске № 10 «Сборника сведений о кавказских горцах» за 1881 год отмечается, что идеи Услара должны быть положены в основу «будущего рационального воспитания кавказских инородцев» [3, 3].

П.К. Услар утверждал, что каждый народ стремится к сохранению своей индивидуальности и, вместе с тем, считал необходимым распространение русского языка среди горского населения. По мнению академика, обучение русскому языку современного для него поколения горцев возможно лишь в русских школах, вдали от самой туземной среды. Услар предлагал объединять маленькие школы в одну крупную, находящуюся на плоскости, и его мнение было поддержано [4, 304].

С позиции сторонника русской администрации, Петр Карлович анализирует перспективы распространения русского языка среди горского населения и приходит к выводам о том, что в Дагестане победу над умами горцев одержал арабский язык. Главные причины поражения великого и могучего состоят в том, что горцы, выучившись русскому языку, редко идут в сельские учителя для распространения своих знаний, а училища, обучающие русскому языку, имеют возрастные ограничения [4, 305].

Большую работу по изучению края проводил и другой известный кавказовед, П.А. Берже. Помимо работы над одним из главных источников по истории Кавказа, «Актов Кавказской археографической комиссии» (АКАК), Берже принимал активное участие и в развитии образования в крае, получив должность заведующего мусульманского училища Закавказского края (1856), а через год – правителя Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества [5, 6].

В проводимой Российской империей образовательной политике также стоит выделить феномен аманатских школ. Аманатство представляло собой своеобразную форму заложничества. Как правило, к такой форме договоренности прибегали в период междоусобных войн или военных столкновений. Одна из сторон,

дабы доказать отказ от дальнейших военных действий, отдавала другой стороне своего ребенка на некоторый промежуток времени.

О распространенности данной формы заложничества на Кавказе и особом отношении к аманатам говорит тот факт, что в первую аманатскую школу, открытую в Нальчике в 1820 году, адыги, в знак своей покорности России, отправили на учебу 916 аманатов [6, 12]. Данные школы не только способствовали инкорпорации народов Северного Кавказа в правовое поле Российской империи, но и давали примеры мирного сосуществования горских народов и русского населения.

Уже в 30-х-40-х годах XIX века проявляются первые яркие плоды русского воспитания, оказанного горцам. К ним можно отнести яркого художника портретиста П.З. Захарова-Чеченца и просветителя Хан-Гирея, автора первых книг по истории адыгского народа. Но и здесь встречались серьезные проблемы. Часто выучившиеся аманаты или горцы, перешедшие на русскую службу, не встречали поддержки в среде своего народа. Так, например, жизнь, уже упомянутого Хан-Гирея закончилась трагично. По многочисленным слухам, его отравили земляки, не простившие ему перехода на царскую службу [7, 196].

Заложенные в 40-е-50-е годы XIX века образовательные инициативы продолжали развиваться на протяжении всего столетия, периодически сталкиваясь с определенными трудностями. Советский историк Н.А. Смирнов приводит примеры о том, что вплоть до конца XIX века религиозные секты препятствовали открытию школ на Кавказе [8, 258].

Образовательная политика России на Кавказе способствовала добровольному переходу на русскую службу лояльно настроенных представителей горских народов. На первых порах казавшиеся абсолютно неэффективными школы впоследствии сыграли выдающуюся роль в формировании российской гражданской ответственности на Кавказе.

Проведение реформ в области образования на Кавказе было обусловлено, в первую очередь, необходимостью инкорпорации горских этносов в состав Российской империи. Распространение грамотности среди горцев способствовало также сохранению наци-

ональной элиты, показавшей свою лояльность российской власти. В дальнейшем этот принцип был взят за основу и активно применялся советской властью при реализации образовательной политики в национальных республиках, что лишний раз показало его эффективность.

1. Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2016.

2. Акты, Собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис, 1868.

3. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск X. Тифлис, 1881.

4. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск III. Тифлис, 1870.

5. Берже А.П. Русская старина. Пятигорск, 2011.

6. Бекоева Т.А., Кудзаева А.Г. Правительственные школы в Северо-Кавказском регионе (конец XVIII- вторая половина XIX. столетия) // Экономические и гуманитарные исследования регионов № 5, 2016.

7. Урушадзе А.Т. Кавказская война. Семь историй. М., 2018.

8. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. Л., 1958.

А. Н. ГРЕБЕНКИН,
 кин, доцент СИУ – филиал РАНХиГС
 (г. Орёл)

КАВКАЗСКИЕ ВОСПИТАННИКИ В КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

В статье дана характеристика процесса обучения и воспитания малолетних горцев в кадетских корпусах Российской империи в царствование Николая I. Автор приходит к выводу, что главной целью помещения горцев в кадетские корпуса было создание преданной императору национальной элиты. Эта цель проводилась в жизнь максимально деликатно: кадетам-горцам были предоставлены многочисленные льготы и привилегии. Вместе с тем правительство сознательно не шло на предоставление горцам права получить полноценное военное образование: к изучению специально-военных наук они не приступали.

Ключевые слова: Российская империя; кадетский корпус; горцы; Кавказ.

This article presents the characteristics of the process of training and education of young Caucasian highlanders in cadet corps of the Russian Empire under Nicolas I. Author comes to the conclusion that the main purpose of placing of Caucasian highlanders in cadet corps was the creation of national elite loyal to the Emperor. This purpose has been implemented as gently as possible: cadets-highlanders received numerous benefits and privileges. At the same time, the government did not consciously give the highlanders the right to receive a full military education: they did not start studying specially-military sciences.

Keywords: Russian Empire; cadet corps; Caucasian highlanders; Caucasus.

Закономерным следствием начавшейся в 1817 г. Кавказской войны была разработка российским правительством комплекса мер, направленных на формирование образованной, преданной императору местной элиты. Важное место в процессе конструктивной инкорпорации Кавказа в политическое и социокультурное пространство Российской империи отводилось созданному в 1828 г. лейб-гвардии Кавказско-Горскому взводу – основе Собственного Его Императорского Величества конвоя. Специфика кадровой политики в отношении этого эксклюзивного гвардейского подразде-

ления властно диктовала необходимость создания особого канала подготовки для него офицерских кадров, который одновременно позволял бы осуществлять и культуртрегерскую политику. Поскольку нужда в большом количестве офицеров-горцев отсутствовала, открытие для их подготовки специального кадетского корпуса было нецелесообразно. Выход был найден в помещении малолетних горцев – кандидатов в офицеры в уже существующие военно-учебные заведения, по несколько человек в каждое, с наделением их особым статусом, существенно отличавшимся от статуса обычных воспитанников. После получения образования горцы могли продолжать службу в офицерском чине не только в конвое, но и в кавказских и российских кавалерийских полках.

В 1829 г. первые 17 малолетних горцев были помещены в Дворянский полк, в то время еще не относившийся к числу элитных военно-учебных заведений (таковым он стал лишь в 1834 г.). Поскольку обращение с новичками в Дворянском полку, как и во всех военно-учебных заведениях той эпохи, было весьма суровым, а коллективная психология воспитанников зиждлась на принципе категорического неприятия всего, выходящего за рамки привычного обихода «кадетских монастырей», горцев следовало обезопасить от насмешек и издевательств. Кроме того, религиозные и культурные традиции, носителями которых являлись зачисляемые в Дворянский полк кавказские воспитанники, обуславливали необходимость решения непростой задачи: не противопоставляя горцев основной массе «дворян», предоставить им такие привилегии, которые бы позволили относительно безболезненно пережить процесс адаптации к чуждой социокультурной среде.

В августе 1829 г. командующий Главной императорской квартирой генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф представил Главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-адъютанту Н.И. Демидову свод правил, на которых должно было быть основано воспитание горцев в Дворянском полку:

«1. Не подавать им свинины и ветчины.

2. Запретить, чтобы над ними дворяне не насмехались и никаких им оскорбительных названий не давали, а стараться сколь возможно, чтобы они подружились.

3. Ружием и маршировке не учить, а довести их помалу до того, чтобы они сами просили сим заниматься в свободное время.

4. Выговоров и наказания арестом им не делать самим начальникам, а приказывать о сем прапорщику Туганову, которому известно лучше, с которым народом как обращаться.

5. Не заставлять их самих чистить свое платье, а на этом им дается два служителя из их крепостных.

6. Не воспрещать им по их обычаю по несколько раз в день умываться.

7. Дозволить каждому класть свое оружие и платье подле своей постели, как пожелает.

8. Не воспрещать надевать оружие, а прапорщик Туганов постарается постепенно их от сего отучить.

9. Дозволять им курить трубки вне классов.

10. Эфендию (их духовная особа) дозволять их посещать, когда он пожелает, даже и в классах.

11. Наблюдать, чтобы во время их молитвы дворяне им не мешали.

12. В свободное время от учения дозволять ездить им верхом на их лошадях, за которыми будет присылать прапорщик Туганов.

13. Их единоплеменникам не воспрещать их посещать в часы, свободные от ученья.

14. Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет их веры ничего худого не говорили и не советовали переменять оную.

15. Дозволить буде пожелают иметь свои постели» [1, л. 2-3].

Таким образом, правила гарантировали не только возможность следовать предписаниям ислама, но и сохранение привычных бытовых условий. Последнее было особенно важным, если учесть, что в Дворянский полк помещались отпрыски знатных фамилий, которым было бы тяжело расстаться со слугами и лошадьми. В ходе деловой переписки, завязавшейся между Бенкендорфом и Демидовым, было принято решение разместить горцев в отдельных «каморах» (помещениях) – Главный директор корпусов считал, что «...появление в каморах людей в необыкновенной одежде, отправляющих молитвы, а тем более частые омовения свои совсем особенным образом, должно непременно породить в воспитывающихся любопытство и суждения; но кто поручится, чтоб... дворяне... не в состоянии будут

воздержаться от насмешек» [1, л. 11 об. – 12]. Бенкендорф, вполне разделяя опасения Демидова и соглашаясь с ним, предложил водить горцев в баню отдельно от прочих воспитанников.

Прочие правила, предписанные воспитанникам военно-учебных заведений, распространялись на горцев с определенными поправками. Так, на запрос директора 2-го кадетского корпуса (при котором в то время состоял Дворянский полк) генерал-лейтенанта А.И. Маркевича, как поступать с кавказскими воспитанниками в случае совершения ими непристойных поступков (шума, драк и т.п.), Бенкендорф отвечал: «Подвергать тем же наказаниям, как и дворян, только телесных наказаний не делать» [1, л. 7 об., 9 об.]

В правилах ничего не было сказано об обмундировании кавказцев, однако в цитированной выше переписке Демидова с Бенкендорфом говорилось о «необыкновенной одежде». Видимо, сохранение за горцами права носить национальную форму после поступления в число «дворян» в силу самоочевидности в обсуждении не нуждалось. Обучавшиеся в Дворянском полку и других военно-учебных заведениях горцы были одеты в светло-синие чекмени с газырями, носили папахи и вооружены кинжалами и облегченными винтовками. По торжественным случаям они облачались в роскошные парадные костюмы, обшитые серебром.

В дальнейшем правительство демонстрировало столь же взвешенный подход к военному воспитанию горцев. Льготы и привилегии, закрепленные за кавказскими воспитанниками в Дворянском полку, распространялись и на тех горцев, которые помещались в другие военно-учебные заведения – 1-й, 2-й и Павловский кадетские корпуса, Александровский корпус для малолетних в Царском Селе. Это способствовало расширению круга представителей кавказской знати, желавших дать своим сыновьям военное образование. Чтобы кавказские воспитанники, вырванные из привычной социокультурной среды, не забыли родной язык, офицеры лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона регулярно посещали петербургские военно-учебные заведения для бесед и общения со своими юными соплеменниками, а по праздникам могли приглашать их к себе в гости. В то же время, принимая меры, направленные на сохранение национальной идентичности горцев, с подчеркнутым уважением относясь к соблюдению ими всех религиозных запретов

и предписаний, правительство не препятствовало налаживанию контактов между ними и прочими кадетами. Так, сын легендарного имама Джамалуддин-Шамиль (во всех кадетских мемуарах он именуется просто Шамилем), обучавшийся в 1-м корпусе, по отзыву его бывшего однокашника С.П. Зыкова, «...совершенно обрусев, был прекрасным товарищем и участвовал вместе с другими в разных проделках» [2, 631]. Выпускник того же корпуса Н.А. Крылов, кровать которого находилась рядом с кроватью Шамиля, полагал, что главной причиной ассимиляции Джамалуддина-Шамиля было то, что он попал в Россию в сравнительно раннем возрасте (9 лет) и до поступления в 1-й корпус более года пробыл в Александровском малолетнем корпусе, где «научился говорить по-русски и усвоил кадетскую жизнь» [3, 944]. Крылов, который, видимо, знал Шамиля гораздо лучше, чем Зыков, был далек от того, чтобы считать его «совершенно обрусевшим». Так, для 15-летнего Шамиля большим ударом стало вызванное неизвестными причинами и явно шедшее вразрез с устоявшимися правилами воспитания горцев распоряжение начальства сменить национальный костюм на обычную кадетскую форму. Большая же часть горцев представляла собой весьма экзотический материал, с трудом поддававшийся ассимиляции. А.Н. Куропаткин, поступивший в 1-й кадетский корпус в 1858 г. и еще заставший горцев, вспоминал: «К нам в корпус привозили горских мальчиков в их живописных костюмах. Не зная ни слова по-русски, попавшие из гор в гнилой Петербург, дети эти страдали и душевно и физически. Стройные, красивые, они напоминали орлят, посаженных в клетку. Держались особняком. Сами других не обижали, но в обиду и себя не давали. К ним, зная легкость, с которой они готовы были пырнуть в обидчика ножом, относились с некоторым страхом и уважением» [4, л. 30].

Большое место в воспитании горцев отводилось религии. Забота о пастырском наставлении будущих офицеров, которую проявляли как Николай I, так и стоявший во главе военно-учебного ведомства в 1831-1849 гг. его младший брат, великий князь Михаил Павлович, не могла обойти горцев стороной, тем более что преподавание основ ислама, в отличие от преподавания основ христианского вероучения, приходилось организовывать без опоры на предшествовавший опыт. В 1834 г. великий князь Михаил Павлович отметил, что

«...В... военно-учебных заведениях не вполне еще обращено должное внимание на обучение воспитанников из магометан правилам их исповедания и на соблюдение ими обрядов, постановленных Ал-кораном» [5, п. 5]. Принимая во внимание, что в основе воспитания должны лежать «...любовь к Богу, равно как познание и соблюдение Уставов религии», великий князь предписал директорам кадетских корпусов организовать изучение воспитанниками-горцами Корана под руководством специально приглашенных мулл и офицеров лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона и определить совместно с муллами, какие именно мусульманские обряды должны соблюдаться воспитанниками различных возрастов, а какие могут быть отменены.

Необходимость предоставления воспитанникам-мусульманам отдыха в дни их праздников, не совпадавших с христианскими, побудила скорректировать перечень табельных дней. Долгое время этот вопрос оставался неурегулированным и решался начальниками отдельных учебных заведений. Общим было лишь освобождение горцев от занятий по пятницам. Лишь в 1851 г. было определено, что обучавшиеся в корпусах мусульмане-шииты должны освобождаться от занятий для празднования Новруза (праздника Нового года), а воспитанники обоих направлений ислама – на время Рамадана и следующего за ним трехдневного праздника Ураза-байрам [6, п. 5]. В 1852 г., по инициативе мусульманских законоучителей, одобренной кавказским муфтием и муджтахидом, было отменено освобождение воспитанников-мусульман по пятницам от занятий как вредившее их учебным успехам и приучавшее к праздности [7, п. 2].

При выпуске в офицеры кадетам-кавказцам делались определенные послабления. С 1842 г. горцы, успешно оканчивавшие корпус, производились не в кавказские полки, а по кавалерии, и перед отправкой на Кавказ прикомандировывались к полкам регулярной кавалерии для прохождения в них своеобразной стажировки. В связи с этим последовало высочайшее повеление о том, «что воспитанники кадетских корпусов из горцев, выпускаемых в офицеры с прикомандированием на службу в кавалерийские регулярные полки, должны сохранить свою национальную одежду, по высочайше утвержденной форме, исключая тех, кои пожелают поступить в состав полков» [8, л. 4-4 об.].

Привилегированное положение горцев сохранялось и после начала их офицерской службы. В 1843 г. Николай I, «снисходя к стесненному положению воспитанников из горцев, выпускаемых из военно-учебных заведений офицерами на службу в полки регулярной кавалерии... высочайше повелеть соизволил производить им во время служения в кавалерийских регулярных войсках двойной оклад жалованья» [9, п. 11].

Вместе с тем, щедро даруя льготы и привилегии, правительство не забывало и о цели помещения горцев в кадетские корпуса – формирования национальной элиты, проникнутой чувством благодарности к монарху и считавшей своей родиной не только Кавказ, но и Российскую империю. Так, в 1852 г. в целях формирования устойчивой связи выпускаемых в офицеры горцев с Россией и ослабления их контактов с остававшимися на Кавказе родственниками было принято правило, в соответствии с которым горцы и мусульмане, выпускавшиеся из кадетских корпусов офицерами, должны были прослужить до перевода на Кавказ не менее шести лет в кавалерийских и пехотных полках, расположенных в России [10, п. 3].

Прохождение горцами учебного курса подчинялось особым правилам. Курс обучения в николаевских кадетских корпусах делился на несколько ступеней, образуемых приготовительными, общими и специальными классами. Специальные классы предназначались для изучения военных наук: тактики, артиллерии, фортификации. В отличие от прочих кадет, которые вынуждены были покидать корпус после окончания общих классов с производством в прапорщики внутренней стражи лишь в случае неспособности к наукам или лени, лишаясь тем самым шанса сделать карьеру, горцы не подлежали переводу в специальные классы независимо от их успехов и прилежания. Как правило, кавказские воспитанники, несмотря на почти полное отсутствие первоначальной подготовки и незнание русского языка или слабое владение им в момент зачисления в корпус, за счет усидчивости и упорства достигали неплохих результатов, оставляя позади многих кадет, однако никаких исключений для них не делалось. Уже упомянутый сын Шамиля Джамалуддин не испытывал никаких затруднений при переводе из класса в класс и без посторонней помощи окончил общий курс корпуса, но в 1-й специальный класс так и не попал. Таким образом, горцы получали в кор-

пуге не военную, а лишь общеобразовательную подготовку, хотя и достаточно разностороннюю. Так, в 1847 г. в прапорщики были произведены выпускники 1-го кадетского корпуса Х.-М. Крымшавкалов и Искандер Бек. В их послужных списках было указано, что они обучались «закону магометанскому, русскому и французскому языкам, арифметике, алгебре, зоологии, ботанике, географии, истории и рисованию» [11, л. 212]. Поскольку ряд общеобразовательных дисциплин продолжался и в специальных классах, программа обучения горцев столь важному для воспитания предмету, как русская история, была скорректирована таким образом, чтобы они завершали ее полный курс в общих классах [12, п. 6].

Постепенно на горцев были распространены и некоторые привилегии, касавшиеся учебных наград. В 1837 г. директор 2-го кадетского корпуса генерал-майор Ф.Я. Миркович в докладе исправлявшему должность Главного начальника Пажеского, всех кадетских корпусов и Дворянского полка принцу П.Г. Ольденбургскому отмечал, что «...вверенного ему корпуса некоторые воспитанники из горцев заслуживают поощрение, по весьма хорошему поведению и успехам в науках» [13, л. 1]. В итоге горцы получили право на производство в ефрейторы, унтер-офицеры и в фельдфебели с ношением на погонах, введенных в 1831 г., галунных нашивок, а те из них, которые добровольно отказывались от производства в офицеры и оставались в корпусе еще на год «для усовершенствования в науках», стали отличатся нашивкой из золотого галуна на левом рукаве.

По мере того, как Кавказская война шла к завершению, число горцев, помещаемых в кадетские корпуса на предназначенные для них вакансии, уменьшалось. Н.А. Крылов, поступивший в 1-й кадетский корпус в 1841 г., отмечал, что их было «человек двадцать». С.П. Зыков, учившийся в корпусе в то же время, полагал, что число горцев не превышало 10 человек.

Поскольку в 1840-х гг. количество кандидатов на поступление в кадетские корпуса резко возросло, в 1847 г. великий князь Михаил Павлович предложил помещать «горцев и детей Кавказского и Закавказского края» не только в Санкт-Петербургские, но и в Московские, а также в провинциальные кадетские корпуса. Николай I согласился с этим мнением лишь частично, повелев «детей горцев Кавказского и Закавказского края определять только в кадетские

корпуса здешние и Московские» [14, п. 8]. Решение императора, очевидно, было мотивировано тем, что надзор за обучающимися горцами проще было осуществлять в столицах. Кроме того, в провинциальных корпусах они были бы полностью лишены возможности пользоваться наставлениями мусульманских законоучителей.

К началу 1850-х гг. число горцев, обучавшихся в кадетских корпусах, еще более сократилось. В 1851 г. из Александровского кадетского корпуса для малолетних были переведены: в 1-й корпус – 2 горца и 1 мусульманин (неясно, азербайджанец или татарин – А. Г.), во 2-й корпус – 2 горца, в Павловский – 3 горца и 1 мусульманин [15]; в 1852 г.: в 1-й корпус – 3 горца, во 2-й корпус – 3 горца, в Павловский корпус – 2 горца [16]. Тем не менее, и в начале 1850-х гг. в 1-м кадетском корпусе, по свидетельству Л. Л. Драке, «был отдельный горский конный взвод, состоявший исключительно из кадет-магометан – уроженцев Кавказа» [17, 13]. Несмотря на то, что более половины вакансий, ежегодно предоставляемых в корпусах горцам и уроженцам Кавказского и Закавказского края, оставались незанятыми, их полное упразднение последовало лишь в 1858 г. [18, п. 8].

Хотя выпускаемые из кадетских корпусов офицеры-горцы, в силу своей малочисленности, не стали сколько-нибудь значимой социопрофессиональной группой, они сыграли важную роль как в деятельности Собственного Его Императорского Величества конвоя, обеспечивавшего охрану императора, так и в российской культурной политике на Кавказе. Способствуя росту численности образованных людей, одновременно принадлежавших и России, и Кавказу, кадетские корпуса выполняли важную миссию формирования местной элиты, не демонстрировавшей враждебное отношение к Петербургу, а, напротив, многим ему обязанной, и тем самым внесли большой вклад в создание единого политического и культурного пространства Российской империи сугубо мирными, просветительскими средствами.

1. Переписка с Шефом жандармов и Командующим Императорской Главной квартирой в Петербурге Бенкендорфом А. Х. по вопросу об определении в Дворянский полк 17 человек из Лейб-гвардии Кавказско-горского взвода. 1829 // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 945. Оп. 1. Д. 76.

2. Зыков С.П. Наброски из моей жизни // Русская старина. 1910. № 3.
3. Крылов Н.А. Кадеты сороковых годов (Личные воспоминания) // Исторический вестник. 1901. № 9.
4. Воспоминания Куропаткина А.Н. («70 лет моей жизни»), 1848-1917 гг. Т. 1. Ч. 1. Гл. 1-4 // РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1740.
5. Приказ Главного начальника Пажеского, всех Сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка от 13 декабря 1834 г. № 26.
6. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 17 мая 1851 г. № 1328.
7. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 11 апреля 1852 г. № 1499.
8. О сохранении национальной одежды воспитанниками кадетских корпусов из горцев, выпускаемых в офицеры с прикомандированием на службу в кавалерийские регулярные полки. 1842 // РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 6035.
9. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 25 июня 1843 г. № 460.
10. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 28 мая 1852 г. № 1523.
11. О выпуске кадет офицерами, классными и нижними чинами и о прочем. 1846-1847 // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 5798.
12. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 16 июня 1853 г. № 1754.
13. О разрешении лучших воспитанников из горцев, состоящих в ВУЗ, отличать нашивками, подобно прочим воспитанникам. 1837 // РГВИА. Ф. 405. Оп. 5. Д. 1253.
14. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 25 апреля 1847 г. № 850.
15. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 29 мая 1851 г. № 1333.
16. Приказ Главного начальника военно-учебных заведений от 15 мая 1852 г. № 1517.
17. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х гг. (Отрывочные воспоминания). СПб.: Изд. В. Березовского, 1911.
18. Приказы по военно-учебным заведениям от 16 сентября 1858 г. № 2571.

Б.А. СОСРАНОВ,
студент СОГУ им. Х.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье исследованы социокультурные факторы утверждения российской государственности на Северном Кавказе, применяемые к концу и после Кавказской войны. К числу эффективных механизмов воздействия на процессы формирования и укрепления государственности и общероссийской гражданственности отнесены конфессиональная политика (деятельность православных миссий) и система народного образования.

Ключевые слова: аманат; кайтаг; династия Гиреев; шейх Мансур; имам Шамиль; православные миссии.

Sociological and cultural factors of the assertion of Russian statehood in the North Caucasus, applied to the end and after the Caucasian War, are investigated in the article. Some of the effective mechanisms of influence on the formation and strengthening of statehood and citizenship nationwide attributed confessional policy (work of Orthodox missions) and the system of public education.

Keywords: Amanat; Kaitag; Gireys Dynasty; Sheikh Mansour; Imam Shamil; Orthodox missions

Освоение Кавказа Российской империей проходило очень сложно и медленно. Этот процесс условно можно разделить на 4 этапа.

Первый этап, длился со второй половины XV века до конца XVII века, можно сказать это был период относительно мирного освоения некоторых территорий.

Второй этап, длившийся почти весь XVIII век, знаменует собой начало открытой военной экспансии России на Северный Кавказ. В эпоху царствования Петра I, а затем и Екатерины II, доминирует доктрина военной колонизации горских земель, и уже ближе к концу XVIII века шейх Мансур первым предпринял попытку объединения северокавказских народов под знаменем ислама в единое государство. Однако реализовать эту идею полностью шейху Мансуру не удалось.

Третий этап, приходится на первую половину XIX века. С назначением генерала А.П. Ермолова (1816-1827 гг.) командующим русской армией на Кавказе начинается планомерное продвижение русских войск вглубь территории Чечни, военное давление усиливается. В ответ в Чечне нарастает национальное движение. Более 30 лет его возглавляет Бейбулат Теймиев. Ему удалось впервые объединить большинство чеченских обществ. Он также пытался объединить горские народы, заключив союз вольной Чечни с феодальными княжествами Северного Кавказа. Бейбулат Теймиев был сторонником мирного разрешения конфликта и стремился избежать большой войны с Россией. Его предательское убийство способствовало эскалации военных действий.

Имаму Шамилю удалось в 1834 году завершить то, что начал шейх Мансур: объединить часть горцев Северного Кавказа в борьбе против царской России и создать имамат-государство, которое оказалось в состоянии 27 лет противостоять самой сильной тогда военной державе мира, но не без помощи блистательной Порты, а через нее и Британской империи.

В 1859 году Шамиль потерпел поражение и стал почетным пленником императора Александра II.

Четвертый этап связан с проводимой на Кавказе социально-культурной политикой.

Европейские метрополии рассматривали свои колонии, прежде всего, как источник дешёвого сырья для своих заводов, фабрик, мануфактур. Колонии были также и рынками сбыта товаров, производимых метрополиями. Россия в период становления государственности и формирования основ историко-культурного типа не была стиснута множеством стран, как, например, Испания, Франция, Португалия, и ей не приходилось переплывать моря и океаны, дабы найти свободный клочок земли. То есть, этнокультурные связи переселенцев не прерывались, а распространялись, главным образом, на восток и на юг от мест их исторической родины. Процесс становления российского государства, впитавшего множество этнических групп, причём далеко не всегда славянского происхождения, определил экстенсивный характер российского колониализма. Применение термина «экстенсивный» к явлению колониализма имеет некую долю условности, однако, с учётом способа расшире-

ния этнического ареала русских, а также заметных этнокультурных ассимилятивных тенденций, вполне допустимо.

Период Кавказской войны был очень тяжелым для России, страдала экономика, страдали мирные жители, проживавшие в непосредственной близости к территории боевых действий, падал авторитет Российского государства в глазах европейских государств. Все это привело правительство Российской империи к пониманию того, что на Кавказе силой оружия будет очень сложно изменить отношение к России. Вызвать доверие к Российскому правительству решено было с помощью новой, более мягкой и мирной политики, опирающейся на идею культурного взаимодействия. Началась активная интеграция множества культур Кавказа и культуры России. Активную роль в культурной колонизации Кавказа играла РПЦ, началась активная христианизация местного населения, но она носила добровольный характер, права мусульман не ущемлялись. РПЦ спонсировала строительство церквей, церковно-приходских школ, больниц и т.д. Государство, в свою очередь, занималось внедрением общегосударственных правовых норм, созданием административных учреждений, налаживанием их работы, внедрением новых социальных институтов. Немалую роль в интеграции Кавказа с Россией сыграл и институт аманатства. Дети из семей знатных фамилий становились аманатами, в основном это были сыновья. Аманаты проживали среди русского этноса настолько долго, что успевали окончательно обрусеть и навсегда оставались верны Российскому императору. «...Местная власть, невзирая на все затруднения, отправляла сыновей горских князей и влиятельных дворян в виде аманатов, воспитывать их в столичные кадетские корпуса... горцы сначала смотрели на эту меру как на насилие. Но когда дети их возвратились обратно домой в блестящих офицерских мундирах и материальнообеспеченными, то в понятиях и чувствах большинства отцов произошел крутой поворот. Пробудив, таким образом, с одной стороны, в горцах доверие к правительству, в том смысле, что если оно занимается воспитанием детей, то этим оказывает им лишь благодеяние, а с другой – в народе массу желающих учиться, местная власть, немедля, приступила к устройству школ» [1, 12]. Одной из важнейших задач для Российской администрации было «обрусение» присоединенных территорий. Наиболее функциональным

средством реализации этой идеи стало распространение и внедрение в повседневную практику русского языка, фундамента русской культуры, основы российской государственности, ее неотъемлемого атрибута, важнейшего фактора суверенитета и территориальной целостности России. В рамках межкультурного взаимодействия он реализовывал функцию консолидирующего начала и межнационального общения. Прежде всего, русский язык был использован в качестве естественного средства в деле распространения на Северном Кавказе православия, поскольку сведения о бытовавших на его территории древних христианских традициях укрепляли ее надежды на христианизацию горских обществ. Христианское миссионерство было направлено на обращение в православие, формирование религиозного единообразия, создание образа «доброго русского», сильной и могущественной России, на то, чтобы этническая идентичность нерусских народов не брала верх над общеимперской, на нейтрализацию потенциального и реального сепаратизма образовательными средствами, на содействие формированию интеллектуальной элиты нерусских народов – учителей народных училищ, священников, переводчиков русской литературы, которые, прежде всего, рассматривались как выразители государственных и церковных интересов в «неспокойных» регионах Российской империи. Успехи православного миссионерства во многом определяли твердость государственных позиций России в отношении контроля над пространством, вместившем в себя множество народов, конфессий, языков и воспитательных традиций [2;3].

Направление политики Российской администрации на Кавказе стало постепенно смещаться в сторону культурной интеграции. За относительно малый промежуток времени на Кавказе было открыто множество школ, как духовных, так и светских, библиотек, театров и прочих культурных учреждений [4;5,6]. Российские административные органы на Кавказе пополнялись местными жителями, так как необходимы были люди, владеющие местными языками и понимавшие местные нравы.

Использовались и местные традиционные социально-культурные традиции. Институт дипломатического заложничества, или аманатства, был на протяжении ряда столетий важным атрибутом дипломатических отношений между Российским государством и

странами, находящимися от него в регионах к югу и востоку (Кавказ, Поволжье, Сибирь и др.). В черкесско-русских, в том числе и в кабардино-русских, отношениях он существовал дискретно. На сегодняшний день в отечественной исторической литературе институт аманатства изучен не в полной мере, его возникновение традиционно связывают с началом длительного процесса русско-кавказских взаимоотношений. По мере установления постоянных контактов с Россией, обычай аманатства актуализировался и стал активнее применяться. Термин «аманат» имеет арабское происхождение и переводится как заложник. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона сообщается, что «аманат – слово, заимствованное в древней Руси с Востока, означающее заложника. У древних народов и в средние века – обычай брать заложников для обеспечения точного выполнения договора» [7, 606]. Таким образом, вследствие исторически выработанной практики, когда устные клятвы, равно как и письменные обещания не обеспечивали выполнения договорных обязательств, сформировался институт аманатства, в котором заложники стали гарантами соблюдения договоров.

По мнению Г.А. Кокиева, аманатство было вызвано «общими мотивами русской ориентации на горскую феодальную и родовую знать» и на первом этапе своего существования «характеризуется отсутствием ярко выраженных элементов принуждения» [8, 86-87]. Аманатами становились, как правило, дети и близкие родственники знатных людей. Причем, главным условием была влиятельность их фамилий среди соплеменников. К середине XIX в. военная прослойка в составе коренного населения Кавказа становится значительной. Этому в немалой степени, помимо всего прочего, способствовали и возникшие при полках школы.

В 1836 г. командующий Кавказской линией отдал распоряжение принимать детей горцев в полковые и батальонные школы при войсках Кавказского корпуса. Было утверждено «Положение о воспитании 864 сирот и детей бедных родителей при войсках отдельного Кавказского округа», одобренное Николаем I [9, 144-145].

В этот период в одном только Дагестане были открыты школы при Апшеронском полку в Темир-Хан-Шуре, в Самурском полку в Дешлагаре. При Дагестанском конном полку была открыта школа для детей и братьев всадников, а также местных жителей под ру-

ководством полкового лекаря И. С. Костемеровского [10, 465]. Даже спустя 20 лет генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский в своем «Отчете за 1857-1859 годы» с сожалением отмечал, что «до сих пор для образования горского юношества было сделано очень мало. Основанные в 1837 г. при различных частях войск школы военных воспитанников не достигают своего назначения. Командиры часто считают существование школы обременительным для полка и во все о ней не заботятся. Пока эти школы единственное средство для образования детей покорных туземцев и бедных русских офицеров [11, 1307].

Воинские части, Кавказская учебная рота, дворянские полки, полковые и батальонные школы, кадетские корпуса, школы прапорщиков, кавалерийские училища составили своеобразную систему российского военного образования. К концу XIX в. сформировались целые династии северокавказцев, для которых военное дело стало профессией. К этому времени социальный статус горца, его родовитость не являлись определяющим фактором, как это было с аманатами. Вместе с тем надо признать вслед за современным исследователем проблемы И. В. Торопициным, что «аманаты играли весьма значительную роль в политике взаимоотношений российской власти с подвластными народами. Они служили важным дополнительным звеном, через которое осуществлялась связь российской администрации с национальной аристократией» [12, 78]. Аманаты, в силу специфики этого социально-политического института, были первыми, кто приобщался к русской культуре, образованию и военному делу. в первой половине XIX в. институт аманатства на Центральном Кавказе все еще играл важную роль в отношении тех народов, у которых существовало внешнее «приставское» управление и отсутствовали новые судебные-административные институты, учрежденные российской властью. При этом аманатство как эффективный инструмент внутренней политики постепенно начало себя изживать, российские власти прибегали к нему только как превентивной мере «в борьбе с изменой» в отношении непокорных горцев. По окончании Кавказской войны наступил новый этап развития российско-северокавказских отношений. В административно-правовой и социально-культурной сферах был запущен интеграционный механизм, ведущий к изживанию института аманатства, утративше-

го роль важного регулятора внутренних социально-экономических и политических отношений между правительственной администрацией и горскими народами.

На протяжении долгого времени в стремлении искусственно ускорить процесс покорения Северного Кавказа Российская империя прибегала к радикальным силовым мерам, что встречало в горской среде лишь противодействие и неприятие. Ни специально выставленные кордоны, ни карательные рейды, ни сеть укреплений, формировавших «пространство войны», не принесли желаемого результата. Смена тактики в отношении северокавказских народов от насилия и оружия к мирным преобразованиям, проведение планомерной культурной политики позволило России добиться внушительных успехов в установлении мира в регионе и налаживания отношений с противоборствующей стороной.

Применение различных механизмов культурного воздействия в процессе распространения идей централизованного государства как гаранта стабильности и прогресса, модернизации традиционного образа жизни, унифицирования системы ценностей как совокупности духовных идеалов и поведенческих установок доказало свою эффективность на практике.

-
1. Шанаев Гуцыр. Кое-что о горцах. Тифлис, 1888.
 2. Дзалаева К. Р. Формирование российской государственности и общероссийской идентичности на Северном Кавказе в XIX-начале XX века. Владикавказ, СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.
 3. Канукова З. В. Православие в формировании российской государственности и общероссийской идентичности в Осетии (конец XVIII – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2016. № 20 (59). С. 40-50.
 4. Кобахидзе Е. И. Ладонина Н. А. Развитие образовательного потенциала Осетии во второй половине XIX века. Монография. Владикавказ, СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.
 5. Дзалаева К. Р. Русская школа как основной механизм утверждения общероссийской идентичности в осетии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2016. № 21 (60). С. 47-54.
 6. Дзалаева К. Р., Гутиева Э. Ш. Образование как фактор интеграции осетин в российскую культуру (вторая половина XIX – начало

XX вв.) //Всероссийские Миллеровские чтения. 2008. № 1. С. 91-92.

7. Энциклопедический словарь. Том 2 / Под ред. проф. Е.И. Андреевского. Санкт-Петербург, 1890.

8. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова: сборник статей и документов. Нальчик: Эль-Фа, 2005.

9. Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). Пятигорск, 2006.

10. Муратова Е.Г., Батуева Э.А. Институт аманатства в политике России на Центральном Кавказе в первой половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69): в 2-х ч. Ч. 1.

11. Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.

12. Торопицын И.В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. // Кавказский сборник. Том 4 (36). Москва, 2007.

Е. В. КАРПЕНКО,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ОСЕТИНЫ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Основной целью данной статьи является установление роли осетин, участвовавших в Первой мировой войне. Автор также попытается проанализировать некоторые исторические моменты, связанные с Осетинским дивизионом и обозначить деятельность его командиров и его наиболее выдающихся членов его состава.

Ключевые слова: осетины; Первая мировая война; Осетинский дивизион; Осетинский конный дивизион; Осетинский полк.

Determine the part of the Ossetians, who participated in the First World War is the main purpose of the article. The author also tries to analyze some historical moments related to the Ossetic Division and to designate the activities of its commanders and its most prominent members of its staff.

Keywords: Ossetians; First World War; Ossetic Division; Ossetic Equestrian Division; Ossetic Regiment.

Война – всенародное бедствие, но именно в это тяжелое время испытаний раскрываются лучшие черты народного характера: патриотизм, твердость духа, готовность послужить общему делу, самопожертвование, мужество и доблесть. В тяжелый для страны час государство призывало на защиту Отечества лучших своих сынов. Представители небольшого осетинского народа были в первых рядах тех, кто мужественно встал на защиту страны.

В царской армии никогда не было деления по национальному признаку, но, тем не менее, существовали три части, сформированные из представителей Кавказа: Дагестанский конный полк, Туркменский и Осетинский.

Впервые Осетинский дивизион был сформирован в составе Терско-Горского конного полка во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Совершив массу подвигов, показав героизм и отвагу, осетины заслужили высокую оценку своей ратной службой, и дивизи-

зион получил Георгиевское знамя. Но вскоре после окончания войны дивизион был расформирован, о чем в Осетии сожалели, и не раз различные делегации просили государя императора восстановить его. В 1890 г. Осетинский конный дивизион был вновь сформирован и возглавил его полковник А. Э. фон Крузенштерн.

3 ноября 1899 г. во Владикавказе в торжественной обстановке дивизиону был вручен штандарт. В тот же день командир дивизиона полковник М. А. Лыщинский издал приказ по дивизиону, в котором были такие слова: «Пусть отныне облик святого Георгия, красующийся на нашем штандарте, будет служить нам всегда и везде напоминанием благословения Божьего, данной клятвы на верность и путеводной звездой на славу нашего дивизиона».

В последующие годы командиры дивизиона менялись, но к началу Первой мировой войны командиром дивизиона стал выходец из Владикавказа Сафар-бей Мальсагов (осетин). К этому времени дивизион квартировал в г. Ставрополе и входил в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии. Его рядовой состав (всадники) целиком состоял из осетин, а среди офицеров были представители разных национальностей. Кроме того, различные специальные части (саперы, пулеметчики, связисты) в основном состояли из терских казаков.

С началом Первой мировой войны Осетинский конный дивизион в составе своей дивизии сразу же отбыл на фронт и в первых боях показал доблесть и отвагу. Уже в первых числах августа осетины перешли австрийскую границу, а 13 и 14 августа 1914 г. 3-я армия, в которую входила 3-я Кавказская казачья дивизия, нанесла ряд поражений неприятелю, и он стал отступать. Осетинский дивизион вместе с другими конными частями бросился преследовать противника. В результате было захвачено 10000 пленных и 60 орудий [1,25].

В последующие месяцы Осетинский дивизион сражался в предгорьях Карпат и Галиции, прикрывая отступление русской армии. Всадники-осетины не раз получали благодарности от начальства. Но в дивизионе по-прежнему было лишь две сотни, а желающих послужить Отечеству было предостаточно. Несколько раз представители осетинского народа во главе с отставным генералом А. Бо-рукаевым и другими влиятельными лицами просили государя императора развернуть дивизион в полк, и, наконец, осенью 1915 г.

Николай II внял их просьбам и издал приказ о переформировании дивизиона в полк.

Дивизион был снят с фронта и 14 сентября 1915 г. выступил из Слуцка через Бобруйск в Армавир, куда прибыл 20 октября 1915 г. По новым штатам в Осетинском конном полку должны были числиться: 22 офицера, 3 врача, 1 чиновник, 868 строевых и 83 нестроевых нижних чина (всадников) – всего 977 человек.

Возвратившись на фронт, Осетинский конный полк вновь вошел в 3-ю Кавказскую казачью дивизию, составив с 1-м Дагестанским конным полком 2-ю бригаду. Из Буковины дивизия была переведена в Полесье и включена в состав 4-го конного корпуса генерала Гилленшмидта. Летом 1916 г. началось наступление Юго-Западного фронта, и семь конных дивизий завязло в трясины Полесья, но они дождались своего часа и, посланные в наступление, наголову разбили германцев в боях у Галузии, Волчецка и Маневичей.

Когда в 1917 г. началось летнее наступление русской армии, 3-я Кавказская казачья дивизия приняла в нем активное участие. Несмотря на то, что под влиянием большевистской пропаганды армия начала разваливаться, Осетинский полк во главе с полковником Василием Хетагуровым еще сохранял боеспособность, и поэтому ему поручали самые ответственные задания.

В июле 1917 г. пехотные части, бросив фронт, стали беспорядочно отступать, и Осетинский полк должен был остановить это бегство у города Монастыржиско. В этом же городе хранились большие запасы боеприпасов, которые должна была уничтожить саперская команда. И саперы взорвали склады, не предупредив об этом осетин, продолжавших сражаться на окраине города. В результате погибли полковник Хетагуров и несколько десятков всадников. Тело полковника Хетагурова было привезено во Владикавказ и предано земле в ограде Осетинской церкви [1,25].

За время войны десятки всадников Осетинского полка были награждены Георгиевскими крестами за проявленное мужество и отвагу. Самым героическим оказался Константин Сокаев. Он получил офицерский орден святого Георгия IV ст. – «за то, что в бою 23.07.1917 у Ракитно, временно командуя 4-й сотней и партией приданных к сотне гренадер, атаковал высоту, первым ворвавшись под губительным огнем противника в его первые окопы, зарубил кинжалом

германского офицера, захватил 4 действующих пулемета и, увлекая личной доблестью и отвагой своих стрелков, овладел 2-й линией окопов противника, обратив его в бегство; преследуя отступавших немцев и заметив у выс. 242 неприятельскую батарею, обстрелял ее из захваченного же пулемета и, бросившись со стрелками, захватил 5 орудий. Вырвавшись далеко вперед и не имея возможности вывезти захваченные орудия, вынужден был оставить их; привел в негодность, отошел на вторую линию окопов. Потери сотни: 6 убитых, 22 раненых и контуженных. Трофеи: 4 пулемета, пленных – офицер и 16 солдат» [2,137-139].

Полными Георгиевскими кавалерами в Осетинском полку также были: старший урядник Афанасий Аликов – IV ст. (561540), III ст. (29343), I ст. (15853); младший урядник Бек-мирза Дзгоев – IV ст. (179695), I ст. (16285); Виссарион Хадиков.

За отличие в боях с 8 по 19 июня 1915 г. Креста II ст. удостоились: Иван Урумов (36487), Соломон Дигуров (36488), Аврам Бязров (36489), Салох Колиев (36490), Георгий Урусов (36491).

9 марта 1916 г. у урочища Мосты приказной 1-й сотни Иван Абаев подполз к проволочным заграждениям противника и выяснил удобные подступы к стоянке бронированных автомобилей противника. Будучи замечен противником, несмотря на его огонь, продолжал наблюдение и был ранен пулей в живот. Находившийся рядом всадник Георгий Калоев вынес раненого Абаева с поля боя.

Ранение получил и другой разведчик-всадник, доброволец Антон Акимов. Он был ранен разрывной пулей в правую руку с раздроблением кости. Перевязав раненую руку на месте, он не покинул поле боя до тех пор, пока разведчики не получили приказ вернуться.

С приказом вернуть разведчиков был послан всадник Иван Сикоев. По дороге он три раза был ранен, но выполнил задание и только тогда вернулся.

Позднее все четыре разведчика были награждены Георгиевскими крестами IV ст.

За отличия, проявленные в боях с неприятелем, Крестами III ст. были награждены: Александр Дзугаев, Ханджери Конаев, Харитон Тебиев, Султан Жантиев, Георгий Цакулов, Фома Кучиев, Кирилл Темболатович Туаев (с. Дарг-Кох), Елбыздыко Черджиив, Хаджумар

Дзугаев, Мурат Дзусов, Михаил Дауров, Борис Экиев, Борис Ватаев.

За мужество и храбрость, проявленные в бою 6 июля 1916 г., Крест IV ст. получил приказной Александр Базоев, III ст. удостоился всадник Владимир Иорданов (сын сенатора), а II ст. получил младший урядник Георгий Карсанов [3,25].

Осетины сражались на фронтах Первой мировой войны и в составе Кабардинского конного полка, о чем свидетельствует архивный материал и исследование И.Т. Марзоева [4;5].

Русское военное командование неоднократно убеждалось в отличной боевой подготовке осетин, дисциплине и умении обращаться с оружием, успешно сражаться в конном и пешем строю, знании и привычке к действиям в горной местности. Все эти качества осетин обуславливались политической обстановкой, социально-экономическими факторами, непрерывными войнами, способствовавшими индивидуальному военному воспитанию горцев.

1. Киреев Ф.С. Герои и подвиги. Уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ: Ир, 2010.

2. Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014.

3. Киреев Ф.С. Георгиевские кавалеры в Первой мировой войне // Пульс Осетии. Владикавказ. 2017.

4. Марзоев И.Б. Т., Атабиев Х.А. Забытые герои забытой войны: из истории кабардинского конного полка//Известия СОИГСИ. 2015. № 18 (57). С. 110-127.

5. Марзоев И.Б. Т. Осетины Кабардинского конного полка// Кавказ в годы Первой мировой войны: героика и повседневность Владикавказ, 2014. С. 123-134.

**Р.А. СУГАИПОВА,
магистрант ЧГУ
(г. Грозный)**

ИСТОРИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. ХАНПАШИ НУРАДИЛОВА

В статье рассматривается непростой путь становления и развития Чеченского драматического театра им. Х. Нурадилова, который играет большую роль в духовной культуре не только чеченцев, но и всех народов, проживающих в Чеченской Республике; творчество известных актеров, режиссеров, деятельность которых известна далеко за пределами Чеченской Республики и является гордостью театрального искусства России.

Ключевые слова: театр; Чечено-Ингушетия; Чеченская Республика; история театра; Саид Бадиев; драматургия; театральная студия; пьеса; комедия.

The article examines an uneasy path of formation and development of the Kh. Nuradilov Chechen Drama Theater, who plays a big role in the spiritual culture of not only Chechens, but also of all peoples living in the Chechen Republic, the work of famous actors, directors whose creative activities are known far beyond the Chechen Republic and are the pride of Russia's theatrical art.

Keywords: theater; Chechen-Ingushetia; Chechen Republic; theater history; Said Baduev; drama; theater studio; play; comedy.

Днем рождения Чеченского драматического театра считается 1 мая 1931 года, этот год знаменуются открытием драматической студии. На областных курсах в 1928 году появляется большой любитель сцены Магомед Яндаров. Он организовал небольшой кружок талантливых чтецов-декламаторов. Яндаров сам написал пьесу «Макажойский имам». Автор пользовался большим уважением и популярностью, его слава вышла далеко за пределы Грозного. Звания заслуженных артистов получают М. Бадиев, О. Горчханов, К. Ильясов, Т. Исаев и многие другие. С кружком Яндарова сотрудничал основоположник чеченской драматургии Саид Бадиев.

В 1926 году из слушателей областных курсов низовых работников по коренации аппарата любители театра Магомед Яндаров и

Данилбек Шерипов образовали драматический кружок. Кружок получил название в духе времени «Театр рабочей молодежи» – ТРАМ. За два года ТРАМ на сценах клубов города и импровизированных площадках в селах поставил 150 спектаклей. Это были постановки «Мюрид» С. Шадиева, «Алибек-Хаджи» Д. Шерипова, «Макажойский имам» М. Яндарова. По этому поводу краевая газета «Молодой ленинец» писала, что грозненский ТРАМ единственный молодежный театральный коллектив на всем Северном Кавказе [1, 8]

1 мая 1931 года в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров Чеченской автономной области начал свою деятельность Чеченский национальный театр – студия под руководством Абдурахмана Авторханова, опытного партийного работника, впоследствии диссидента. В студию было набрано 45 человек, из них 9 женщин. Многие студийцы были неграмотными. Они почти не знали русского языка, и для них была разработана специальная программа. Студийцы осваивали азы актерского мастерства; сценическую речь, хореографию, вокал. В этом им помогали педагоги, отдавая много сил и знаний: Александр Туганов, руководитель русского театра в Грозном, азербайджанский режиссер и актер Мамед Алили, Владимир Шатов, драматург Саид Бадиев, музыкальный руководитель Умар Димаев. Чеченский драматический театр возник не пустом месте, корни его уходят в глубь веков, в народные обряды, национальные игры и т.д. [1, 41]. В 1929 году появляются новые пьесы «Закон отцов» Эльдарханова, «Алибек-Хаджи» Данилбека Шерипова. В 1931 году в городе Ростов-на-Дону проходит олимпиада искусств горских народов. На олимпиаде театр Чечни занимает второе место, получает почетную грамоту. После этой олимпиады художественное руководство актерской студии Чечни было укреплено профессиональными кадрами. Художественным руководителем становится А. А. Туганов, у которого был уже опыт в национальных театрах Грузии. За 1931 год студия ставит 31 спектакль в городе и в районах, в 1932 году 27 спектаклей, а в мае 1933 года выпускает первых 16 актеров. Среди них Мовжиди Бадиев, Тапа Исаев, Асет Исаева, Хава Хакишева и другие.

15 июня 1933 году студийцы показали свой дипломный спектакль по пьесе Саида Бадиева «Красная крепость» о Гражданской войне в Чечне, театр студия стала называться теперь Чеченским государ-

ственным драматическим театром. В 1934 году происходит историческое событие: в Москве принимают решение об образовании Чечено-Ингушской автономной области и одновременно происходит и объединение театральных студий, создается Чечено-Ингушский государственный драматический театр. В этом же году театр возглавляет Арчил Чхартишвили. Под руководством А. Чхартишвили театр приобретает профессиональную форму с установленной структурой и планом. А. Чхартишвили ставит пьесы Сандро Шаншиашвили «Анзор», «Ламара». В 1937 г. пьеса драматурга Саида Бадиева «Женитьба Цаэбы» в постановке первого национального режиссера-практиканта Батукаева имела большой успех. Пьеса С. Бадиева «Женитьба Цаэбы» – подлинно народная комедия. Она напоминает комедии Островского («Бедность – не порок»), в нее введены народные пляски, пословицы. Комедия бичует алчность. Мелкий торгашка Цаэба пытается обмануть бедняка Кайсара, присвоив деньги, полученные на хранение. За бедняка заступает аульная молодежь. Комедия С. Бадиева – одна из лучших чеченских пьес [2, 2].

К 1937 году творчество чеченского драматурга Саида Бадиева достигло своего расцвета. Он много работает, как будто боится не успеть. В июне 1937 года С. Бадиев завершает работу над поэтической драмой «Петимат» и музыкальной комедией «Весна», продолжает работать над драмой «Зелимхан». Предчувствия оправдались [2, 2]. Саид Бадиев стал жертвой «большого террора» 1937 года, когда только за одну ночь с 31 июля на 1 августа того же года были арестованы видные деятели науки и искусства, весь руководящий состав республики. Репрессии подверглись, первый руководитель театра А. Авторханов, писатель и общественный деятель Халид Ошаев, основоположник чеченской драматургии Саид Бадиев и многие другие. Узнав о готовящемся аресте органами НКВД Арчил Чхартишвили покидает республику. С арестом С. Бадиева из репертуара сняли его пьесы, уничтожаются все его произведения. В 1939 году Саид Бадиев был расстрелян [2, 3]. В 1938 году Гарун Батукаев, чеченец по национальности, окончивший режиссерский факультет ГИТИСа, становится первым профессиональным режиссером. Под его руководством ставятся такие пьесы, как «Храбрый Кикила», «Честь», «Лекарь поневоле», «Асет». В этом же году по просьбе республики при ГИТИСе открывают Чечено-Ингушскую актерскую студию, ее руководителем стано-

вится М.Г. Минаев. 42 чеченца и ингуша едут в Москву, в их числе 12 горянок. Это событие явилось значительным успехом в культурной жизни Чечено-Ингушетии. Выпускников актерской студии ГИТИСа, через пять лет ждали домой. Они должны были поднять театр на новую ступень. Но, к сожалению, началась Великая Отечественная война, и мечтам не суждено было сбыться. Почти вся мужская часть студии ушла на фронт. В живых осталось всего пять человек – А. Цароев, Ш. Сатабаев, М. Ханиев, А. Атуев, Х. Шоипов.

С первых дней войны оставшиеся в тылу артисты театра перестроили свою работу на военный лад, работая под девизом: «Все силы на разгром врага». В связи трудностями военного времени в 1942 году объекты культуры, в том числе Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски, ТЮЗ, Русский драматический театр, эвакуируются в Среднюю Азию. В Грозном остается только Чечено-Ингушский драматический театр [3]. В 1943 г., отмечая большие успехи нашей фронтовой концертной бригады, многие артисты были награждены грамотами Президиума Верховного Совета ЧИАССР. Всех наградили также медалью «За оборону Кавказа». Деятельность театра была оценена по достоинству. 30 декабря 1942 года Чечено-Ингушскому драматическому театру присваивается имя Героя Советского Союза Хампаши Нурадилова – чеченца, легендарного героя Сталинградской битвы.

В 2008 г. восстановлено здание театра, разрушенное в ходе военных действий в Чечне в 1994-2000 гг. Бессмертная комедия Абдул-Хамида Хамидова «Бож-Али» вновь ожила на чеченской сцене, звучит свежо и современно. К открытию нового здания театра созданы также следующие спектакли: популярная комедия А. Хамидова «Бож-Али», трагифарс М. Ахмадова «Ушедший за саваном», криминальная драма А. Мусаева «Расплата», музыкальная комедия У. Гаджибекова «Аршин Мал-Алан».

-
1. Гапаев А.С. Чеченский драматический театр. Нальчик, 2015.
 2. <https://scientificpublication.ru/images/PDF/2016/1/stanovlenie-chechenskogo-teatra.pdf>//Становление Чеченского театра. Алисханова М.Х., Хасханова Ф.М.
 3. <https://teatr-nuradilova.chn.muzkult.ru/istoriya>

**С. С. ЦУЦУЛАЕВА,
кин, доцент, ЧГУ
(г. Грозный)**

**ДОКУМЕНТЫ ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
НКВД-МВД СССР – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК
ПО ВОПРОСАМ ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНСКОГО
И ИНГУШСКОГО НАРОДОВ**

В статье рассматриваются документы и материалы Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, основные функции которого заключались в содействии трудовому и хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев, оперативное чекистское обслуживание спецпереселенцев, учет спецпереселенцев и административный надзор за ними в местах их расселения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; депортация; Отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР; документы; материалы; гриф «секретно».

The article examines documents and materials from the Department of Special Settlements of the NKVD-USSR Ministry of Internal Affairs, the main functions of which were to promote the work and household facilities of special settlers, the operative chekist services of special settlers, the registration of special settlers and the administrative supervision of them in their resettlement areas.

Keywords: Great Patriotic War; deportation; Department of Special Settlements of the NKVD-USSR Ministry of Internal Affairs; documents; materials; "secret" stamp.

14 ноября 1984 года Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергавшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» [1]. Это позволило снять с законодательных актов СССР гриф «секретно» и «не для печати» с отмененных в 1991 году Постановлений бывшего Государственного комитета обороны СССР, Указов Президиума Верховного Совета СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению.

Репрессивный акт в отношении чеченцев и ингушей, как и других народов, подвергшихся к переселению в восточные регионы бывшего СССР, был до мельчайших деталей задуман и осуществлен

в высших эшелонах государственной власти. Поэтому в качестве документальной базы источников исследования имеют или же могут иметь, если будут открыты в полной мере фонды спецхранов – Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления СНК СССР, Постановление ГКО, многочисленные приказы и инструкции наркомов, главным образом, НКВД – МВД, МГБ – КГБ СССР, крайисполкомов и крайкомов, служебные записки, отчеты, директивы, распоряжения, материалы и документы т.н. «особых папок Сталина» и т.д.

Основной комплекс официальных документов по депортации чеченского и ингушского народов хранится в центральных государственных архивах Российской Федерации. В частности, в Российском центре хранения современной документации (РЦХСД) и в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В них сосредоточены партийные и правительственные постановления, указы, директивы высших органов государственной власти СССР по подготовке насильственного выселения чеченского и ингушского народов, незаконной ликвидации Чечено-Ингушской АССР, о территориально-хозяйственном ее устройстве после выселения.

Основным источником по вопросам депортации является фонд документов Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР. Прежде чем перейти к анализу документов Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, необходимо сказать и о самом Отделе. 24 марта 1944 года Приказом НКВД СССР был создан Отдел спецпоселений как самостоятельная структура Наркомата, а с марта 1946 года – МВД СССР. Отдел спецпоселений 14 июля 1950 года Постановлением Совета Министров СССР был передан из МВД СССР в Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР, в составе которого для работы со спецпереселенцами было создано 9-е управление. В результате объединения МВД и МГБ СССР Приказом МВД СССР от 25 апреля 1953 года в составе Министерства был создан Отдел «Л», переименованный 30 октября 1954 года в 4-й спецотдел МВД СССР. В районах расселения спецпоселений – на территории РСФСР, республик Средней Азии и Казахстана действовали местные органы 4-го спецотдела, занимавшиеся административным надзором за спецпереселенцами, ссыльно-поселенцами и ссыльными. 4-й спецотдел МВД СССР и его периферийные органы были ликвидированы приказом министерства от 27 марта 1959 года [2, 162].

Фонд документов Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР хранится в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 9479), где содержится 1269 дел. Комплексность и уникальность материалов НКВД – МВД СССР заключается в наличии в его составе копий и отпусков постановлений, распоряжений ЦК ВКП (б) и СНК СССР, Указов Президиума Верховного Совета СССР по спецпереселенцам, Постановлений ГКО, а также документов МВД – МГБ СССР по работе со спецпереселенцами.

Методы и условия проведения операций по выселению народов определялись приказами НКВД СССР. Проведенный анализ показывает, что Постановления ГОКО предшествовали приказам НКВД и Указам Президиума Верховного Совета СССР о депортации народов. Как известно, 31 января 1944 года было принято Постановление ГОКО о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и переселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля был подписан приказ НКВД СССР по этому же вопросу и только 7 марта 1944 года принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории». В апреле 1944 года вопрос о переселении чеченцев и ингушей был решен на заседании Политбюро ЦК ВКП (б).

Подготовка к осуществлению актов депортации народов проводилась очень тщательно. Так, разработка планов депортации чеченцев и ингушей проводилась в Наркомате внутренних дел СССР, далее планы обсуждались на расширенном совещании начальников УНКВД республик Средней Азии и Казахстана. Дальнейшее уточнение и детализация операции были проведены с привлечением правительства и партийных органов республики и оформлены решениями СНК и Обкома ВКП (б) Чечено-Ингушской АССР [3, 38-39].

Ход операций по переселению народов строго контролировался НКВД. Телеграммы за подписью Л. Берия в адрес ГКО на имя Сталина подробно информировали о всех деталях операции. Так, в связи с выселением чеченцев в период с 17 февраля по 1 марта 1944 года в его адрес было направлено семь телеграмм, в которых содержатся сведения о подготовке и проведении операций, мероприятиях по пресечению попыток к сопротивлению, а также информация, характеризующая участников выселения и сам ход депортации [4, 474-476].

В документах отдела спецпоселений НКВД МВД СССР хранится информация о том, как осуществлялось трудовое устройство спецпереселенцев. Это документы наркоматов, комитета по учету и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР, информации о решениях ГОКО и Совета Министров СССР по этому вопросу. Механизм выделения спецпереселенцев в различные отрасли промышленности был достаточно отработан. Наркоматы принимали приказы и инструкции, определявшие использование рабочей силы из числа спецпереселенцев.

В Государственном архиве Российской Федерации сохранились, собранные лично начальником секретариата НКВД СССР генералом С. С. Мамуловым (Мамулян) в так называемой «особой папке для Сталина» – Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления ГОКО и Совнаркома СССР, приказы, инструкции, докладные материалы различных ведомств на имя Сталина, а также директивы, распоряжения и приказы НКВД – МВД СССР, имевшие гриф «совершенно секретно». Характерно наличие в этих папках копий документов, адресованных Берия, с пометой Секретариата «по распоряжению... снята копия в Особую папку». Здесь сконцентрирована вся основная информация о подготовке и проведении выселения народов, участии в этих операциях внутренних войск, армейских формирований и чекистов, а также докладные записки Берии на имя Сталина о награждении работников НКВД по выполнении операций по депортации.

В документах Отдела спецпоселений НКВД – МВД СССР имеется свыше 120 дел, содержащих справки и статистические сведения о состоянии спецпоселений. В специальных тетрадках содержатся сведения о количестве расселенных выселенцев, например, по состоянию на 1 октября 1949 года с разбивкой по национальностям, или местности, из которой произведено выселение, количестве расселенных спецпереселенцев по категориям спецпереселенцев. Кроме того, даны статистические сведения о количестве спецпереселенцев, расселенных по республикам, краям и областям с разбивкой по национальностям, местам выселения и категориям. Здесь же имеются сведения о количестве спецпереселенцев, трудоиспользуемых в исправительно-трудовых лагерях и спецстройках МВД; о занятости трудоспособных выселенцев и спецпоселенцев на работах

по отраслям народного хозяйства, с разбивкой по национальностям и категориям; сведения о побегах и задержании спецпереселенцев по местам проживания и по контингентам.

Особую ценность представляет тетрадь с перечнем контингентов спецпереселенцев с указанием оснований к их выселению, содержанию на спецпоселении и численности по состоянию на 1 июля 1950 года [5].

Кроме перечисленных выше документов, в фонде НКВД – МВД СССР содержится большое число материалов по переписке с наркоматами и ведомствами об трудоустройстве спецпереселенцев [6]; докладные записки и справки НКВД союзных республик, УНКВД краев областей о состоянии спец- и трудпоселков [7]; докладные записки и спецдонесения народных комиссаров внутренних дел республик и начальников УНКВД краев и областей о состоянии трудового и хозяйственного устройства спецпереселенцев, порядке их обслуживания, укрепления их жилищно-бытовых условий и медицинской помощи спецпереселенцам [8]; заключения органов НКВД-МВД СССР на спецпереселенцев, освобождаемых из-под административного надзора и снятия ограничений по спецпоселению с различных категорий спецпереселенцев [9].

Многие из документов в связи со снятием грифа «секретности» все чаще вводятся в научный оборот. Но большой комплекс документов все еще остается неизвестным для широкого круга исследователей.

Таким образом, необходимо комплексное изучение документов Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, чтобы справедливо отобразить вопросы депортации и жизни на спецпоселении чеченцев и ингушей, репрессированных в годы Великой Отечественной войны.

1. Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». 14 ноября 1989 год // <http://www.libussr.ru>

2. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в

материалах Государственного архива Российской Федерации: Аннотированный указатель дел/Отв. ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. Отв. сост. А. В. Добровская. Сост. Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, В. П. Наумов, В. И. Широков. М., 2005.

3. Бугай Н. Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7.

4. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944-2004: Документы, материалы, комментарии / Сост. Я. С. Патиев. Магас, 2004.

5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641.

6. ГАРФ. Д. 110-112, 145-148, 209-211 и др.

7. ГАРФ. Д. 77-82, 108-109 и др.

8. ГАРФ. Д. 131-133, 164-167, 290-295 и др.

9. ГАРФ. Д. 197-198, 204-205, 306, 310 и др.

III. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Л. У. КАГАЗЕЖЕВА,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ Р. Х. ГУГОВА

В статье освещается научная и общественная деятельность известного ученого-кавказоведа Р.Х. Гугова, который внес значительный вклад в развитие исторической науки Северного Кавказа.

Ключевые слова: Р.Х. Гугов; история; наука; ученый; парадигма.

The article highlights the scientific and social activities of the famous scientist-kavkazoved R. Gugov, who made a significant contribution to the development of the historical science of the North Caucasus.

Keywords: R.X. Gugov; history; science; scientist; paradigm.

Человек во все времена пытался определить свое место в системе мироздания. Даже в самые сложные и тяжелые периоды им добывались новые знания об обществе, его устройстве, назначении и месте каждого индивидуума в этом сложном мире. Деятельность первых ярких представителей отечественной интеллигенции изначально способствовала пробуждению интереса местной общественности к вопросам формирования национального самосознания народов России, осмыслению культурного наследия своего народа, ориентирующего на осознание исторического прошлого на фоне судеб других народов.

История формирования и развития научной мысли представителей первого поколения профессиональных историков Кабардино-Балкарии на сегодняшний день остается малоизученной. Это обстоятельство, с одной стороны, побуждает обратиться к исследованию обозначенной темы, а с другой стороны, позволяет углубить наши представления о становлении и развитии исторической науки в Кабардино-Балкарии.

Видным и ярким представителем первого поколения профессиональных историков Кабардино-Балкарии второй половины XX в. был Рашад Хусейнович Гугов. Реконструкция его профессионального пути, анализ исторических проблем, которые его волновали и над которыми он работал, взаимоотношения с коллегами и руководством Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института – все это представляет научный интерес для потомков. Большой историографический вклад представляет лаборатория ученого, его сбор и анализ архивных документов, размышления над проблемами исторического развития народов Центрального Кавказа.

Как пишет доктор исторических наук, профессор П. А. Кузьмин, «объединяя противоречивые суждения, мы объединяем противоречивую память общества. Были и будут молодые, талантливые последователи Николая Михайловича Карамзина, Сергея Михайловича Соловьева, Василия Осиповича Ключевского, Шоры Бекмурзовича Ногмова, Владимира Николаевича Кудашева, Тугана Хабасовича Кумыкова, Рашада Хучейновича Гугова и многих, многих других, но жизнь, творчество, научное наследие каждого из них оригинальны, неповторимы, уникальны!» [1, 583].

Размышляя над проблемой научного творчества первопроходцев исторической науки, профессор, заслуженный деятель науки Северной Осетии и РФ М. И. Гиоев писал: «Это – попытка в полный голос сказать правду о тех бесценных богатствах, которые оставил наш ушедший друг всем живым, богатствах, которые не исчисляются в злате и иных мнимых ценностях» [2, 22]. «Как же быстро забывают о тех, которым обязаны своим становлением, и поскольку и другие о них нигде ни слова не вымолвят, память о многих добрых людях гаснет» [3, 40], – писал доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки ЧИАССР В. П. Крикунов.

Источниковой базой работы послужили, во-первых, историографические источники – труды самого автора, Р. Х. Гугова; во-вторых, отдельные воспоминания его коллег; в-третьих, неопубликованные материалы делопроизводственного учета, извлеченные из фонда Р-1284 управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

Сын Хусейна и Розы Рашад Гугов родился 20 мая 1927 года в селении Красное Гедуко Прималкинского района Кабардино-Бал-

карской автономной области. В 1934 году он поступил в Красногедукскую начальную среднюю школу, которую закончил в 1941 году. Затем, закончив два курса Нальчикского педучилища, в 1944 г. вернулся в родное село, где работал сначала учителем Красногедукской НСШ, после стал директором этой школы. В 1946 году он обучался на подкурсах при Кабардинском госпединституте и в этом же году поступил на исторический факультет Кабардинского государственного пединститута.

Рашад Хусейнович учился успешно, был одним из лучших студентов факультета и в 1950 году, закончив учебу, получил диплом с отличием. В 1950 г. лучшие выпускники исторического отделения педагогического института Т.Х. Кумыков, А.Х. Касумов, У.А. Улигов ученым советом института были рекомендованы в аспирантуру, а Р.Х. Гугов оставлен для работы на кафедре истории [4, 115].

Ассистентом кафедры истории СССР историко-филологического факультета работал до 1954 года. Здесь же в 1953 г. вступил в ряды КПСС.

Это было время, когда интерес к истории Кавказа и Кабардино-Балкарии, достиг пика. Остро стал вопрос об укреплении научно-исследовательского института кадрами для создания научной истории народов республики. Поэтому в январе 1954 года ряд молодых преподавателей педагогического института историков и филологов (Т.Х. Кумыков, З. М. Налоев, Р.Х. Гугов) были переведены на укрепление в Кабардинский научно-исследовательский институт, где Р.Х. Гугов всецело отдался исследовательской работе. Придя в институт скромным старшим научным сотрудником сектора истории, Рашад Хусейнович прошел большой и сложный творческий путь. Р.Х. Гугов – член авторского коллектива «Истории Кабарды», вышедшей академическим изданием в 1957 году. При подготовке к изданию для рассмотрения ряда узловых проблем проводились научные конференции, в работе которых Р.Х. Гугов принимал активное участие. К первым его шагам в науке относится установление даты открытия Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института – январь 1926 года [5, 11].

Рашад Хусейнович много сделал по выявлению и публикации архивных материалов по истории народов Кабардино-Балкарии в Москве, Ростове, Орджоникидзе, Нальчике. Участвовал в составлении

и публикации сборников, таких, как: «За власть Советов в Кабарде и Балкарии» (Нальчик, 1957), «Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1960), «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917-1922 гг.» (Нальчик, 1963), «Бетал Калмыков» (Нальчик, 1960), «Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века» (Нальчик, 2000) и др. [6, 8].

Накопив достаточный опыт и необходимые документальные материалы, Р.Х. Гугов занялся кандидатской диссертацией, которую защитил в Институте истории Академии наук СССР 25 апреля 1961 г. Она была издана в виде отдельной монографии в том же году под названием «Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства» [7]. Эта работа посвящена обобщению опыта трудящихся республики, накопленного в очень важный период борьбы рабочего класса и крестьянства под руководством Коммунистической партии за торжество социализма в нашей стране. Рашад Хусейнович в книге показал, как партийные и советские органы Кабардино-Балкарии, исходя из указания великого вождя трудящихся В.И. Ленина, учитывая конкретные местные условия, особенности социально-экономического развития народов области, вели горскую деревню по пути социалистического преобразования, готовили все необходимые условия для сплошной коллективизации сельского хозяйства, боролись за проведение культурной революции.

19 мая 1978 года защитил докторскую диссертацию в Ростовском государственном университете по теме: «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть» [8], в которой большое внимание уделяется деятельности большевистских организаций Терека в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В работе Р.Х. Гугова аргументировано отстаивается концепция единства народов Терека в вопросе установления власти народа [9, 144].

Его работа «Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1967) [10] не потеряла своей ценности и по сей день. В соавторстве Р.Х. Гугов написал исследование «Победа Советов на Тереке» (Орджоникидзе, 1983). Итогом многолетних на-

учных поисков явилась монография «Совместная борьба народов Терека за Советскую власть» (Нальчик, 1975) [11], ставшая основой докторской диссертации, которую Рашад Хусейнович успешно защитил в Ростовском государственном университете. Работа эта получила высокую оценку у научной общественности Северного Кавказа. К примеру, И. Л. Осадчий в своей книге «Партия большевиков – организатор социалистической революции на Северном Кавказе» отметил, что Р.Х. Гугов в значительной мере сумел обобщить почти всю литературу по данной проблеме. А журнал «Вопросы истории» (1979. № 1) назвал эту работу наиболее значительной по истории борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе. Академик И.И. Минц и известный историк В.П. Наумов назвали работу Р.Х. Гугова в числе наиболее интересных исследований по истории революционного содружества народов, интернационального сплочения трудящихся в первые годы Советской власти.

Характерные черты Рашада Хусейновича как исследователя – умение профессионально отобрать, обобщить и подать материал, стремление вскрыть причины исторических событий и их закономерности, рассматривать явления общественной жизни в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Он стремился показать исторический процесс во всем его многообразии и на основе изучения различных источников создать правдивую картину века в истории Кабарды и Балкарии [5,7].

Он часто говорил: «Научный работник умирает, если он перестает следить за своей профессиональной формой». Рашад Хусейнович был отличным стилистом, требовательным редактором научного текста. Безжалостно приводя текст «в норму», он приговаривал: «...в научном тексте не должно быть слова, не начиненного смысловой нагрузкой». Когда он рассуждал о слабой работе, всегда приговаривал: «...не читают, все время пишут, а результат – вот такой винегрет. Можешь попробовать» [12, 91-92].

Примечательным является сам факт обращения ученого к историографическим сюжетам, проба сил в труднейшей области исторической науки. В 1986 году Р.Х. Гугов публикует исследование «С. М. Киров на Тереке» [13], а в 1988 году в соавторстве с ростовскими учеными А.И. Козловым и Л.А. Этенко Гугов Р.Х. издает «Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе»

(Нальчик, 1988) [14], а также готовит рукописи монографии «Вопросы историографии и истории гражданской войны на Дону и Северном Кавказе» [15], ставшие заметным вкладом в историческую науку не только Северного Кавказа, но и страны в целом.

Настоящим научным подвигом можно назвать капитальный труд Р.Х. Гугова «Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией» [16], изданный в 1999 году. В работе подробно изучены такие вопросы, как социально-экономическое развитие, культура и быт кабардинцев и балкарцев, их взаимоотношения с Русским государством. На документальной основе раскрываются уходящие своими корнями в древность связи горцев Северного Кавказа с Русским государством. Разоблачив завоевательный, захватнический характер политики царизма на Северном Кавказе, автор увидел и показал не только отрицательные, трагические стороны, но и серьезные объективно-позитивные аспекты этих взаимоотношений.

Научная продукция Р.Х. Гугова составляет более 200 печатных листов, в том числе десять монографий. Являясь руководителем проблемной группы по подготовке очерков истории городов и селений Кабардино-Балкарии, он внес огромный вклад в организацию авторского коллектива, сбор материалов и их написание [17, 126].

Р.Х. Гугов был председателем редакционного издательского совета республиканской «Книги Памяти», пять томов которой были изданы в 1995-1999 годах и заслужили высокую оценку общероссийского оргкомитета по проведению пятидесятилетия победы в Великой Отечественной войне и удостоились республиканской премии Кабардино-Балкарии.

На протяжении многих лет Р.Х. Гугов преподавал по совместительству в КБГУ историю СССР, в 1979-1980 гг. заведовал там же кафедрой всеобщей истории. В 1985 году ему было присвоено ученое звание профессора [18, 4].

Р.Х. Гугов известен не только как талантливый ученый, но и как умелый организатор науки: 16 лет возглавлял сектор истории КБ-НИИ, свыше 9 лет был директором института. В бытность Р.Х. Гугова директором качественно изменились правовое положение института, его статус: стал институтом первой категории, академическим, ведущим научным центром по гуманитарным наукам не только в

КБР, но и во всем Северо-Кавказском регионе РФ. В это время были изданы такие обобщающие работы, как первый том «Толкового словаря карачаево-балкарского языка», «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев» (книга вышла в серии «Эпос народов Евразии» издательства «Восточная литература»), целая серия ценных работ об адыгских и балкарских просветителях и деятелях культуры, в Москве был подготовлен к тиражированию «Толковый словарь кабардино-черкесского языка». Впервые за всю историю института была организована и проведена комплексная научная экспедиция в составе 12 ученых для изучения черкесской диаспоры в Турцию, Сирию и Иорданию. Проведен ряд научных конференций, посвященных различным узловым проблемам истории, литературы и языков народов Кабардино-Балкарии [6, 10].

Рашад Хусейнович принимал активное участие в общественно-политической жизни. Он избирался народным депутатом Верховного Совета КБР, членом Кабардино-Балкарского рескома КПСС.

За годы трудовой деятельности в нем сформировались такие черты, как умение хорошо ориентироваться в жизни, правильно анализировать и обобщать происходящие в ней события и явления, быть принципиальным и твердым при отстаивании своих позиций по тому или иному вопросу, умение выслушивать и проявлять терпимость к мнению другого, тактичность и доброжелательность в обращении с людьми, стремление понять их и оказывать им поддержку. Рашада Хусейновича отличала активная жизненная позиция, готовность к смелым действиям во имя осуществления целей революционной перестройки, энергия и настойчивость при решении выдвигаемых жизнью новых задач. Он обладал глубокими познаниями в области науки и культуры и большим жизненным опытом, являлся глубоко порядочным и высоконравственным человеком [19, 19-20].

За большие заслуги в развитии исторической науки и многолетнюю плодотворную научно-организаторскую деятельность, серьезный вклад в историю кавказоведения Р.Х. Гугов награжден орденом «Знак Почёта», несколькими медалями, четырьмя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР.

Таким образом, можно сделать вывод, что вес Рашада Хусейновича в исторической науке КБР, его вклад в эту отрасль научных знаний для республики измеряются более чем двумястами его

научных работ, в числе которых десять монографических исследований, что уже отмечалось мной выше. Рашад Хусейнович был в числе первопроходцев на сложном этапе прохождения исторической наукой Кабардино-Балкарской республики трудного пути её развития от описательного до системно-теоретического уровня. Как известно, первопроходцам всегда труднее и сложнее. Поэтому нынешнее и будущее поколения историков должны более серьезно относиться к научному наследию первопроходцев, т.е. к достигнутому, современному уровню исторической науки Кабардино-Балкарской республики, творцами которого были Гугов Р.Х. и его коллеги.

1. Кузьминов П. А. Память не подлежит коррозии, она – нетленна // Гугов Р.Х. Научное наследие. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017.

2. Гиоев М.И. И светоч, и огонь... // И жар души, и хлад ума...: Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005.

3. Крикунов В.П. Сила добра // И жар души, и хлад ума...: Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005.

4. Муратова Е.Г., Ортанова Ю.А. Вузовское историческое образование в Кабардино-Балкарии: начальный этап становления (1934-1953) // Кавказология. 2017. №3. [Электронный ресурс] URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Muratova_Ortanova_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 13.01.2018).

5. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики. (Далее УЦГА АС КБР). Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 871. Л. 11.

6. Мамбетов Г.Х. Правдиво и объективно // И жар души, и хлад ума...: Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005.

7. Гугов Р.Х. Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. (1926-1929 гг.) [Текст] / Под ред. канд. ист. наук Х.Г. Берикетова. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961.

8. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975.
9. Кумыков Т.Х., Тумасова С.П., Аутлев М.Г. Книга, достойная высокой оценки. // И жар души, и хлад ума...: Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005.
10. Гугов Р.Х., Улигов У.А. Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967.
11. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975.
12. Темиржанов В.Х. Зерна, дающие всходы // И жар души, и хлад ума...: Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005.
13. Гугов Р.Х., Улигов У.А. С. М. Киров на Тереке. Нальчик: Эльбрус, 1986.
14. Гугов Р.Х. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе / Р.Х. Гугов, А.И. Козлов, Л.А. Этенко. Нальчик: Эльбрус, 1988.
15. Гугов Р.Х., Козлов, А. И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1988.
16. Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией / Р.Х. Гугов. Ин-т гуманитар. исслед. правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
17. И жар души, и хлад ума...: Вспоминая Рашада Хусейновича Гугова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. 336 с.
18. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 872. Л. 4.
19. УЦГА АС КБР. Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 869. Л. 19-20.

О.Д. КАРКУСОВА,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКСО КОЛИЕВА

В данной работе рассматривается деятельность Аксо Колиева на поприще народного просвещения, анализируется его вклад в сохранение осетинского языка и развитие женского образования, определяется степень значения его деятельности для Осетии.

Ключевые слова: просветитель; образование; родной язык; женское образование.

This paper examines Akso Koliev activities in the field of public education, analyzes his contribution to the preservation of the Ossetic and the development of women's education, and determines the degree of significance of his practicing for Ossetia.

Keywords: enlightener; education; native language; female education.

Уровень образования и воспитания населения всегда оказывали большое влияние на социальную сферу жизни любого народа.

В Осетии просветительская деятельность связана непосредственно с распространением православия среди осетин. Уже во второй половине XVIII в., благодаря активной миссионерской деятельности, в Осетии открываются церковно-приходские школы, явившиеся первыми школами у осетин, создается также осетинская письменность. Однако с середины XIX в. в Осетии намечается интенсивный рост книжной литературы, расширяется сеть миссионерских школ, появляются первые стихотворения на родном языке, что обосновано становлением и развитием осетинской интеллигенции в предшествующие годы. В деле развития осетинского языка и культуры в целом особенно велика роль отдельных представителей духовной интеллигенции Осетии, которые свою миссионерскую деятельность в русле православного христианства удачно сочетали с учительской деятельностью. Среди них самой яркой фигурой явля-

ется именно Аксо Колиев, осетинский просветитель, поэт и общественный деятель.

Аксо родился в конце 1822 г. во владикавказском осетинском ауле (Ирыхъæу) в семье сторожа (а позднее старосты) Осетинской церкви Беса Колиева. Начальное образование он получил во Владикавказском духовном училище, 1839 году был направлен в Тифлисскую духовную семинарию. В 1845 Аксо становится первым осетином, который окончил эту семинарию [1, 95].

После семинарии Колиев был направлен в качестве инспектора и учителя осетинского языка во Владикавказское духовное училище. Впоследствии он был благочинным, управляющим осетинскими приходами, смотрителем духовного училища. Свою работу в качестве священнослужителя Колиев совмещал с активной деятельностью учителя. Являясь сторонником «христианского» просвещения народа, он использовал имевшиеся тогда возможности для развития школьного дела.

Будучи управляющим всех школ в Северной Осетии, Аксо Колиев всячески способствовал улучшению школьных условий: подыскивание помещения, совершенствование учебных программ, улучшение преподавания предмета, особенно осетинского, ставился вопрос о том, чтобы дети малоимущих учились за казенный счет. Выпускников школ он по возможности устраивал на работу, более же способных, по его ходатайству, посылали учиться дальше в высшие духовные академии и семинарии Москвы, Тифлиса, Екатеринославля, Воронежа. Поставив перед собой задачу: «расширить школьную сеть и вовлечь больше представителей трудового народа в учебу», он часто разъезжал по самым отдаленным и глухим аулам. «Не будет преувеличением сказать, что школы, которые были открыты в 50-60-х годах, открылись или при личном участии Колиева или по его инициативе». В результате деятельности Аксо Колиева и ряда других просветителей, таких как И.И. Чепиговский, Цораев и т. п., школьное дело в Осетии значительно продвинулось [5, 16].

Аксо Колиев понимал значение изучения осетинского языка, поэтому старался привить любовь к изучению родного языка и культуры своим ученикам. Являясь сторонником «христианского» просвещения, большое внимание он уделял улучшению прежних переводов и переводу на осетинский язык новых книг церковного

содержания. Так, в 1864 году священниками А. Колиевым, М. Сухиевым, А. Аладжиковым и С. Жускаевым и учителем тифлисской семинарии Цораевым был исправлен вышедший ранее в Тифлисе перевод Евангелия. Книга предназначалась для осетинских церквей и для церковно-приходских школ. Общим же результатом переводов богослужебных книг на осетинский язык стало то, что во всех осетинских церквях богослужение стало совершаться на осетинском языке [4, 206-207]. Колиев считается фактическим основателем Осетинской церкви.

В 1862 г. Аксо открыл в своем доме и на свои средства начальную двухклассную школу для осетинских девочек. Так Колиев Аксо стал зачинателем женского образования в Осетии. Это была первая школа для девочек на Северном Кавказе. Подчеркивая значимость женского образования, Колиев писал: «Для воспитания нового поколения нужна, прежде всего, просвещенная семья, а следовательно, просвещенная мать» [3, 121]. Первоначально школу посещали 18 девочек, однако Колиев планировал в дальнейшем расширить ее. Так, в 1863 г. для расширения школы с количеством учащихся 20-25 человек ему требовалось нанять двух учителей: учителя осетинского языка, который бы одновременно обучал учащихся христианскому вероучению, и учительницу для обучения девочек рукоделию. Из-за нехватки средств Аксо обратился в Комитет «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» с просьбой взять на себя выплату по 200 рублей в год учителям, а также в размере 100 рублей в год расход на приобретение материала для занятий по рукоделию; помещение школы, ремонт ее, снабжение необходимыми принадлежностями и наём прислуги протоирей Колиев взял на свой счет [1, 99].

До самой смерти Колиев сам руководил школой. В 1866 г., после смерти его основателя, школу на свое попечение взяло «Общество восстановления христианства на Кавказе». Впоследствии она была преобразована в трехклассную школу с пансионом и названа Ольгинской в честь жены наместника Кавказа Великой княгини Ольги Федоровны. Школа просуществовала до 1918 г., пока на основе объединения с другими учебными заведениями Владикавказа не была преобразована в педагогический институт, ныне Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова.

Женская школа пользовалась большой популярностью у осетин. За 56 лет своего существования из стен школы вышли более 500 учениц, которые впоследствии становились учительницами в других женских школах, открывшихся вслед за Ольгинской в Салугардане, Ардоне, Дарг-Кохе, Вольно-Христиановском и др. Значение женской школы Аксо Колиева определялось не только по своим культурным последствиям, но даже по своему нравственно психологическому воздействию на окружающее ее население. В патриархальном положении женщины была пробита брешь [1, 100-102].

Аксо Колиев внес огромный вклад в просвещение осетинского народа. Благодаря ему в Северной Осетии улучшилось качество образования, расширилась сеть церковно-приходских школ, свое начало и развитие получило женское образование.

1. Березов Б. Подвижник. Просветитель. Педагог. Поэт // Аксо Колиев / Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Алания, 1999.

2. Дзанагова Л. В., Кесаева Р. Э. «Роль Общества восстановления православного христианства в развитии школы и просвещения народов Центрального Кавказа». Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013.

3. Хатаева Е. Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография / Под ред. З. К. Каргиевой. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006.

4. Цаголов Г. «Осетинская письменность // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвал: Ирыстон.

5. Чибиров Л. А. Аксо Колиев. Владикавказ: Алания, 1999.

Е. Г. МУРАТОВА,
дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова;
К. А. КУШХОВА,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЛИЕВКТОВА

В статье рассматривается второй, тифлисский, период деятельности основоположника советского научного кавказоведения М.А. Полиевктова. Он обнаружил и опубликовал архивные материалы по истории грузино-российских отношений XVI – начала XIX в. М.А. Полиевктовым была предпринята попытка создания научной концепции кавказского вопроса на широком фоне международных отношений.

Ключевые слова: М.А. Полиевктов; кавказоведение; источниковедение; историография; археология.

The article is on the second (Tiflis) period of activity of M.A. Polievktov, the founder of the Soviet Caucasus studies. He discovered and published archival documents pertaining to the history of Georgian-Russian relations in XVI century – beginning of XIX century. M.A. Polievktov attempted to create scientific conception of the Caucasian question against the wide background of international relations.

Keywords: M.A. Polievktov; Caucasus study; archive sources; historiography; archeography.

Одной из основных тенденций развития современного исторического знания является размышление научного сообщества о месте и роли исследователя в науке, о взаимоотношениях ученого и общества. В этом смысле имя Михаила Александровича Полиевктова пока находится на периферии историографического знания. Между тем, он стоял у истоков советского кавказоведения и оказал значительное влияние не только на развитие исторических исследований в области российско-кавказских отношений, но и сложении советской грузинской исторической школы.

Несмотря на большой вклад в отечественную историческую науку, библиография работ, посвященных этому выдающемуся историку, весьма немногочисленна. Она ограничивается несколькими статьями грузинских авторов, написанными после смерти М. А. Полиевктова и приуроченными к его памятным датам [1, 385-391]. Только в последние годы появились специальные работы, освещающие «тифлисский период» жизни ученого (1920-1942 гг.) и в общих чертах раскрывающие его вклад в изучение истории русско-кавказских отношений и становление культурно-научных традиций [2, 125-129]. Особо значимыми для сохранения и дальнейшего анализа его научного наследия представляются обзоры личного фонда М. А. Полиевктова в Центральном государственном историческом архиве Грузии, содержащие характеристику подготовленных и неизданных трудов ученого по кавказской тематике [3, 76-96]. Важно также отметить цифровую выставку «Из Санкт-Петербурга в Нотр-Дам: чудесное путешествие Полиевктова-Николадзе по веку войны и революции», которая была создана совместно с выставкой, проходившей на кафедре редких книг и специальных коллекций библиотеки университета Нотр-Дам (15 сентября-18 декабря 2012 года). Этот ресурс прекрасно визуализирует и делает доступным для научного анализа ценные коллекции исторических документов и фотоматериалов из семейного архива его жены, Полиевктовой-Николадзе [4].

Вместе с тем нельзя не согласиться с оценкой, высказанной современным историком В. В. Тихоновым, что до сих пор отсутствует комплексное исследование жизни и научного творчества Михаила Александровича Полиевктова, а его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст [5, 419-435].

Михаил Александрович Полиевктов (1872-1942) принадлежал к Петербургской исторической школе, которая всегда отличалась интересом к источниковедению, археографии и фактографическим конкретно-историческим исследованиям. После окончания в 1894 г. историко-филологического факультета М. А. Полиевктова оставили для «приготовления к профессорскому званию» при Петербургском университете. С 1903 г. он занимает должность приват-доцента, а с 1918 по 1920 г. – профессора кафедры Русской истории Петербургского университета.

В 1911 году М. А. Полиевктов женился на Русудан Николадзе – дочери известного грузинского ученого, публициста и общественного деятеля Николая Яковлевича Николадзе. Этот союз подтолкнул исследователя к кавказоведческой проблематике и изучению, прежде всего, истории русско-грузинских отношений. В 1920 г. семья Полиевковых переехала в Тифлис, поскольку оставаться в голодном революционном Петербурге для представителя старой либеральной исторической школы стало небезопасно.

С того времени и до самой смерти Михаил Александрович жил в Грузии, где получил должность профессора в Тифлисском университете (1920-1924), а затем работал в Государственном архиве Грузии (1925-1934). Таким образом, в жизни М. А. Полиевктова были два периода: петербургский и тифлисский. Михаил Александрович Полиевктов умер 21 декабря 1942 г., оставив значительное научное наследие, кавказоведческая часть которого и составляет предмет данной статьи.

За тифлисский период своей жизни М. А. Полиевктов издал около 10 работ. Можно обозначить три основных направления его научной деятельности в это время: археографическое, биобиблиографическое и собственно-научно-исследовательское.

Продолжая лучшие традиции дореволюционных ученых – С. Белокурова, М. Броссе, А. Цагарели, внесших большой вклад в выявление и публикацию источников по истории русско-кавказских отношений, М. А. Полиевктов восполнил те лакуны, которые имелись в документальных публикациях предшественников и поднял археографическую работу на новый качественный уровень. Он впервые ввел в научный оборот ряд архивных материалов Посольского приказа. Здесь, прежде всего, следует назвать статейные списки и другую делопроизводственную документацию, отразившую дипломатическую миссию стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650–1652 гг. [6], а также посольские материалы князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640–1643 гг. [7].

Еще одна документальная публикация М. А. Полиевктова «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615-1640» была посвящена посольствам Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Гегенева, Волконского и отразила состояние грузино-московских связей в первые десятилетия XVII в. [8]. Это издание содер-

жит специальное археографическое введение, а каждую публикацию документов сопровождают комментарии ученого.

Что касается анализа состояния русско-кавказских отношений в XVII в. и оценки всей внешней политики России, представленных составителем в предисловии ко всем публикациям документов Посольского приказа, то М. А. Полиевктов в концептуальном смысле следовал официально принятым в 1920-30-е гг. идеологическим установкам [9, 80]. Он сделал заключение, что XVII в. характеризуется преобладанием политических мотивов в русско-грузинских взаимоотношениях, что было связано с осознанием московским правительством значительной роли Кавказа в международной торговле.

Второе направление научной деятельности М. А. Полиевктова в «тифлисский период» можно обозначить как «биобиблиографическое». Здесь, прежде всего, надо подчеркнуть, что он внес большой вклад в источниковедческую разработку известий европейских авторов, посетивших Кавказ в средние века и новое время. М. А. Полиевктов выделил ряд важных вопросов, на которые необходимо обратить внимание при работе с этими материалами. Прежде всего, необходимо обратить внимание, в каком виде дошло до нас сообщение того или иного автора, сохранились ли и где находятся материалы, принадлежащие данному путешественнику – его рукописи, коллекции, рисунки, на основании чего можно было бы проверить опубликованное. Решению этих источниковедческих задач во многом способствовали справочные издания, подготовленные М. А. Полиевктовым. В одном из них он охватил европейских авторов XIII-XVIII в., побывавших на Кавказе и оставивших сообщения о своем пребывании [10]. Весь материал разбит М. А. Полиевктовым по двум алфавитам: русскому и латинскому. В каждой отдельной статье сообщаются биографические данные о самом путешественнике и обрисовываются те исторические условия, какими было вызвано его путешествие. Далее указываются даты пребывания данного лица на Кавказе, его маршрут, краткая аннотация его сообщений. Каждая статья снабжена соответствующей библиографией, при этом выделены: 1) публикации сообщений данного путешественника; 2) издания, в которых можно найти биографические сведения о нем; 3) исследования, специально посвященные этому путешественнику; 4) указания на местонахождение оригинальных материалов. Свое

важное значение эта публикация М. А. Полиевктова сохранила и по сей день.

Другая биобиблиографическая работа М. А. Полиевктова также носит справочный характер и примыкает к вышеуказанному изданию, являясь его хронологическим продолжением. В ней систематизированы сведения о европейских путешественниках, побывавших на Кавказе в первой трети XIX в. [11]. Как и в предыдущем сборнике, М. А. Полиевктон снабдил каждую статью соответствующей библиографией.

Огромная подготовительная работа по систематизации всей имеющейся в научной литературе и архивохранилищах информации об всех тех, кто изучал Кавказский регион и оставил о нем свои труды, позволили М. А. Полиевктову уже в 1935 г. представить обзор академического кавказоведения XVIII в. [12, 759-774.].

И, наконец, третий вектор научной деятельности М. А. Полиевктова был направлен на конкретно-историческое исследование и теоретическое осмысление как крупных кавказоведческих проблем, так и специальных вопросов краеведческого характера.

С учетом сложности и неоднозначности исторического контекста 1920-1930-х гг. Полиевктон сосредоточился на истории XVI-XVII вв. Работа М. А. Полиевктова «Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе» была посвящена рассмотрению русских посольств на Кавказе, в которых Грузия занимала центральное место. Проведенные разведки показали, что для торговых сношений и военных операций был доступен лишь Восточный Кавказ, а непосредственный подступ с севера к западной половине Закавказья был возможен в то время только со стороны Черного моря и Черноморского побережья, которые держала в своих руках Турция. Поэтому, по мнению Полиевктова, овладеть Западным Кавказом было возможно лишь в связи с разрешением черноморского вопроса. Эти обстоятельства и определяли кавказскую политику Москвы в XVII в. Кроме того русскими посольствами были не только изучены и проверены все транскавказские маршруты, но и подробно описаны те области Закавказья, где им пришлось побывать. Эти изыскания значительно расширили географические пределы сведений московского правительства о Кавказе [13, 42]. В ходе анализа международной политической и эко-

номической обстановки, М. А. Полиевктов пришел к выводу, что во внешней политике России обозначились два вопроса – балтийский и черноморско-кавказский (восточный), надолго определившие основное содержание внешней политики России.

По мнению специалистов, в личном фонде М. А. Полиевктова в Центральном государственном историческом архиве Грузии (фонд № 1505) сосредоточен обширный материал, раскрывающий его видение проблемы Кавказа во внешней политике России. Без привлечения и осмысления этого наследия невозможно определение подлинного места М. А. Полиевктова в довоенной советской историографии.

Так, по данным А. Н. Максимчика, в неопубликованной работе «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» М. А. Полиевктов отмечал, что в современной концепции истории России и Кавказа эта тема не раскрыта. Он писал, что исследователи в основной своей массе сосредоточились на периоде открытого завоевания Кавказа, то есть на XIX в., а предшествующий, длительный период – со второй половины XVI в. и до конца XVIII в., когда в этом направлении делались только первые шаги, – остается все еще мало изученным. В этой связи М. А. Полиевктов настаивал на том, что «между подготовкой наступления на Кавказ и реализацией этой цели нет разрывов». И как было показано выше, своей плодотворной научной работой он сделал очень много, чтобы ликвидировать этот пробел.

В 1940 г. М. А. Полиевктовым была подготовлена итоговая работа «Очерк по истории русского кавказоведения XVI-XVIII вв.», также оставшаяся в рукописи. Она опирается на огромный материал собранный ученым в научных командировках в Москву и Ленинград с 1926 по 1939 гг. В этой работе М. А. Полиевктов представил свою периодизацию продвижения России на Кавказ: 1) XVI-XVII вв. – подготовительный период наступления русского царизма на Кавказ, когда регион находился в системе Балтийского вопроса; 2) первая половина XVIII до последней четверти XVIII в. – период открытого наступления России на Кавказ, когда регион находился в системе Восточного вопроса; 3) начало XIX в. – второй период открытого наступления России на Кавказ [14, 86].

М. А. Полиевктов выявил закономерности внутреннего и внеш-

неполитического развития России с XVI до середины XIX в.; пришел к выводу о взаимосвязи тенденций развития внутренней и внешней политики и переключении вектора с балтийского направления на черноморское и каспийское. По заключению Ю.С. Сулаберидзе, основу концепции М.А. Полиевктова составляет положение о том, что Россия выполняет роль европейско-азиатского транзита. Ученый утверждает: «Вот это нужно иметь прежде всего в виду, говоря о такой тесной увязке в XVI-XVIII веках северо-западной европейской и юго-восточной азиатской политики России и о той роли, которую в этой увязке играет балтийско-волжско-каспийский путь» [15, 74].

Даже само название неопубликованных рукописей Полиевктова: «Россия и Кавказ как проблема истории русской внешней политики», «Очерк колонизации на Кавказе» свидетельствует о том, что ученый подошел к изложению политической истории Кавказа с геополитических позиций, включив «кавказский вопрос» в сложную систему международных отношений.

Еще одна работа М.А. Полиевктова – «Старый Тифлис в известиях современников», написанная в соавторстве с Г. Натадзе, вышла в 1929 году. В книге впервые были собраны все известные на тот момент описания Тифлиса в древности и новое время, в результате чего была создана твердая документальная база для его дальнейшего изучения. По существу, это была хрестоматия по истории города. Работа носила краеведческий характер и хорошо вписывалась в широкое общесоюзное краеведческое движение, характерное для 1920-х гг.

В очерке, предваряющем публикацию источников, Тифлис рассматривается Полиевктовым как важный торговый пункт, находящийся на перекрестке дорог, имеющий определяющее геополитическое значение в Кавказском регионе. Активизацию внимания европейских государств к кавказскому региону историк связывал с развитием торговли в Европе, начиная с XIII в. В ответ на наступление европейской науки, по мнению Полиевктова, в самой Грузии в эпоху ее политического упадка (XVII-XVIII вв.) начинается новый культурный подъем и зарождение грузинской науки. Описание Тифлиса в «Географии Грузии» царевича Вахушти является тому подтверждением. Еще более глубокие трансформации городского пространства можно обнаружить в описаниях Тифлиса первой по-

ловины XIX в., когда Грузия утрачивает свою политическую самостоятельность, входит в состав Российской империи и «одновременно с этим, через Россию, Грузия снова втягивается в европейский товарооборот и воспринимает новые общественные культурные формы», и «на смену старому приходит новый, буржуазный Тифлис». Таким образом отражается смена веков в описаниях старого Тифлиса» [16, VI-XVI].

Последней работой М.А. Полиевктова стала брошюра «Новые данные о московских художниках XVI-XVII вв. в Грузии», изданная в 1941 г., в которой ученый убедительно показал, что посылка мастеров церковного дела входила в общую программу политики Московского государства в юго-восточном направлении. Иконописцы и ремесленники направлялись в Грузию вместе с иконами, церковной утварью и церковным облачением, но занимались там не только искусством, а одновременно являлись проводниками московской политики в регионе [17, 21].

Таким образом, в 1920-30-е гг. в работах М.А. Полиевктова нашли отражение многие аспекты русско-кавказских отношений: вопросы внешней политики, экономического сотрудничества, культурного и научного взаимодействия.

Представляется необходимым включение кавказоведческих работ М.А. Полиевктова в широкий историографический дискурс. Поскольку во многом идеи, выдвинутые М.А. Полиевктовым в своих исследованиях, остались малоизвестными, а затем были озвучены другими специалистами по истории русско-кавказских отношений. Весьма важным также является изучение и издание подготовленных ученым рукописных материалов и неоконченных научных работ, хранящихся в различных архивных собраниях.

1. Цинцадзе И. Профессор М. Полиевктон // Труды Тбилисского университета. 1943. Т.25 (статья на грузинском языке, список трудов на русском); Пайчидзе Г.Г. К столетию со дня рождения М.А. Полиевктова // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. Вып. 2. Тбилиси, 1973. С. 216-228; Жужунашвили Г. Теплота и любовь, привезенные из Петрограда в Тбилиси: (Памяти профессора М.А. Полиевктова) // Грузино-российские научно-куль-

турные связи в истории Санкт-Петербурга / Ред.-сост. В.В. Парцвания-Чараия. СПб., 2003.

2. Тихонов В.В. «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов – историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание... / Сост. Н. Ф. Бугай М.: Институт российской истории РАН, 2011. С. 419-435; Сулаберидзе Ю.С. Роль М.А. Полиевктова в развитии российско-грузинских культурно-научных традиций // Клио. 2012. № 8 (68).

3. Сулаберидзе Ю.С. М. А. Полиевктов и его личный фонд в Центральном государственном историческом архиве Грузии // Отечественная история и историческая мысль в России XIX-XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2007. С.69-76; Максимчик А.Н. Историко-партийные концепции присоединения Северного Кавказа к России в советской исторической науке 1920-х – начала 1940-х гг. // Кавказология. 2017. № 3.

4. M. A. Polievktov papers. Rare Books and Special Collections Department. Hesburgh Libraries. University of Notre Dame. [Digital exhibits]. URL: <http://rarebooks.library.nd.edu/exhibits/polievktov/ssrr.shtml>

5. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650-1652 / док. изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. Тифлис: изд. Тифлис. ун-та, 1926.

6. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643: документы / изд. и введ. снабдил М. Полиевктов. Тифлис: Тифлис. ун-т, 1928

7. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений, 1615-1640: документы / подгот. и предисл. снабдил М. Полиевктов. Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1937.

8. Тихонов В.В. М. А. Полиевктов как кавказовед // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 5. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М., 2011.

9. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

10. Полиевктов М.А. Европейские путешественники по Кавказу, 1800-1830 гг. Тбилиси, 1946.

11. Полиевктов М.А. Из истории русского академического кавказоведения XVIII века. // Известия Академии наук СССР. Сер. 7: Отд. общественных наук. М.; Л., 1935. № 8.

12. Полиевктов М.А. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказ. Тифлис, 1932.

13. Полиевктов М.А., Натадзе Г. Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис: Госиздат Грузии, 1929.

14. Полиевктов М.А. Новые данные о московских художниках XVI-XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941.

М. С.-Э. СУГАИПОВА,
студентка ЧГУ;
Б. Б.-А. АБДУЛВАХАБОВА,
кин, доцент, ЧГУ
(г.Грозный)

БРАТЬЯ ВЕРТЕПОВЫ, НИКОЛАЙ И ГРИГОРИЙ, В ИСТОРИИ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена братьям Вертеповым, Николаю и Григорию, которые внесли достойный вклад в изучение населения и хозяйства, природы Терской области. Собирая археологический, этнографический материал в Осетии, Чечне, Ингушетии, синхронно проводят исследования по исторической географии, природе, хозяйстве Терской области. В небольшом анализе исследовательской деятельности братьев Вертеповых делается попытка показать значимость для воссоздания истории прошлого народов Северного Кавказа несправедливо забытые результаты исторической деятельности исследователей.

Ключевые слова: Вертеповы, кавказоведение, Терская область, археология, этнография, Чечня, Осетия, Ингушетия, Аргунское ущелье.

The article is sanctified to the brothers of Verpemenovym, Nikolay and Grigory, that brought in a deserving contribution to the study of population and economy, nature of Terpskoy of area. Collecting archaeological, ethnographic material in Ossetia, Chechnya, Ingushetia, synchronously conduct researches after historical geography, nature, economy of Terpskoy of area. In the small analysis of research activity of brothers of Verpemenovym given it a shoot to show meaningfulness for the recreation of history of the past of people of North Caucasus the unfairly forgotten results of historical activity of researchers.

Key words: Nativity scenes, Caucasian studies, Tver oblast, archaeology, Ethnography, Chechnya, Ossetia, Ingushetia, the Argun gorge.

Занимаясь вопросами кавказоведения, мы наткнулись на упоминание имен братьев – Григория и Николая – Абрамовичей Вертеповых, хотя в списке исследователей-кавказоведов они не упоминаются по неизвестной нам причине.

Взгляды на этносы, проживавшие на территории Кавказа, формировались еще со времени первых контактов Московского государства с Кавказскими народами. «Примерно с XVII в. российские военные администраторы начали вырабатывать собственные, по

большей мере, интуитивно создаваемые, классификации местных этнических групп. Их подход к народам региона первоначально был крайне схематичным и отражал цели всей политики Московского государства» [21, 8]. Ситуация начала меняться во второй половине XVIII века, когда расширились границы владений царской России.

Недостатки подхода, хотя подготовка Каспийского похода Петра I «сопровождалась определенными изысками и разведкой», прослеживаются в Петербургском мирном договоре, который устанавливал «новую, крайне условную, государственную границу в регионе [21, 23].

Первая серьезная научная экспедиция на Кавказ – исследование 23-летнего академика немецкого происхождения с широким медицинским образованием – И.А. Гюльденштедта, который зимой 1768 года по Волге прибыл в Астрахань из Санкт-Петербурга. Руководством к приготовлению по окончательным исследованиям Кавказа занимался П.С. Паллас, который и направил экспедицию И.А. Гюльденштедта в Центральный Кавказ и Грузию [16, 18].

Экспедиция С.Г. Гмелина, по исследованию Каспия и Дагестана, закончилась провалом, так как исследователь попал в плен к уцмью Кайтагскому. «Пока власти отправляли солдат из Кизляра и собирали выкуп, Гмелин умер, а его литературное творчество пропало» [19, 18].

После скоропостижной смерти от эпидемии в столице (1781 г.) труды Гюльденштедта целых три года доводил до конца руководитель экспедиции П.С. Паллас, разбираясь в записках Гюльденштедта и пытаясь понять концепцию автора. «Паллас и его помощники долго корпели над архивами экспедиции в палатах Академии наук, тщетно пытаясь найти смысл в записках умершего, графиках и чертежах перед тем, как окончательно отправить рукопись в печать» [21,34].

В двухтомнике «Путешествие по России и Кавказским горам», изданном в 1787-1791 г. на немецком языке в Германии, автор заложил «огромный научный потенциал, так как в России появилась первая классификация этнических групп (пусть даже условная), которая тяготела над всеми дальнейшими исследователями вплоть до конца XIX в.» [16,11].

В 1851 году созданный в Тифлисе Кавказский отдел Русского географического Общества начал систематическое изучение Кавказа.

На рубеже XIX-XX вв. создаются региональные Статистические комитеты и Ученые архивные комиссии по изучению Северного Кавказа во Владикавказе, Ставрополе и Екатеринодаре (ныне Краснодар).

Братья внесли крупный вклад в изучение населения, хозяйства и природы Терской области. Они родились в семье офицера Терского казачьего войска Абрама Семёновича и казачки Марии Яковлевны Вертеповых.

Николай Вертепов родился 6 декабря 1858 г., а Григорий – 22 января 1862 г. Умерли братья в страшном 1919 г., и оба от эпидемии тифа: Н. А. Вертепов скончался в станице Михайловской на реке Сунжа, а Г. А. Вертепов – в черноморском Новороссийске [20, 319].

Краевед Григорий Абрамович Вертепов – историк, этнограф, географ и статистик, общественный деятель и журналист. Государственную службу Г. А. Вертепов начал в 1891 г. как младший делопроизводитель управления Сунженского отдела Терской области, населённого казаками и ингушами. Г. А. Вертепов собирает сведения об ингушском народе. Так получилось, что его первые кавказские публикации были посвящены ингушскому народу: «Ингуши. Историко-статистический очерк» (1892) [1, 73-139] и «Вечеринка у ингушей» (1893) [2, 37-44].

Благодаря стараниям Григория Абрамовича был создан Терский областной музей, хранителем которого он состоял на протяжении ряда лет. Во Владикавказе в 1912 г. было основано Терское общество любителей казачьей старины, которое регулярно издавало «Записки Терского общества любителей казачьей старины», печатая историко-этнографические статьи. Г. А. Вертепов являлся составителем и редактором многих выпусков «Терского календаря» и «Терского сборника» с ценными сведениями о природе, хозяйстве и истории Терской области. Г. А. Вертепов – участник Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.).

Под руководством Г. А. Вертепова в 1898 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет цветная карта Терской области.

В 1901 гг. А. Вертепов избран действительным членом Кавказского отдела императорского Русского географического общества.

Интересны археологические статьи Г. А. Вертепова, к примеру, (Раскопки в Урус-Мартане «Из Известий Кавказского отдела императорского Русского географического общества» [9, 11-21].

Так, в октябре и декабре 1900 гг. А. Вертепов в окрестностях с. Урус-Мартан в разных урочищах производил археологические раскопки.

В «Терском сборнике» вышли его географические статьи: «Хозяйственное положение низовьев реки Терека» (1903 а) и «В горах Кавказа» (1903 б) [9, 94-148].

В работе «В горах Кавказа», насыщенной историческими и этнографическими сведениями, Г. А. Вертепов приводит результаты своего путешествия по горам Осетии, Ингушетии и Чечни с известным владикавказским фотографом Леонтием Игнатьевичем Рогозинским – с целью задокументировать существующие на тот момент народные промыслы. Г. Вертепов и Л. Рогозинский прошли по горам Осетии, Ингушетии (аулы Фуртоуг, Фалхан, Эрзи, Карт, Хани, Хайрах, Вовнушки, Цори) и Чечни (аулы Акки, Галанчож, Тусхорой, Евдокимовское и Шатоевское укрепления). Спустившись по Аргунскому ущелью, они прибыли в Грозный, а оттуда через почтовую станцию Эрсеной выехали в крепость Ведено. Горская легенда и научные гипотезы о происхождении высокогорного озера Кезеной-Ам также нашли отражение в работе Г. А. Вертепова (1903б). Исследователь предполагал, что это высокогорное озеро могло иметь провальное или оползневое происхождение. В пользу провального происхождения котловины озера свидетельствовало то обстоятельство, что озеро возникло в полосе залегания карбонатных пород в зоне повышенного атмосферного увлажнения. Но убедительнее выглядит гипотеза оползневого происхождения Кезеной-Ам: огромный оползень перекрыл ущелье земляной плотиной, в результате этого выше места образовавшейся плотины стала накапливаться вода, стекавшая в ущелье из родников Керкетского перевала.

До них на озере Галанчож побывало всего несколько исследователей (в 1860-х гг. – А. П. Ипполитов, а в 1880-х гг. – В. Ф. Миллер и Н. Н. Харузин). Они прибыли в Аккинское общество Грозненского округа через Цоринское общество Сунженского отдела. «Чудное горное озеро Геландчож расположено на живописной, цветущей зеленью горе, на правом берегу реки Гехи, в самом верховье ее. Вправо по берегу озера растут деревья, посаженные, по преданию, монахами миссионерского христианского монастыря; по ту сторону озера на холме возвышается башня ближайшего аула, а дальше, в

туманной мгле, тонут очертания скалистого хребта, за которым мысленно представляешь Владикавказ и жалеешь, что нет здесь родных и знакомых, что они не видят этого чудного озера» [9, 79].

По высокому безлесному хребту Юкерлам в сырой туман и морсящий дождь они спустились в бассейн Чанты-Аргуна (аул Тухорой), а оттуда в Евдокимовское укрепление. «Евдокимовское укрепление стоит на одном из живописнейших ущелий Кавказа – Аргунском. Кто был раз, того обыкновенно тянет туда снова... В этом ущелье вы можете посмотреть на интересную гору с песчаниковыми бомбами: в высокой, нависшей над дорогой, серой скале вкраплены глыбы красного песчаника, большею частью сферической формы» [20].

Много у Г. Вертепова этнографических работ (1892, 1893, 1894, 1897а, б, 1898, 1900, 1901а, 1903б, 1906, 1908, 1914 а-в, 1917). Например, в статье «Общинные кузнецы в Чечне» (1908) рассматривается вопрос об общинных кузнецах, которые работали в Грозненском округе Терской области [6, 34].

В статье «Сектанство в Чечне» (1914а) [12, 75-80] Г.А. Вертепов «освещает исторические корни мюридизма и зикризма, характеризует идеологию, обрядность и распространение этих учений, а также их воздействие на общественно-политическую и военную обстановку в регионе. В статье содержится информация о деятельности основоположников мюридизма в Дагестане и деятельности основателя зикризма шейха Кунта-Хаджи и его последователей, шейхов Салама, Мачика и векиля Вары Бенойского в Чечне.

После окончания Харьковского университета старший брат Григория, Николай Абрамович Вертепов, работал частным врачом, с 1891 г. – участковым врачом в станице Михайловской Сунженского отдела Терской области. В 1892 г. при Михайловских минеральных водах благодаря его стараниям открылся бальнеологический курорт. Первое здание лечебницы с ваннами на Михайловских водах построил именно Н.А. Вертепов. В 1886 г. он поступил на государственную службу и работал врачом в крепости Ведено.

В Пятигорском отделе Терской области Н.А. Вертепов становится членом Кавказского горного общества. В последующем Н.А. Вертепов возвращается в станицу Михайловскую, где работает в войсковой больнице. «В 1912 г. он упоминается в документах как старший

врач Михайловской войсковой больницы и действительный член Терского областного статистического комитета» [20, 123].

С началом Первой мировой войны доктор Н. А. Вертепов – управляющий Михайловскими минеральными водами, который оказывает помощь армии в лечении раненых и больных казаков, солдат и офицеров. В 1917 г. из-за ухудшения здоровья Н. А. Вертепов ушёл с должности управляющего Михайловскими минеральными водами и продолжал работать врачом вплоть до заболевания тифом.

Н. А. Вертепов – автор двух больших публикаций о минеральных водах Терской области, которые находились в то время в ведении Терского казачьего войска.

В своей географической статье «Горячеводские минеральные воды» (1892) [14, 104-131] Николай Абрамович приводит описание выходов горячих и холодных минеральных источников, которые располагались на северном склоне Терского хребта около станицы Горячеисточненской. В работе «Михайловские минеральные воды» (1892) [15, 3-40]. Н. А. Вертепов описывает природные условия местности, дает сведения о станице и её жителях. В память о своем сыне Александре, погибшем во Франции, на холме около Серноводского курорта Н. А. Вертепов построил беседку, которую называли «Храмом воздуха».

Академические труды XVIII-XIX вв. стали основой для дальнейших исследований. Но все они писались учеными для таких же ученых, а не для широкой российской общественности. Труды же Вертеповых были доступны и понятны любому человеку. Например, работа Ю. Клапрота, изданная в Лондоне в 1814 г., лишь в 2008 г. частично и крайне отрывочно была переведена и опубликована на русском языке [18, 3-290].

Мы сегодня понимаем, что необходимы новые исследования, как ориентированные на узкие научные круги, так и на нужды широкой общественности. И в этих исследованиях должны быть отражены результаты трудов братьев Вертеповых, которые вложили огромный труд в сбор археологических, этнографических, исторических сведений по истории народов Кавказа.

1. Вертепов Г.А. Ингуши. Историко-статистический очерк // Терский сборник / Под ред. П. Стефановского. Вып. 2. Кн. 2. Владикавказ: Издание Терского областного статистического комитета, 1892.
2. Вертепов Г.А. Вечеринка у ингушей // Терские ведомости. 1893. № 1.
3. Вертепов Г.А. Летние заработки в Терской области // Терские ведомости. 1894. № 77.
4. Вертепов Г.А. К статистике детской смертности среди детей казачьего сословия Терской области // Записки Терского медицинского общества. Вып. 2. Владикавказ, 1895.
5. Вертепов Г.А. Рождаемость, смертность и естественный прирост в Терской области за 1883-1893 годы // Записки Терского медицинского общества. Вып.2. Владикавказ, 1895.
6. Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып.4. Владикавказ, 1897.
7. Вертепов Г.А. Наши горы и их обитатели // Терские ведомости. 1897. № 147.
8. Вертепов Г.А. Общинные кузнецы в Чечне // Терские ведомости. 1898. № 137.
9. Вертепов Г.А. Раскопки в Урус-Мартане // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1901. Т. XIV.
10. Вертепов Г.А. Хозяйственное положение низовьев реки Терка // Терский сборник. Вып.6. Владикавказ: Издание Терского областного статистического комитета, 1903а.
11. Вертепов Г.А. В горах Кавказа // Терский сборник. Вып.6. Владикавказ: Издание Терского областного статистического комитета, 1903б.
12. Вертепов Г.А. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ: Терское областное правление, 1914а.
13. Вертепов Г.А. Летний вечер // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 7. Владикавказ: Терское областное правление, 1914 в.
14. Вертепов Н.А. Горячеводские минеральные воды // Терский

сборник / Под ред. П. Стефановского. Вып.2. Кн.2. Владикавказ: Издание Терского областного статистического комитета, 1892.

15. Вертепов Н.А. Михайловские минеральные воды // Терский сборник / Под ред. Г.А. Вертепова. Вып.3. Кн.2. Владикавказ: Издание Терского областного статистического комитета, 1893.

16. Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., Нальчик, 2008.

17. Киреев Ф.С. По улицам Владикавказа. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2007.

18. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

19. Памятник Гмелина // Потто В.А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. 1. Тифлис, 1906.

20. Опрышко О.Л. Терские казаки: имена в истории. Нальчик: Эльбрус, 2012.

21. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти». Материалы международной научной конференции. Ставрополь, 2011.

**И. С. ТАХУШЕВА,
аспирант СКФ-И РАНХиГС
(г. Пятигорск)**

ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» XIX В. КАК ПОПУЛЯРИЗАТОР КАВКАЗОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье анализируются публикации о Кавказе в ведущем столичном журнале «Отечественные записки» (1818-1884). Редакция опубликовала авторские материалы и собственные рассуждения и комментарии, способствуя тем самым сохранению и трансляции актуальной информации о народах Северного Кавказа.

Ключевые слова: «Отечественные записки»; журнал; Кавказ; Кавказская война; журнальная критика; исторический источник; публикация.

The article analyzes the publications about Caucasus in the leading capital journal «Otechestvenniye zapiski» (1818-1884). The journal's edition published copyrighted materials and their own arguments and comments, thereby contributing to the preservation and broadcasting of up-to-date information about the peoples of the North Caucasus.

Keywords: «Otechestvenniye zapiski»; journal; Caucasus; Caucasian war; journal's criticism; historical source; publication.

В современном кавказоведении проблема исторических источников является наиболее актуальной. Для реконструкции сложной мозаики истории народов Северного Кавказа нужны новые комплексы документальных материалов. С годами выявить их становится все сложнее...

Поэтому хотелось бы обратить внимание научной общественности еще на одну возможность изучения совместной истории народов Кавказа. В распоряжении ученых, краеведов, любителей истории есть огромный по объему, но слабо разработанный комплекс репрезентативных источников, который открывает возможности серьезно углубить наши представления о жизни горских народов. Имеем в виду материалы периодической печати, особенно «толстых» журналов XIX в., в которых размещались емкие подборки материалов о народах края. Отметим, что редакции не только публи-

ковали, но и тщательно отбирали материал для журналов, то есть осуществлялся первичный анализ публикаций и, с этой точки зрения, они были своеобразными научными центрами кавказоведения [1, 14].

П. П. Свиньин, путешественник, литератор и историк, начавший издавать «Отечественные записки» в 1818 г., видел основное назначение журнальных изданий в сборе и публикации материалов об удаленных уголках Российской империи. Первый пункт программы Свиньина включал публикацию «журналов многих, никому не известных, русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям», второй – «записок отличных воинов-литераторов», третий – «наблюдений издателей Москвы, Киева, Новгорода и других классических отечественных городов и мест» [2, 397] и др.

А. А. Краевский, который в 1839 г. после смерти Свиньина выкупил права на издание журнала, сохранил преемственность в освещении кавказоведческих вопросов. «Отечественные записки» стали более разнообразны по тематике, учитывали интересы разных возрастов и аудиторий. Особое значение приобрел отдел «Критики и библиографии», в задачи которого входила информация о произведениях печати и их активная пропаганда в определенных общественных целях. В 1839–1884 гг. «Отечественные записки» размещали отзывы на новые книги, авторами которых были видные военачальники, писатели, ученые, путешественники. Проведенный анализ позволяет утверждать, что большинство статей о Кавказе в периодическом издании печатались в отделе «Критики и библиографии». Критики получали возможность в рецензионных материалах выражать свое отношение к публикациям о Кавказе и, в целом, формировать политическое направление журнала [3].

Анализ журнальных текстов позволил выявить ряд основных линий, по которым велась в «Отечественных записках» публикация материалов о кавказских народах. К наиболее многочисленной группе статей относим работы российских офицеров о «делах» на Кавказе. К событиям Кавказской войны – особого этапа в истории России, стоившего огромных усилий и жертв участникам противостояния, надолго было приковано внимание редакции «Отечественных записок», что и нашло отражение на страницах издания. Среди них

выделяются труды офицеров О.Л. Дебу [4], И.Г. Бурцева [5], И.Т. Раджицкого [6] и др., в которых поднимаются вопросы расстановки сил в регионе и общественного устройства народов Кавказа.

Важное место в журнале отводилось художественно-литературным произведениям о Кавказе. Исследователи, чьи научные интересы затрагивают роль журналистики в литературном процессе, могут смело обращаться к подобным публикациям. Ведь журналистика часто оказывалась тем руслом, в котором находило свое оформление то или иное литературное течение или творческая индивидуальность писателя [7, 149]. Так, наиболее полный исторический фон деятельности Михаила Юрьевича Лермонтова, по нашему мнению, можно найти только в журнале «Отечественные записки», с которым он плодотворно сотрудничал до конца жизни [8]. Здесь же впервые появились «Бэла» [9], «Фаталист» [10], «Тамань» [11], вошедшие затем в состав «Героя нашего времени». В «Отечественных записках» публиковались и другие, ныне забытые авторы, чьи произведения создавали литературный фон эпохи, и, что важно, в какой-то мере позволяли приблизить читателя к восприятию кавказского национального колорита. Стихотворение «Дагестанская ночь» С.И. Строилова [12], учившегося вместе с Лермонтовым в Московском Университетском Благородном пансионе (выпуск 1829 г.) [13]; произведения «Кисловодск» [14], «Кавказское утро» [15] и «Пятигорск» [16] человека широкого образования, полиглота Д.П. Ознобишина рисовали реальную картину Северного Кавказа.

Большой комплекс материалов в «Отечественных записках» был посвящен законодательному оформлению инкорпорации горцев в состав России. На страницах отдела «Современная хроника России» в 1840-1860-е гг. были перепечатаны правительственные указы и дополнения к ним по вопросам деятельности центральных и региональных учреждений, законы гражданские и уголовные [17]. Указы о создании наместничества на Кавказе (1844 г.), прав и обязанностей наместника (М.С. Воронцов), приведения им законов в действие в Кавказской области и Закавказском крае и др. были размещены в 45 томе «Отечественных записок» за 1846 г. [18, 9-10]. В 1850 г. были опубликованы изменения и дополнения к положениям об управлении Ставропольской губернией, в частности, указ об упразднении Губернского Совета и передаче его функций управля-

ющему гражданской частью в Ставропольской губернии [19, 5-6]. И это далеко не весь перечень статей политико-правового характера в журнале [20].

Для исследователей северокавказской истории особенно ценными представляются, на наш взгляд, рассуждения, комментарии к публикациям и рецензии редакторского состава «Отечественных записок». Это почти неразработанный и не введенный в научный оборот комплекс источникового материала, отличающийся глубоким проникновением в события минувшего времени. Среди публикаций данного жанра мы выделяем этнографические труды редактора П.П. Свиньина [21], рецензии на литературные произведения ведущих критиков журнала А.Д. Галахова [22] и П.Н. Кудрявцева [23]. К слову, произведения по кавказской тематике получили неоднозначные отзывы публицистов и требуют детального изучения и переосмысления [24].

П.П. Свиньину, неутомимому исследователю провинциальных уголков Отечества, принадлежит особая роль в сохранении и трансляции кавказоведческих материалов. Так, он способствовал публикации статьи «Церемония приема дагестанских послов» [25], где поднимались вопросы принятия присяги на верность России Шамхалом, Дагестанским Владетелем в 1786 г. В церемониале, подписанном генералом П.С. Потемкиным и капитаном Андреем Бекшиковым, описывался весь комплекс обязательных действий и обрядов, вплоть до мельчайших деталей, для приема послов Шамхала в Екатеринограде, центре Кавказской губернии.

В двух публикациях 1827-1828 гг. корреспонденты «Отечественных записок» сообщали о посещении Ставрополя в 1825 г. императором Александром Павловичем [26], о праздновании в Ставрополе восшествия на российский престол императора Николая Павловича [27]. В первом письме неизвестный автор восторженно писал о пребывании самодержца в Ставрополе и о его щедрых дарах ставропольским калмыкам. Свою беседу с царем автор описывал эмоционально и сравнивал свои ощущения от встречи с Александром I со страхом к Богу. В письме И.Т. Раджицкого не менее красочно рассказывалось об организации ставропольскими чиновниками в лице председателя областного правления, действительного статского советника и кавалера барона П.Ф. Розена,

вице-губернатора К. Ф. Адлерберга и управляющего ставропольским комиссариатским депо 6-го класса г. фон-Мейера, пышного торжества в честь императора Николая Павловича. Народ, наблюдавший за праздничными салютами и пальбой из пушек, по словам автора, «в молчании, казалось, сравнивал красоту минувшего с настоящим, и мысленно благодарил Провидение, что с сею переменю не разрушалось, но упрочивалось общее благосостояние» [27, 149].

Таким образом, приведенный материал дает право утверждать, что в корпусе исторических и историографических источников периодическая печать сегодня занимает существенное место. «Отечественные записки» XIX в., публикуя для современников актуальную информацию из жизни горцев, способствовали сохранению и трансляции до наших дней ценного комплекса источников. Считаем, что выявленные публикации будут интересны и полезны для исследователей северокавказской истории.

1. Кузьминов П. А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы Международной научной конференции. 13-14 октября 2005. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2006.

2. Свиньин П. П. Объявление о продолжении издания «Отечественных записок» на следующий 1822 год // Отечественные записки. 1821. № 7.

3. «Отечественные записки» в 1818-1881 гг. были органом либерально-демократической печати России.

4. Дебу О. Л. Разные исторические замечания о Кавказских народах // Отечественные записки. 1821. Ч. 8; 1822. Ч. 9.

5. Дебу О. Л. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии // Отечественные записки. 1822. Ч. 10; Замечания генерал-майора Дебу о состоянии Черномории и Черноморских козаков // Отечественные записки. 1823. Ч. 15; Дебу О. Л. О начальном установлении и распространении Кавказской линии, с означением поселенных козачьих полков, оную охраняющих, и их происхождении // Отечественные записки. 1823. Ч. 16; 1824. Ч. 18; 1824. Ч. 19.

6. Бурцев И. Г. Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами в 1810 г. // Отечественные записки. 1820. Ч. 2.
7. Радожицкий И. Т. Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командою графа В. А. Зубова // Отечественные записки. 1827. Ч. 31.
8. Кулешов В. Поэт и журнал // Вопросы литературы. 1958. № 3.
9. Лермонтов М. Ю. Ветка Палестины // Отечественные записки. 1839. Т. 3; Лермонтов М. Ю. Поэт // Отечественные записки. 1839. Т. 2; Лермонтов М. Ю. Русалка // Отечественные записки. 1839. Т. 3; Лермонтов М. Ю. Дары Терека // Отечественные записки. 1839. Т. 7; Лермонтов М. Ю. Не верь себе // Отечественные записки. 1839. Т. 3; Лермонтов М. Ю. Тамара // Отечественные записки. 1843. Т. 27; Лермонтов М. Ю. Сон // Отечественные записки. 1843. Т. 27.
10. Лермонтов М. Ю. Бэла (из записок офицера о Кавказе) // Отечественные записки. 1839. Т. 2.
11. Лермонтов М. Ю. Фаталист [С прим. А. А. Краевского] // Отечественные записки. 1839. Т. 6.
12. Лермонтов М. Ю. Тамань [С прим. А. А. Краевского] // Отечественные записки. 1840. Т. 8.
13. Стромиллов С. И. Дагестанская ночь («Над горами Дагестана...») // Отечественные записки. 1839. Т. 3.
14. Вацуро В. Э. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М., 1981. URL: http://enc-dic.com/enc_lermontov/Stromilov-semen-ivanovich-350.html (дата обращения: 13.02.2018).
15. Ознобишин Д. П. Кисловодск («Долина есть в краю далеком...») // Отечественные записки. 1840. Т. 9.
16. Ознобишин Д. П. Кавказское утро («Люблю я кавказское утро: тот час как полночные тени...») // Отечественные записки. 1840. Т. 9.
17. Ознобишин Д. П. Пятигорск («Пустынный край! Здесь дивного рука...») // Отечественные записки. 1840. Т. 10.
18. Обзор нынешнего состояния разных частей государственного управления за май и июнь месяцы 1840 г. // Отечественные записки. 1840. Т. 12; Обозрение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56; Обозрение современного движения русского законодательства и распоряжений

по государственному управлению за июнь 1848 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 59.

19. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за февраль 1846 г. // Отечественные записки. 1846. Т. 45.

20. Обзорение современного движения русского законодательства и распоряжений по государственному управлению за ноябрь 1849 г. // Отечественные записки. 1850. Т. 68.

21. Подробнее: Тахушева И.С. Система управления народами Кавказа на страницах «Отечественных записок» // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, советов (XVIII-XX вв.): сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции / Ответственный редактор и составитель Д.Ю. Шапсугов. Ростов н/Д, 2016; Тахушева И.С. Проблемы права на страницах российской демократической печати XIX в. // Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электоральной активности: Материалы I Международной научно-теоретической конференции аспирантов, магистров и студентов. Пятигорск, 22 апреля 2016 г. / Под ред. Л.А. Тхабисимовой. СПб.: Изд-во ПГУ, 2017; Тахушева И.С. Проблемы права и административного устройства народов Северного Кавказа на страницах «Отечественных записок» (40-60-е гг. XIX в.) // Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: ЮРИУФ РАНХиГС, 2017.

22. Свинын П.П. О праздновании Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. Ч. 23; Свинын П.П. Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 г. // Отечественные записки. 1825. Ч. 23.

23. Галахов А.Д. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. С объяснением истории, религии, языка, облика, одежды, строений, воспитания, правления, законов, коренных обычаев, нравов, образа жизни, пищи, образования и торговли хищных горцев Кавказа (с шестью рисунками) Н.Я. Данилевского. М., 1846 // Отечественные записки. 1846. Т. 48; Галахов А.Д. Москва и Кавказ, пове-

ствовательный рассказ. Стихотворение Е. Гончаровского. М., 1848 // Отечественные записки. 1848. Т. 59.

24. Кудрявцев П. Н. Черкес: роман М. И. Воскресенского. В 4 ч. М., 1839 // Отечественные записки. 1840. Т. 8; Кудрявцев П. Н. Москва и Кавказ, повествовательный рассказ. Стихотворение Е. Гончаровского. М., 1844 // Отечественные записки. 1844. Т. 36; Кудрявцев П. Н. Привидение на кладбище. Кавказская быль: в 2-х ч. Соч. Н. Г...ля. М., 1845 // Отечественные записки. 1845. Т. 39; Кудрявцев П. Н. Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга. Русская повесть, в двух частях. С военными маршами и хорами певчих, Н. И. Зряхова // Отечественные записки. 1840. Т. 12.

25. Подробнее: Тахушева И. С. Художественно-литературные формы отражения особенностей культуры и природы Кавказа в либерально-демократической печати России XIX в. (на примере «Современника» и «Отечественных записок») // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во «Веста», 2017.

26. Церемониал для публичной аудиенции Полномочным Послам Шамхала, Владетеля Дагестанского, по случаю подчинения его в подданство престолу Ее Императорского Величества и высоких Ее преемников, и учинения оным Посольством в лице самого Шамхала, присяги на верность Ее Императорскому Величеству, 24 числа мая, 1786 г. // Отечественные записки. 1825. Ч. 24.

27. Из Ставрополя. О посещении Ставрополя покойным Императором Александром Павловичем, в 1825 г. // Отечественные записки. 1828. Ч.

28. От И. Т. Раджицкого, из Ставрополя, от 22 ноября 1826 г. Празднование восшествия на престол Императора Николая Павловича в Ставрополе // Отечественные записки. 1827. Ч. 29.

Э. И. ХАУПШЕВ,
студент КБГУ Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

**ТЕМАТИКА НАУЧНЫХ РАБОТ ПЕРВОГО РЕКТОРА
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА Х. М. БЕРБЕКОВА**

В данной работе проанализированы научные исследования Х. М. Бербекова и рассмотрены труды историков, изучавших этот вопрос. Особое внимание акцентируется на актуальности рассматриваемых научных проблем. На основании изученного материала сделан вывод о вкладе ученого в научное наследие исследования истории Северного Кавказа.

Ключевые слова. СССР, национальность, государство, автономия, наука, культура.

In this article we analyzed the scientific researches of H. M. Berbekov and examined the works of historians who studied this issue. Particular attention is focused on the relevance of the scientific problems under consideration. Based on the material studied, a conclusion is made about the scientist's contribution to the scientific legacy of the study of the history of the North Caucasus.

Keywords: USSR, nationality, state, autonomy, science, culture.

Хатута Мутович Бербеков был не только талантливым руководителем и создателем Кабардино-Балкарского госуниверситета, оставившим неизгладимый след на этом важном посту, но и крупным ученым. Его научные статьи и монографии отражают глубину мысли и смелость суждений по многим вопросам истории и культуры народов Кабардино-Балкарии. Он раскрыл многие важные аспекты исторической науки такие, как создание новой политической системы в специфических условиях Кабардино-Балкарии, борьба с внутренними силами, создание рабочего класса и интеллигенции республики, культурное строительство и др. [1, 19]

Исследованием научных работ Х. М. Бербекова занимался широкий круг историков Кабардино-Балкарии, в их числе Х. Т. Медалиев Х. М. Думанов, Х. Б. Мамсилов, К. Х. Унежев и др. В своих статьях исследователи представили анализ отдельных аспектов научной деятельности ученого.

Первые научные труды Хатуты Мutowича увидели свет еще задолго до работы в вузе. По существу, он был одним из первых, кто сумел подробно осветить советский период истории народов Кабардино-Балкарии. За короткий срок им было написано и издано более 40 научных статей и 6 монографий. В их числе такие, как «Очерки по истории Советской Кабардино-Балкарии», «Образование и развитие кабардинской социалистической нации», «Советская автономия Кабарды и Балкарии» и др. Высокую оценку общественности получила его монография «Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии». Она охватывает период с 1917 по 1937 гг.

В монографии был осуществлен глубокий историографический анализ современных исследований ученых республики. Конструктивная критика и предложения в адрес монографий Р.Х. Гугова, У.А. Улигова, Х.Т. Медалиева, А.К. Текуева, Ш.А. Масаева оказались весьма полезными, поскольку их учет позволил всем впоследствии защитить докторские диссертации и добиться широкого признания в научном мире.

Х. Бербеков, воспитанный на идеалах октябрьской революции и марксистской концепции истории, стремился развивать теоретические представления. Ученик академика М.П. Кима – руководителя сектора истории советской культуры в институте АН СССР, Х. М. Бербеков, наряду с такими учеными, как А. А. Абилов, А. В. Бурнышев, Г. Ш. Каймаразов стал пионером в научной разработке проблемы культурных преобразований на Северном Кавказе. Его результаты в этой области стимулировали многих исследователей в детальной разработке истории культуры народов Кабардино-Балкарии и привели к появлению ряда монографических исследований по различным проблемам культурного строительства, к примеру, Р.Ш. Чеченова «Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарской АССР (1920-1970)» (Нальчик, 1971); Х.М. Сабанчиева «Деятельность Кабардино-Балкарской парторганизации по осуществлению культурной революции» (Нальчик, 1973); М.Х. Герандокова «Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1917-1940)» (Нальчик, 1975); Г.Х. Мамбетова, Х.И. Хутуева «Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1984);

Х. И. Хатуева «Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1984) и т.д. [2, 20].

Хатута Мутович одним из первых исследовал сложный и противоречивый вопрос строительства национальной государственности Кабардино-Балкарии в 20-30 годах XX в. Национально-государственное строительство в республиках с малочисленными народами имело большое политическое и практическое значение и осуществлялось с большими трудностями и противоречиями. Хатута Мутович с привлечением большого круга материалов исследовал важнейшие партийные и государственные решения и то, как они претворялись на местах. Он подробно и убедительно проследил создание и развитие национальной государственности Кабардино-Балкарии. Правда, общественно-политический климат того времени не позволил ему исследовать вклад других политических партий и органов в создание государственности [3, 19].

Наряду с этой проблемой, Х. Бербеков в средствах массовой информации усиленно пропагандировал русско-кабардинские отношения 1557 г. Так, им были опубликованы статьи: «Преображенский край» («Красное знамя», 31 октября 1956 г.), «Светлая ночь» («Советская культура», 20 июня 1957 г.), «Праздник национальной культуры» («Вечерняя Москва», 19 июня 1957 г.), «Национальный праздник кабардинского народа» (Промышленно-экономическая газета, 5 июня 1957 г.), «400 лет с Россией» («Советская Россия», 8 января 1957 г.) и др. В этих публикациях подробно обсуждается тема дальнейшего укрепления Российской государственности, дружбы между народами Северного Кавказа и России, достижения Кабардино-Балкарии в области культуры и государственного строительства [4, 5].

В начале 50-х гг. XX в. особое внимание в исторической науке уделялось вопросам объективного изучения вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства. По данной проблеме высказывались различные мнения, о характере и хронологических рамках этого процесса, о его значении и последствиях как для народов Северного Кавказа, так и для России. Х. М. Бербеков принял живое участие в обсуждении этих проблем. В июле 1952 г. состоялось совместное заседание кафедры истории СССР Кабардинского госпединститута и сектора истории Научно-исследовательского института, на котором обсуждался вопрос «О прогрессивном

значении присоединения Кабарды к России». На этом заседании Х. Бербеков выступил с докладом. Историческая дата 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России отмечалась в июле 1957 г. как большой национальный праздник. В преддверии праздничных мероприятий Хатута Мутович опубликовал ряд статей по вопросу исследования русско-кабардинских отношений, в которых отразилось его принципиальное видение данной проблемы [5, 7].

Глубоко владея диалектическим методом анализа общественных явлений, Хатута Мутович указывает как на отрицательные, так и на положительные последствия присоединения Кабарды к России. «Переломным этапом в истории Кабарды, – пишет он, – было ее добровольное присоединение в 1557 году к России, коренные причины которого заключались в потребности кабардинского народа в экономическом и культурном общении с более передовой и сильной страной и в стремлении его найти в лице России защиту от внешних врагов». Но, к сожалению, как пишет Хатута Мутович, «присоединение Кабарды к России, прежде всего, несло с собой кабардинскому народу гнет царского самодержавия, которое при поддержке местной знати превращало жизнь трудящихся в мучение, обрекало их на отсталость. Вместе с тем оно имело объективно и положительное значение, ибо спасало кабардинский народ от порабощения внешними врагами, создавало благоприятные условия для его экономического и культурного сближения с русскими и другими народами России, способствовало росту экономики края, ломке патриархально-родового быта, зарождению капиталистических отношений» [6, 4]. Они стали возникать в экономике Кабарды и Балкарии особенно быстро после реформы 1861 г. в России». «Перед Октябрьской революцией, – пишет он далее, – В Кабарде, и, в особенности, в Балкарии господствовали феодальные отношения с устойчивыми патриархально-родовыми пережитками». Наряду с этим «...включение Кабарды в состав России имело и важное международное значение. Оно укрепило позиции Русского государства на Северном Кавказе и нанесло удар по агрессивным устремлениям Турции, Ирана и Крымского ханства». Фактически, основываясь на выводах ученого, мы утверждаем, что таким образом Кабарда избежала полного порабощения со стороны Османской империи [7, 54].

В трудах Х.М. Бербекова значительное место занимают вопро-

сы государственно-политического устройства Кабарды и Балкарии после Октябрьской революции. 4 августа 1951 г. Х. Бербеков обратился с просьбой к ректору Академии общественных наук при ЦК ВКП (б) об утверждении темы кандидатской диссертации и прикреплении его к кафедре истории ВКП (б). В период с 1 апреля 1952 г. по 1 сентября 1954 г. он учился в аспирантуре института истории АН СССР. В 1954 г. Бербеков защитил кандидатскую диссертацию по теме «Образование и развитие Кабардинской социалистической нации». По этой же проблеме им опубликована монография

Хатута Мутович справедливо отмечал, что «одним из этапов возрождения кабардинского и балкарского народов на основе Советской автономии явилось создание в ноябре 1920 года Кабардинского и Балкарского округов в составе Горской АССР». Х. Бербеков подробно исследовал вопрос о создании ГАССР, причинах ее ликвидации. Важной особенностью исторических взглядов Х. М. Бербекова по вопросам государственного строительства является то, что в равной степени он отстаивает две формы: федеральный союз и автономию. Как он справедливо отметил, «Советская автономия не есть нечто застывшее и раз навсегда данное, напротив, она допускает самые разные формы и степени своего развития» [3, 19]. Известно, что идея автономного устройства народов в составе Советской России предполагала создание автономии на национальной территории с правом на самоопределение. Но в ходе строительства автономии в пределах Кабардино-Балкарии принцип самоопределения был нарушен политическими лидерами Горской республики. В частности, они были против предоставления Кабарде и Балкарии автономной самостоятельности вне состава ГАССР, а в непосредственном составе РСФСР.

Освещая эти непростые вопросы политического развития, Х. М. Бербеков дает историческую оценку требованиям Н. Катханова и Д. Абазова о предоставлении Кабарде и Балкарии не автономной области, а автономной республики в составе РСФСР. Х. Бербеков писал, что, учитывая невысокий уровень хозяйственной и культурной зрелости Кабарды и Балкарии в тот период, это требование было преждевременным. Подходящей формой государственной власти являлась в то время не автономная республика, а автономная область. Позиция Н. Катханова и Д. Абазова объяснялась желанием

предотвратить передел территории Кабарды и Балкарии, который был в планах у лидеров Горской республики. Но стоит заметить, что до сих пор не получила достаточного освещения противоречивость взглядов и различные концепции по вопросам государственно-политического устройства Кабарды и Балкарии в 20-х гг. XX в.

В работе «Советская автономия Кабарды и Балкарии» Х.М. Бербеков подробно рассматривает существовавшие концепции объединения Кабарды и Балкарии в единую автономную область. Он точно описывает противоречивость взглядов большевиков и отсутствие единого мнения по данному вопросу [8, 10].

Если говорить об актуальности исследований Х.М. Бербекова сегодня, стоит отметить, что они имеют отпечаток формационного подхода, сведенного к марксистско-ленинской методологии, требующей особой организации материала, отражения в конкретных исторических работах, в подходах историографов и их оценке. Общеизвестно, что методологическую основу научного наследия Х.М. Бербекова определяли принцип историзма, объективный учет исторических фактов, их влияние на характер исследуемых явлений и процессов. В структуру его исследования вошли проблемный принцип и ситуационный анализ. Такая методология объективно отражает реалии и сущность исторических процессов и явлений, позволяет анализировать их комплексно и системно. Из этого можно заключить, что в методологическом плане Х.М. Бербеков выходил на новые познавательные стратегии, которые оформились в конце XX в. в рамках новой социальной истории [2, 20].

Исследуя исторические проблемы, актуальные не только для национальной республики, но и для всего мирового сообщества, Х.М. Бербеков позаботился о широком освещении результатов этих исследований. Так, помимо большой педагогической и организаторской работы, он участвовал в вузовских, межвузовских, всесоюзных конференциях, в международных конгрессах историков. Его выступления на этих научных форумах были в то время своеобразным показом достижений народов Кабардино-Балкарии [9, 3].

Значимость работ Х.М. Бербекова сложно переоценить. Каждому исследователю новой истории Кабардино-Балкарии невозможно обойтись без его научного наследия. Он показал, что все достижения в культурном развитии кабардинцев и балкарцев – существен-

ные сдвиги в уровне грамотности, становление новой системы образования, успехи в науке, литературе и искусстве – диктовались условиями глобальных социально-экономических преобразований.

Следует заключить, что работы Х.М. Бербекова отличала актуальность тем исследования и подробность изученного материала, который отражал непростую историческую обстановку первых годов советской власти на Северном Кавказе, когда каждая административно-территориальная единица развивалась по пути национально-государственного строительства.

1. Унежев К. Х. Вклад Х. М. Бербекова в изучение проблемы создания национальной государственности Кабардино-Балкарии // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. № 3.

2. Мамсиров Х. Б. Историческое наследие Х.М. Бербекова и современность // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. № 3.

3. Саблиров М. З. Хатута Мутович Бербеков: ученый и общественный деятель // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. № 3.

4. Бербеков Т. М. Университет – «светильник жизни» // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. № 3.

5. Шурдумов Г. К. Имени Хатуты Бербекова // Университетская жизнь. 20 фев. Нальчик, 2016. № 3.

6. Бербеков Х. М. К вопросу об образовании кабардинской народности (400-летию добровольного присоединения Кабарды к России) // Кабардинская правда. 12 янв. 1957.

7. Думанов Х. М. Х. М. Бербеков об общественно-политическом строе Кабарды и Балкарии в XVI-XX вв. // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. № 3.

8. Медалиев Х. Т., Текуев А. К. Первый ректор // Кабардино-Балкарская правда. Нальчик, 15 февр. 1996.

Х.Х. ДАЛДАЕВА,
студентка ЧГУ
Б. Б.-А. АБДУЛВАХАБОВА,
кин, доцент, заведующая кафедрой ЧГУ
(г. Грозный)

ТАШТЕМИР ЭЛЬДАРХАНОВ
(К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ
В ИСТОРИИ)

В данной статье рассматривается исторический портрет известного общественного деятеля и просветителя Чечни начала XX века Т.Э. Эльдарханова, который, будучи депутатом I и II Государственной Думы Российской империи, активно защищал интересы горских народов Северного Кавказа, выступал за решение аграрного вопроса в пользу безземельных горцев. Участник революционных событий 1917 г. Т.Э. Эльдарханов как видный политический и общественный деятель Чечни начала XX века приложил огромные усилия для объединения разных политических сил в поисках решения назревших проблем в Чечне на путях согласия, мира и демократии.

Ключевые слова: Терская область, Северный Кавказ, Чечня, общественный и политический деятель, революция, исторический портрет, Государственная Дума, Грозный, Эльдарханов.

In this article, a historical portrait of a well-known public figure and enlightener of Chechnya at the beginning of the 20th century is given. Eldarkhanova, who was a deputy of the First and Second State Duma of the Russian Empire, actively defended the interests of the mountain peoples of the North Caucasus, advocated the solution of the agrarian question in favor of landless mountaineers. A participant in the revolutionary events of 1917, TE Eldarkhanov, as a prominent political and public figure in Chechnya at the beginning of the 20th century, made great efforts to unite the various political forces in search of solutions to the urgent problems in Chechnya on the lines of harmony, peace and democracy.

Keywords: Terek region, North Caucasus, Chechnya, public and political figure, revolution, historical portrait, State Duma, Grozny, Eldarkhanov.

Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов является известной личностью в истории Чечни. Он был политическим лидером, пользовался популярностью среди населения, также был культурным просветителем: ведь благодаря его изысканиям вышел в свет первый

чеченский словарь, собраны уникальные этнографические материалы, касающиеся устного творчества чеченцев. Нельзя не отметить значимость его деятельности и в современный период, когда актуализировались вопросы, касающиеся возрождения этнической культуры, ее адаптационного потенциала в эпоху глобализации и вызовов, которая она выдвигает. В этой связи интерес к личности Т. Эльдарханова является очевидным, так как он представляет собою квинтэссенцию интеллигенции чеченского этноса, включающую в себя и светское, и традиционное начала.

Таштемир родился 1 апреля 1870 года в ауле Гехи в обычной чеченской семье. Получил начальное образование, обычное для многих чеченцев, живших в этот период; окончив арабскую школу, поступает в грозненскую горскую школу, что уже не является обычным явлением тогда. Юный Т. Эльдарханов продолжает обучение во Владикавказском реальном училище, а в 1890-1893 гг. продолжит свое образование в Тифлисском институте для учителей.

Далее, в 1893-1898 годах, как нам известно, молодой специалист выполняет функции надзора над всеми горскими школами в Майкопе (Адыгее), что является удивительным фактом, подтверждающим его компетентность, образованность. Однако Т. Эльдарханов настойчиво просился в Грозный, и впоследствии он был переведен туда, где с 1898 года трудился в должности простого учителя [1, с.214-219].

Любознательный Таштемир еще в годы своего ученичества и студенчества интересовался народным фольклором, этническими преданиями чеченцев, притчами и т.п. Его юные изыскания были изданы в 1900 году в труде «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Материал вышел на русском языке и включал в том числе и несколько народных чеченских сказаний, записанных им [2, 21].

1898-1905 гг. – время, когда Т. Эльдарханов становится известным как активный общественный деятель. Он создает союз учащихся и учителей, который в сентябре 1905 года присоединился к «Всероссийскому союзу учителей и деятелей народного образования» [1, 214].

В начале XX века – Эльдарханов становится в ряду видных общественных деятелей и участников революционно-освободительного

движения на Северном Кавказе и приобретает широкую известность и популярность в крае [4, 42].

В период революции 1905 года за активную политическую деятельность и революционные взгляды он был уволен из Горской школы за «политическую неблагонадежность» [2, 21]. Но молодой Эльдарханов не остается в стороне от общественно-политических процессов, разворачивающихся в этот период в Чечне и на Северном Кавказе. В 1906 г. Т. Эльдарханов избран в I Государственную Думу, где он представлял интересы горских народов Терской области. В Думе он выступает с обвинением и осуждением царского режима на Северном Кавказе. В 1907 году его вновь избрали депутатом II Государственной Думы. Т. Эльдарханов с еще большей активностью защищает интересы горских народов, выступает за решение аграрного вопроса в пользу безземельных горцев. После того, как разогнали II Государственную Думу 3 июня 1907 г. подвергается гонениям и получает запрет на преподавание и вынужден переехать в Азербайджан [1, 214]. В Баку он работает в училище, а позже становится инспектором Геокчайского высшего начального училища.

Одновременно Т. Эльдарханов занимается научно-исследовательской деятельностью – изучает фонетику чеченского языка, работает над созданием чеченского алфавита на основе кириллицы. В 1911 году в городе Тифлисе был издан первый чеченский букварь на основе русской графики, написанный Таштемиром Эльдархановым [2, 21].

Революционные события 1905-1907 годов, охватившие всю Россию, вовлекли в себя и народы Чечни. Его просвещенные и передовые представители, такие, как Т. Эльдарханов, искали с многонациональной демократической Россией общие, совместные пути к свободе. В этот период происходит формирование общенациональных интересов, которых представляют молодые и образованные чеченцы. Они видели новый вектор развития чеченского этноса в тесном переплетении с судьбой русского народа. Стремление создать новую общественно-политическую реальность, в которой чеченцам была бы отведена роль равноправного этноса – становится основным делом в жизни Таштемира Эльдарханова.

Т. Эльдарханов – один из основателей общественно-политической мысли в Чечне, долгое время являл собою эталон духовного и

национального лидера, который представлял политические поиски чеченцев в этот сложный период истории России. В одном ряду с ним такие известные общественно-политические чеченские деятели конца XIX–XX веков, как братья Ахметхан и Исмаил Мутушевы, Абдулмежид (Тапа) Чермоев, Ибрагим-бек Саракаев, братья Денилбек, Заурбек, Назарбек, Асламбек Шериповы. Все они являлись прекрасно образованными молодыми людьми, патриотами не только своей малой родины, но и России [4, 40–41].

Будучи избранным депутатом в I Государственную Думу от малых народностей Терской области (чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин и кумыков и др. народов Терской области) Таштемир Эльдарханов получил небывалую ранее возможность на общероссийском уровне смело разоблачать преступную политику царизма на Северном Кавказе. Это обстоятельство накладывало на него большие моральные обязанности – в политической деятельности в равной мере, воспитанный в духе народных традиций, отстаивать интересы всех горцев Северокавказского края. Т. Эльдарханов по своему душевному настрою был человеком высоких нравственных норм, что сказывалось не только на его внешнем облике, но и в делах, отношении к людям, где бы и кем бы он не работал [4, 42].

Таштемир Эльдарханов с большим воодушевлением принял весть о свержении царя в период революционных событий февраля 1917 года. Возвратившись на родину, начинает революционную деятельность. В целях поиска и выработки общей политической линии в происходящих революционных процессах участвует совместно с известными общественными, политическими и религиозными деятелями Чечни в общенациональном съезде чеченского народа.

Весной 1917 года, в апреле, в город Грозный съехались до 10 тысяч представителей чеченских этнических групп, которые объявили о начале общенационального чеченского съезда, что само по себе является значимым событием того периода. Организаторами и руководителями съезда выступали: Абдулмежид (Тапа) Чермоев, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайский, Ахметхан Мутушев, Дени Арсанов, Сугаип Гайсумов и Таштемир Эльдарханов. На съезде было принято решение о создании общенационального Совета, который возглавит известный общественно-политический деятель Ахметхан Му-

тушев, выступавший за созыв съезда представителей всех горских народов Кавказа и проведший выборы делегатов на этот съезд.

В числе чеченского Совета, в основном оказались представители крупных землевладельцев, духовенства и буржуазии. Таштемир Эльдарханов, как и многие представители горской интеллигенции, в первое время свои надежды на решение коренных вопросов революции связывал с февральской революцией, новыми институтами местной власти, и, в основном, с деятельностью ЦК союза горцев Северного Кавказа, с национальным Советом Чечни.

В ходе развития революции чеченский и ингушский национальные Советы, ЦК Союза горцев Северного Кавказа в своей деятельности все более смыкались с военно-казацкими верхами и, в конечном счете, противопоставили себя трудовому народу.

В такой обстановке Т. Эльдарханов пришел к убеждению, что возможность их национального и социального освобождения связаны с революционной Россией, что только на путях единения с российскими демократическими силами они смогут добиться свободы, равенства, земли и государственного самоопределения. Таштемир Эльдарханов вместе с Асланбеком Шериповым и другими передовыми представителями Чечни повел последовательную борьбу против горских социальных верхов за сплочение демократических элементов в освободительном движении горцев.

Невозможно переоценить личный вклад Т. Эльдарханова в формирование классового интернационального Союза трудовых народов Терека, который, веря искренне в идеи большевизма, призывал их в борьбу за победу социалистической революции [3, 443]. Т. Эльдарханов стоял у истоков зарождающейся Советской власти в Чечне. С апреля 1920 по август 1921 года он возглавлял окружной ревком Чечни, с августа 1921 года – председатель окружного исполкома [5, 218].

На плечи демократической интеллигенции, духовенства легла задача исторической необходимости – добиться прекращения межнациональных войн и совместно с другими трудовыми народами Терека начать поиск решения назревших проблем на путях согласия, мира и демократии.

Таштемир Эльдарханов был одним из тех, который в период полыхания межнациональной братоубийственной войны на Тереке

между горцами и казаками, возглавил «партию мира» и совместно с А. Шериповым, А. Мутушевым, шейхом Д. Арсановым и многими другими представителями интеллигенции и духовенства Чечни сыграл огромную роль в деле прекращения этой войны [3, 444].

Значимость общественной деятельности и личности Таштемира Эльдарханова в период становления Советской власти в регионе не вызывала сомнений, что вызвало беспокойство со стороны И. Сталина и А. Микояна, которые решили отправить его подальше от мест, где он известен и почитаем как лидер. С 1925 года Т. Эльдарханов назначается на пост председателя Национального Совета в краевом исполкоме г. Ростов-на Дону, куда он и вынужден переехать. Отметим, что на этой должности он занимался активно общественной деятельностью, стремился решить проблемы простых людей. За последовательную и принципиальную позицию неоднократно выдвинут делегатом VIII, IX, XI, и XII Всероссийских съездов Советов, членом ВЦИК X, XI, XII созывов (1922-1926 гг.), членом ЦИК Союза СССР I, II и III созывов (1922-1927 гг.) от Чеченской автономной области.

В заключение отметим, что Таштемир Эльдарханов впоследствии начинает осознавать, что его представления о развитии общества и партийная идейная доктрина не совпадают. Разочарование в сталинском политическом режиме толкает его на мысль вернуться на родину [3, 457]. С 1929 года до конца своей жизни (14.11.1934 г.) он работает в управлении «Грознефти» Чечни.

Подводя итог, отметим, что Таштемир Эльдарханов, был видным общественным и политическим деятелем не только Чечни, но и всего Северного Кавказа. В своей непростой общественно-политической деятельности всегда отстаивал интересы простых обездоленных народов всего края, прикладывал огромные усилия для объединения разных политических сил в поисках решения назревших социально-экономических и общественно-политических проблем в Чечне на путях согласия, мира и демократии.

1. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство» 2008.

2. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 гг. Нальчик, Грозный: Архивное управление Чеченской Республики-ООО «Печатный Двор», 2012.

3. Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы / Ред. Туркаев Х. В. М.: Наука, 2015.

4. Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич. Просветитель, политический и государственный деятель / (Отв.ред. Х. В. Туркаев); Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2014.

5. Эльбуздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20-30 годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011.

IV. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

К. Ю. РАХНО,
дин, Национальный музей украинского
гончарства в Опошном
(Опошное, Украина)

КУЛЬТ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ У УКРАИНСКИХ КАЗАКОВ И ЕГО ОСЕТИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Многочисленные следы религиозного поклонения холодному оружию прослеживаются у украинских казаков XIX – начала XX веков. Прямые параллели этим культам находятся в Осетии, где отдельные семьи в прошлом тоже почитали старинные клинки в качестве реликвий и талисманов. Делается вывод, что почитание сабли у украинцев унаследовано от скифо-сарматского субстрата.

Ключевые слова: украинцы, казаки, осетины, семейные культы, культ меча, Украина, Северная Осетия, Южная Осетия.

Numerous traces of religious worship of cold weapons are traced among the Ukrainian Cossacks of the 19th- early 20th centuries. Direct parallels to these cults could be found in Ossetia, where certain families also revered the ancient blades as holy relics and talismans in the past. It is concluded that the worship of the saber among the Ukrainians has been inherited from the Scythian-Sarmatian substratum.

Keywords: the Ukrainians, Cossacks, the Ossetians, family cults, cult of the sword, Ukraine, North Ossetia, South Ossetia.

Последнее время на Украине среди исследователей исторических истоков украинского казачества прослеживается вполне закономерный стабильный интерес к такой стороне казачьей религиозности, как почитание холодного оружия. Оно прослеживается, прежде всего, в фольклоре – песнях, легендах, сказаниях. Учёные приходят к выводу, что Поднепровье наиболее вероятно заимствовало культ меча непосредственно от степного скифо-сарматского мира, с которым граничило [1164, 168-172; 2, 69-72; 3, 87, 93-96].

Тем не менее, лишь немногие внимательные исследователи обратили внимание на сохранявшиеся в украинском быту реликты реального религиозного поклонения холодному оружию [3, 94]. Ещё в конце XIX – начале XX века на Харьковщине потомки казаков хранили в кладовых старинные сабли и тайно поклонялись им как святыням в ночь на Великдень (Пасху), прежде чем идти на богослужение. Сабли доставали из ножен, почтительно целовали и говорили: «Ещё и для тебя придёт праздник», как полагалось в соответствии со старинным обычаем. После этого их вкладывали обратно в ножны, прятали в сундук и шли в церковь. Совершал этот обряд поклонения старший в семье, передавая его секрет от отца к сыну:

«Я родився й жив – оповідав їм – в козацькій слободі, де й вулиці звались сотнями: перша, друга, третя... А частини слободи носили типові назви: Кобзарівка, Ляшівка, Майдан... Були й смішні, а то й глумливі назви, по назві першого поселенця, якого сувора громада за якусь моральну провину виселила за слободу. На Кобзарівці жили собі поважні козацькі роди, Нечаї, Грицаї, Карпусі, Обухи, Рогачі (що перезвались в Рогачевських), Линники (потім Лініцкіє), Ластівці та інші.

Наймолодший синок мого сусіда Нечая таке мені оповідав. У Страстну Суботу, ніж іти на Великодню Відправу, що починалась в 12 год. ночі, старий Нечай, який міг би захопити своїм козацьким виглядом і одягом Репіна чи Васильківського, чогось таємниче замкнувся в коморі (комора – це гарна будова з обаполів, часто з високим ґанком). В цій коморі стояли повні добра ковані скрині, де-не-де пишалося і зеркало, а інколи й засіки з мукою та іншим добром.

От в такій коморі й замкнувся Нечай. Це дуже зацікавило його синка й він, хоч і боявся суворого батька, знайшов десь у стіні просвіт, і ось що побачив.

На одній скрині горіла свічка. Над другою відчиненою скринею схилився Нечай і щось із неї добував. А коли витяг, побачив Нечаєнко в руках батька стару козацьку шаблюку. Старий витяг з піхви клинок, перехристився й, поцілувавши, промовив: «Ще й для тебе прийде свято»... Всунув шаблю назад, заховав її в скрині й пішов до церкви. Не стерпів Нечаєнко й запитав: «Чому ви тату, цілували шаблю й говорили, що й для неї прийде свято?».

Розгнівався старий, що син посмів підглядати за батьком, але сталося...

– Так, сину, робив мій дід, а потім і батько, що заповів і мені так робити. Колись і ти був би про це довідався, але ти підглядав, то й знай про це тепер.

– А чому треба казати, що «ще й для тебе прийде свято!»?

– То я, сину, не знаю, мабуть, так треба...» [4, с. 35].

Воспоминание о схожем поклонении холодному оружию было записано в 1961 году от старых днепровских лоцманов. В 1910 году в Екатеринославе проводилась сельскохозяйственная выставка Юга России. На эту выставку из станицы Куцевская Кубанского казачьего войска прибыло несколько казаков и офицеров и заночевало в Старых Кодаках. Ходили слухи, что они приехали поклониться хоругви Куцевского куреня, якобы сохранившейся после уничтожения Запорожской Сечи (в 1775 году) и находившейся в какой-то церкви. Ночью 5 июня (в день разрушения Сечи) 1910 года лоцманы выкопали из огородов прадедовские сабли и молились на них в присутствии своих жён, детей и гостей с Кубани. При этом сотник Кубанского войска Кудыма сказал: «Пусть ваши сыновья и дочери не подумают, что вы имеете разбойничью склонность, потому что казачья сабля не столько оружие, сколько символ свободы нашего народа» [5, 294].

В то же время никто не обратил внимания на то, что украинский казачий культ холодного оружия имеет выразительные параллели в Осетии. И речь идёт не только об эпическом образе грозового нарта Батраза, неотделимого от своего меча. Если обратиться к данным осетинской этнографии, то обнаруживаются впечатляющие примеры сохранения соответствующих древних представлений и обычаев. Собственно поклонение мечу, сравнимое с традициями скифо-сарматов и алан [6, 226], в прошлом отмечалось у отдельных осетинских семей неоднократно, например, в третьей четверти XIX века этнограф и правовед Вольдемар Пфафф констатировал: «У осетин некоторые семейства молятся священным мечам» [7, 132].

Сохранились сведения о конкретных таких семейных культах, восходивших к почитанию скифского и аланского бога Арея. Как правило, в центре их находилось священное холодное оружие предка семьи – как и в Украине, наследовавшееся главой семьи и

содержавшееся подальше от чужих глаз. Согласно фамильным преданиям древнего дигорского рода Акоевых, записанным в конце XIX века, их родоначальник Ако обладал священной шашкой, сделанной из метеоритного железа. В честь этой реликвии устраивались ежегодные празднества. Шашка передавалась из поколения в поколение как родовой талисман, а хранил её в глубокой тайне старший из рода, не показывая никому:

«У нас в Дигории с древнейших времен прославляется шашка, принадлежащая фамилии Акоевых, которая хранится у них в глубокой тайне, секрете и неприкосновенности. Шашка эта, по преданию, имеет чудодейственную силу, и потому память её чтится Акоевыми ежегодно жертвоприношением на степи, где они режут баранов, проводят целый день, а вечером возвращаются домой с песнями, танцами и стрельбой. В предании об этой удивительной шашке говорится следующее. Родоначальник Акоевской фамилии – Ако... Ако жил в бедности, имея только одну корову. Однажды бедняк Ако выпустил корову свою в общественное стадо на пастбу. К несчастью, с утра прекрасный день к вечеру переменился: надвинулись тучи, подул с запада ветер, и полил дождь: пастух собрал в кучу стадо своё, дабы оно не разбежалось. Вдруг блеснула молния, раздались сильные раскаты грома, и последовал удар. От испуга стадо исчезло из виду пастуха, на месте же осталась лишь одна корова, да и та лежала без всяких признаков жизни. Через некоторое время прошел дождь, прояснилось небо, и пастух подошел к трупку валявшейся коровы, чтобы узнать, что за причина ее смерти. К удивлению, на теле убитой коровы он увидел дыру; перевернул труп, и в земле тоже увидел дыру. Тогда он стал разрывать землю палкой своей, имевшей острый железный наконечник. Недолго пришлось пастуху трудиться: на глубине не более одной сажени он нашел ядро с гусиное яйцо и принес его вечером домой как вещественное доказательство того, что корова хозяина убита именно этим ядром, имевшим очень красивый вид. Ако получил от пастуха ядро, которым была убита его корова. В это время в Дигории жил некий мудрец, который был способен узнавать всё, к нему-то Ако принес после ядро свое на показ; мудрец осмотрел его и сказал, что ядро это есть ядро пророка Илии, распорядителя грома и молнии, и что надо сделать из него какую-нибудь вещь. Ако послушался совета мудреца и за-

казал кузнецу сделать из ядра серп. Но серп оказался таким, что во время жатвы рука человека не могла удержать его. Тогда Ако заказал сделать из серпа косу, но вышла опять неудача: во время косьбы коса при каждом размахе человека кружила его, трава же оставалась стоять как будто нескошенная. Когда же косарь бросал косу на землю, то сама начинала косить, уходила далеко в траве и приходилось часто бегать вслед за самокосом. Неудобно было держать такую косу, и потому Ако поручил кузнецу приготовить из нее шашку. Кузнец трудился над приготовлением шашки более месяца, а когда передавал ее Ако, то сказал ему: «Неси свою шашку на здоровье себе, на страх врагам и потомству своему на славу». Обрадованный красивой работой кузнеца, Ако тут же пожелал испытать силу и достоинство шашки и ударил ею вблизи оказавшегося быка. Бык был раздвоен, а под ним и земля была рассечена на целую сажень. Благодаря зрителям, тут же стоявшим, слава о чудесных свойствах шашки Ако сперва разнеслась по Дигории, потом и по всей Осетии. А так как в древности оружие ценили очень дорого, то посмотреть на шашку Ако стали стекаться любопытные со всех сторон Осетии. В первые дни Ако охотно вынимал свою шашку напоказ из ножен, но так как шашка каждый раз не уходила в свои ножны до тех пор, пока не упивалась кровью быка, коровы или другого какого-нибудь животного, то он поклялся никому более не показывать свою шашку. Дни Ако, сильно разбогатевшего, были сочтены. Когда он умирал, то призвал к себе детей своих и сказал им: «Я умираю, шашку мою пусть хранит у себя в тайне и неприкосновенности старший из вас. Даю вам зарок: после моей смерти не показывать её более никому, не передавать её, пока хоть один будет в живых из моего потомства. Меч мой упрочит вашу славу». Потомство Ако размножилось, они свято соблюдают зарок предка: шашка у них хранится поныне и непременно у старшего из рода. Акоевы так дорожат своей необыкновенной шашкой, что купить её у них нельзя ни за какие деньги, потому что они считают её редким талисманом и фамильной гордостью» [8, 207-209].

Ежегодно в мае в честь этой шашки совершали с большой торжественностью празднество на равнине возле селения Новохристиановское (современного города Дигора). На этот праздник резали много животных и устраивали большое пиршество, после которого

участники возвращались домой с пением и стрельбой. Участвовали в нём одни лишь мужчины. Женщины к участию в празднике не допускались [9, 103; 10, 98-99; 11, 151-152]. То, что Акоевы справляли праздник не в горной Дигории, а в степи, по мнению учёных, указывает на степное происхождение фамильного культа, то есть на генетическую связь с верованиями степных кочевников [12, 222].

О стали, упавшей с неба, и изготовленных из неё мечях в Северной Осетии существовало предание, согласно которому фамилии «Дз-тæ» таких вообще принадлежало несколько. Один из трёх мечей, Джерийы кард (меч Джерия), ценился якобы в 18х18 голов крупного рогатого скота, другой – в 17х18 [13, 209]. Вероятно, речь идёт о Дзапаровых, у предка которых, Дзапара, было три сына – Джери, Тази и Аладжико [14, 192].

Шашка родоначальника Дзати, одного из сыновей легендарного Агуза, полученная при разделе имущества отца [10, 99], была гордостью юго-осетинской фамилии Джатиевых. Согласно легенде, шашку, которая долгое время сберегалась в их фамильном святилище – Сыгъзæрин дзуар, кузнец выковал из камня, упавшего с неба. Лицезреть эту шашку имели право только старшие, и то один раз в году после приношения ей кровавой жертвы. Этнограф Григорий Чурсин, летом 1923 года побывавший в горах Южной Осетии, сообщал: «В с. Сба, в святилище хранится фамильная шашка Джатиевых. Она считается чем-то вроде святыни. Легенда гласит, что когда-то упал с неба камень; пастух, взяв его, бросил в корову и пробил её насквозь. Из этого камня кузнец и выковал шашку. В настоящее время её как святыню видят раз в год старики, которые имеют доступ в святилище. При этом посещении шашку вынимают из ножен и снова вкладывают, – но сделать это может только тот, кто зарезал какое-либо живое существо, иначе шашка не выйдет; так уверяют осетины» [15, 157]. Необходимо было в течение года пролить кровь, иначе сабля не поддастся, не выйдет из ножен в руках не зарезавшего живое существо мужчины – реминисценция древнего ежегодного жертвоприношения оружию [13, 210]. Её вынимали из ножен и снова вкладывали, как и саблю в Украине. Возможно, фраза, которую должен был произнести старый казак, тоже означала, что клинок жаждет крови, как и его осетинские собратья. Ритуал кувда в честь шашки Джатиевых, по мнению этнографов, исходил из древнего религиоз-

ного действия, описанного Геродотом и Аммианом Марцеллином у скифов и алан. К сожалению, описание этого ритуала не сохранилось, поэтому неизвестно, в чём именно заключалось его сходство со скифским [12, 222; 10, 99]. Последнее сообщение о ритуальном общении с шашкой относится к 1965 году. Она была предметом почитания для всех Джатиевых. В её честь приносились и жертвы [16, 145].

Мотив изготовления чудесного клинка из небесного металла и его испытания, а затем утраты и находки наличествует также в преданиях и песнях о Дзадже Цаликати, участнике делегации осетин-куртатинцев, направлявшейся «к русскому царю», вероятно, в 1774 году, и полностью погибшей на обратном пути: «Меч Цаликова Дзадже. Цаликов Дзадже жил в Куртатинском ущелье, оттуда переселился в Пысылмон-кау. Однажды сельский пастух бросил камень в стадо и попал в корову Дзадже, пробил её насквозь. Дзадже стал допытывать пастуха: «Зачем убил мою корову?». Пастух сказал ему: «Я в неё не из пушки или ружья стрелял, бросил камень, и он пробил корову насквозь». Дзадже говорит: «Пошли, и если тот камень найдём – прощу тебе убийство коровы». Пошли и нашли камень. Дзадже камень забрал и отнес к кузнецу, прежде заказав из него шило. Что от камня осталось, из этого [кузнецу] наказал изготовить меч. Когда меч был готов, кузнец воткнул его в рукоять, согнул и затем отпустил – меч встал на место. Вернулся Дзадже и попросил у кузнеца свой меч. Кузнец вынес ему другой меч. Дзадже воткнул в меч шило, и оно вышло с другой стороны. Дзадже сказал кузнецу: «Это не мой меч!» Тогда кузнец вынес ему другой меч. И снова шило прошло через меч. Тогда Дзадже сказал кузнецу: «Среди этих моего меча нет, но вынеси мой меч по-хорошему». Не было у кузнеца другого выхода, кроме как вынести Дзадже его меч. Дзадже опять ткнул шилом в меч, и оно скользнуло. «Да, вот это мой меч, да», – сказал Дзадже кузнецу и отнёс его домой. Разнеслась вокруг весть: Дзадже из небесного ядра меч сделал, и отовсюду, вплоть до Кабарды, к нему ездили посмотреть. Меч был настолько хорош, что когда резал железо, то сбрасывал куски. Приехал к Дзадже кабардинский князь и предлагал свою дочь в качестве жены сыну Дзадже, табун лошадей с пастухом. Но Дзадже даже не дал посмотреть на свой меч». Далее рассказывается о путешествии осетин в Санкт-Петербург и их пре-

бывание там, как они постарались себя хорошо зарекомендовать. «Четыре месяца они там пробыли, затем царь наполнил их повозки деньгами. Пороха и семян много дал им, после чего они направились обратно. Кабардинские князи это узнали и встали перед ними в районе Ангуштского ущелья. Когда подошли куртатинцы, то отправили кабардинцы к ним посланника: «Отдайте нам нашу долю». Те ответили: «Что должно, мы вам отдадим». Посланник принёс обратно искаженный ответ: «Совершенно не хотят вас слушать, но что хотите делать – делайте». Куртатинцы сложили свой порох на бурки. Кабардинцы были в доспехах, и пуля их не брала. Тогда Битаров Кайтуко сказал своим товарищам: «Цельтесь им в глаза и ноги, иначе их пуля не берет». Между тем начался дождь, и порох куртатинцев намок, больше не горел. Тогда Дзадже со своим мечом ворвался промеж кабардинцев и всех, кого бил, разрубал надвое. И таким образом он многих из них перебил. Но кабардинцы стали побеждать. Как только понял Дзадже, что меч может достаться кабардинцам, стал его ломать: оборачивал его вокруг обода арбы, но меч не ломался. Затем кинул его в заросли. Под конец кабардинцы одолели их, и из куртатинцев немногие уцелели, поубивали их там. Их оружие и деньги кабардинцы унесли с собой» (перевод Тимура Темирова и Анджелы Кудзоевой) [17, 288-289; 12, 221-222]. Песни о Дзадже тоже говорят, что в день битвы с кабардинцами меч сослужил ему верную службу. Не хотел Дзадже оставлять его врагам и сунул в ось колеса, чтобы сломать, но ничем его нельзя было сломать, тогда бросил он его далеко в бурьян. Но кабардинцы подожгли бурьян и нашли меч. Один из певцов утверждал, что впоследствии он нашел этот меч у кабардинца Татаркана Дохчукина и сумел передать Цаликовым как семейную реликвию [18, 136]. Это и другие осетинские предания перекликаются с древней степной легендой о находке утраченного меча Арея [12, 222-225, 228, 231, 234, 237].

Еще один обломок сабли с рукоятью зафиксирован этнографами в святилище Уастырджи в селе Ходз (верховья реки Большая Лиавха) [19, 149]. Возможно, она тоже была из метеоритного железа [11, 149, 152]. Жители Горной Санибы справляли праздник в честь Уастырджи возле святилища, построенного ими в память о жертвеннике их предков, который те некогда возвели в Алагирском ущелье на месте падения метеорита [19, 31; 10, 126; 11, 152]. Это уже обще-

ственные культы, сопоставимые с молением днепровских лощманов. Известно, помимо того, о святилищах *Syrğy dzwar* ('Святилище острия (меча, клинка) ') в селениях Ерман, Ольгинское и других, которые сопоставлялись со сведениями о поклонении мечу как символу бога войны Арея у скифов и алан [21, 567, 782; 13, 211; 19, 30-31; 10, 211; 11, 152]. Мечу отводилась основная космогоническая роль в обряде – оси мира, ствола, который напитается кровавым соком и восстановит разъединённые хаосом мировые зоны в одно целое – мировое древо, способное породить жизнь и дать ей благополучие [22, 282-283].

Нартовское моление богу острием клинка тоже увязывается с культом Арея [21, 596, 598, 651]. Старинные клинки, окружённые ореолом сакральности и наделявшиеся в представлении осетин чудесными свойствами, были предметом религиозного поклонения. Они чтились как грозные святыни, от которых зависело благосостояние и приумножение того или иного рода, и хранились в качестве памяти о легендарных прародителях, положивших начало семейству. То обстоятельство, что священные мечи не разрешалось видеть чужим, что их почитание имело фамильный характер, осуществлялось раз в году и возлагалось на посвящённого в тайну старшего из рода, находит своё полное соответствие на Украине, подтверждая мнение, что казачий культ холодного оружия имеет скифо-сарматские корни.

-
1. Залізник Леонід. Нариси стародавньої історії України. К., 1994.
 2. Фігурний Юрій. Історичні витоки українського лицарства. Нариси про зародження і розвиток козацької традиційної культури та національне військове мистецтво в українознавчому вимірі. К., 2004.
 3. Каляндрук Тарас. Загадки козацьких характерників. Львів, 2007.
 4. Маценко Павло. «Отаман»: (Фрагмент із спогадів про Олега Ольжича, що був членом Вільного Козацтва під псевдом «Лелека») // Українське козацтво. 1971. Ч. 3 (17).
 5. Мицик Ю. А., Плохій С. М., Стороженко І. С. Як козаки воювали: Історичні розповіді про запорізьких козаків. Дніпропетровськ, 1990.
 6. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Том II.

7. Пфаф [В. Б.] Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Том II.
8. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник / Составление, предисловие, примечания и комментарии Л. А. Чибирова. Владикавказ, 2006. Книга 6.
9. Кочиев К. К. Скифский Апес на Кавказе // *Eurasia Scythica. History, Culture & Languages of Ancient Iranian Nomads of Eurasia*. Paris – Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2006, vol. 1, № 1.
10. Туаллагов А. А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ, 2011.
11. Чибиров Л. А. Осетинская Нартиада: Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ, 2016.
12. Дарчиев А. В. Рождение громовержца. К интерпретации сообщения Приска о священном мече скифов // *Дарьял*. 2005. № 2.
13. Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин: (Традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали, 1985.
14. Гутнов Ф. Х. Осетинские фамилии. Владикавказ, 2012.
15. Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк // Юго-Осетия. Материалы по изучению Грузии. Труды Закавказской научной ассоциации. Тифлис, 1925. Вып. 1.
16. Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
17. Хуссар Ирыстоны фольклор. Сталинир, 1936.
18. Хамицаева Т. А. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
19. Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.
20. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нарттовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.
21. Гаглойти Ю. С. Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. I.
22. Цагараев Валерий. Золотая яблоня нарттов: история, мифология, искусство, семантика. Владикавказ, 2000.

Т. Т. ДАУЕВА,
кин, мнс СОИГСИ им. В. И. Аббаева
(г. Владикавказ)

МИРОТВОРЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ОСЕТИН

В статье впервые на материале осетинской сказочной прозы рассматривается институт медиации. С древнейших времен в жизни людей постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации, которые требовали третейского разрешения. Сказки содержат довольно много фактического материала об организации правосудия и способах примирения. Исследуются случаи использования традиционных методов миротворчества осетин. Анализ фольклорного материала демонстрирует особенности юридического быта народа в разные эпохи.

Ключевые слова и фразы: осетины, фольклор, сказка, медиация, конфликтные ситуации, миротворчество.

In the article for the first time on the material of the Ossetian fairy tale prose, the institution of mediation is considered. Since ancient times people's lives have been constantly controversial and conflict situations, which required an arbitration permit. Fairy tales contain quite a lot of factual material about the organization of justice and ways of reconciliation. The cases of using traditional methods of Ossetian peacekeeping are investigated. The analysis of folklore material demonstrates the peculiarities of the legal life of the people in different epochs.

Keywords and phrases: Ossetians, folklore, fairy tale, mediation, conflict situations, peacemaking.

В осетинском фольклоре существует множество источников, повествующих о перемирии и заключении мира между отдельными членами общества, членами семьи и т.д. Сказки, сказания, пословицы, поговорки рассказывают о формах примирения, некогда имевших место в юридической практике народа. В научной литературе исследованиям проблем права было уделено достаточно внимания, особенно в последнее время, когда наблюдается повышенное внимание к вопросам медиации. Как показывают исследования, на практике применение медиации во внесудебных, досудебных и судебных этапах разрешения конфликтных ситуаций встречаются разнообразные сложности психологического, ментального, и т.п.

характера. Для актуализации примирительных практик, а также для преодоления сложностей современной юридической практики могут помочь примеры из истории юридического быта народов мира.

В данной статье для анализа был выбран фольклорный источник, точнее осетинские сказки, в той или иной степени затрагивающие спорные ситуации и способы разрешения конфликтов. Конфликтные ситуации, встречающиеся в сказках, входят в них в основном в качестве эпизодов. Спорные ситуации мы находим в различных жанрах сказок – волшебных, бытовых, о животных. Так, например, неблагодарное животное хочет съесть своего спасителя (сказка «Бедняк, волк и лиса», «Благодарный человек»), спор между братьями за наследство отца и т.д.

В сказках конфликтующими сторонами могут выступать различные персонажи: главный герой и уаиг, животные, главный герой и божество.

Рассмотрев десятки сказок, содержащих конфликтные ситуации и медиацию, можно вывести некую схему сюжета:

1 возникновение конфликта между двумя (либо более) персонажами; причины спора могут быть различные: дележ наследства, возмещение убытков, виновность в преступлении;

2 появление судьи, который сам предлагает свои услуги, либо обращение к нему спорящихся;

3 рассмотрение дела и вынесение приговора.

Довольно редкое явление, чтобы перед вынесением приговора производилась судебное следствие. Как правило, судья выносит приговор на основе своей мудрости, либо хитрости.

Сюжетная линия в сказках обычно типична: между двумя персонажами возникает спор на какой-либо предмет. Возникает третье лицо, которое разрешает конфликт. Решение может быть справедливым или несправедливым, однако обе стороны, как правило, подчиняются решению, ввиду того, что «дают слово» безоговорочно подчиниться приговору судьи.

Довольно редко судья выносит безусловный приговор мотивированно. В этом случае мы видим действующую судебную практику осетин, в традиции которой не было обоснования вынесенного приговора [1, 215-218].

В большей части исследованных сказок судьей выступал один

человек. Обычно эта роль достается главному герою, который, странствуя по миру, встречает на пути одну или несколько спорных ситуаций и помогает конфликтующим разрешить их вопрос. Говорить о справедливости его решения иногда сложно, так как очень часто он использует какой-либо хитроумный прием, так как знает характер и другие особенности конфликтующих сторон. Задача разрешения – получение довольно хорошей платы, которая помогает ему достигнуть цели своего странствия. Так, например, в сказке «Сыновья правителя» странствующий главный герой встречает трех чертей, борющихся за имущество. Черти не могут между собой поделить три вещи, которые обладают волшебными свойствами – ковер-самолет; шапку-невидимку и веревку, превращающую тяжелые вещи в легкие. Главный герой вызывается их рассудить и находит решение данного спора – он пускает три стрелы и тот кто из чертей первым принесет стрелу, имеет право выбрать одну из трех вещей, второй пришедший выбирает из оставшихся двух предметов, третий пришедший довольствуется оставшимся предметом. В то время как черти разыскивали стрелы, главный герой воспользовался их имуществом в своих целях, а в конце сказки, вернул чертям, согласно условию дележа [2, 169-175].

В волшебных сказках часто судьей выступает Бог. В сказке между двумя светящимися шарами (Солнце и Луна – Т. Д.) кому из них освещать путь днем, а кому навевать на человека сон, разрешает Бог путем испытания [3, 260.]

В сказках часто конфликт между местными жителями и местным алдаром, либо уаигом разрешает главный герой сказки, путем убийства врага. В сказке «Близнецы» главный герой Будзи, отправляется на поиски своего брата. Странствуя по миру, он освобождает народ от тирана-алдара [2, 198.]

Довольно распространенный сюжет в осетинских сказках – спор между молодыми удальцами за руку красавицы-невесты. Здесь главному герою помогает колдунья, ведьма, которая учит его обойти все преграды и добиться своей цели. В сказках также отражаются реальные актуальные социальные проблемы, например, похищение девушек и высокий калым. В сказке «Бедная девушка и алдар» повествуется о красавице-сестре трех братьев, которую похитил алдар. Тщетно девушка пытается убежать, однако хитрость старухи

ей помогает достигнуть цели. Местью братьев за похищение сестры было разграбление имущества алдара и раздача его крестьянам [4, 12]. В «Сказке о молодом охотнике» отец-великан, не желая выдавать свою дочь замуж за главного героя, нашел выход – назначить такой высокий калым, который не смог бы заплатить жених [2, 157-168].

В некоторых случаях один персонаж может сочетать в себе две роли – тяжущейся стороны и судьи [5, 153]. Пример тому сказка «Откуда появился буйвол». Здесь конфликт между главным героем Министром, который пошел войной на Донбеттра. Донбеттр, проиграв войну, пытается откупиться от Министра, и выход находит сам Министр, который забирает буйвола из водного царства на сушу в качестве дани [6, 22-25].

Нельзя не отметить ряд сказок, в которых конфликтующие персонажи разрешают конфликт самостоятельно. Прекрасным примером этому служит сказка «Наказанная жадность» – волк пытается съесть телят, коня, затем козла. Однако животные с помощью своей хитрости разрешают спор самостоятельно [7]. Сказка «Два охотника» рассказывает о том, что два героя спорят об убитой туше оленя. Решение находят самостоятельно – тот, кто расскажет самую удивительную историю, которая произошла с ним, получает тушу [2, 206-207].

Характерно, что представленный в сказках институт примирения, отражает юридические аспекты, нравы и менталитет народа, создавшего произведение. В этом случае можно говорить о том, что фольклор показывает действительную судебную практику, имевшую место в разные исторические периоды.

-
1. Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1.
 2. Ирон адæмон аргъæуттæ. Т.1. Сталинир, 1959.
 3. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Т.6. Владикавказ, 2006.
 4. Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин // Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Владикавказ, 2013.
 5. Канукова З. В., Федосова Е. В. Этнокультурное пространство Северной Осетии. Владикавказ, 2011.

6. Дзлиева Д. М. Осетинские песни с припевом «Алай», связанные с почитанием покровителя домашнего очага Сафа // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2012. №1.

7. Багаев А. Б. Обычай дарения коней в свадебной обрядности осетин (период традиционного общества) // Современные проблемы науки и образования. 2014. Вып. №1.

8. Осетинские сказки / Сост. Г. З. Калоев. Орджоникидзе, 1974. 250 с.

9. Сокаева Д. В. Сказочная и несказочная проза осетин: реалии сакрального мира. Владикавказ, 2012.

**Р. П. КУЛУМБЕГОВ,
кин, снс ЮО НИИ
(г.Цхинвал)**

**ПРАЗДНЕСТВО «ГОЛИАТИ КУВД» В ДИГОРИИ
(к вопросу сбора материалов
по сакральным практикам)**

Статья посвящена особенностям сбора этнографического материала по сакральным практикам народа. Этот процесс связан со строгой регламентацией, табуированностью сакрального, требует от исследователя особого подхода, следования определенным правилам, осторожного обращения с сакральным наследием. Как показывает практика, в сфере изучения семейной обрядности женщина-исследователь имеет значительные преимущества, так как круг ее информантов, по большей части охватывает женскую часть общества. Хотя есть сегмент, куда доступ женщине-исследователю ограничен, например, исследования, связанные с изучением «мужских» сакральных культов. Отмечается фактор «своих» и «чужих» исследователей при работе в полевых условиях. При этом исследователи, изучающие сакральные знания в «своей» среде, имеют ряд преимуществ перед остальными специалистами-коллегами. Специалист, изучающий культуру своего народа, всегда воспринимается в качестве «своего» члена общества во всех местах его расселения по праву единого этнического происхождения. Существует, в свою очередь, убеждение «чужих» ученых: будто не «свои» исследователи субъективно воспринимают реальность не «своего» поля и поэтому могут делать ошибочные научные выводы.

Ключевые слова: Голиати кувд, обряд, сакральные знания, табу, этнология, информант, Стур-Дигора.

The article is devoted to peculiarities of ethnographic material collection on the sacred practices of the people. This process is associated with strict regulations, taboo of the sacred and requires special approach from a researcher as well as following certain rules and careful treatment of the sacred heritage. As practice shows in the field of studying family rituals, a woman-researcher has significant advantages as the circle of her informants covers mostly the female part of society. However, there is a segment where access for a female researcher is limited, for example, studies related to «male» sacral cults. A factor of «our» and «outside» researchers is noted while working in the field. At the same time, the researchers studying sacral knowledge in «their own» environment have a number of advantages over other expert-colleagues. At that a specialist who studies the culture of his people is always perceived as «own» member of society in all places of its settlement by the right of common ethnic origin.

There is in its turn conviction of «foreign» scientists that allegedly «own» researchers subjectively perceive the reality of their «own» field and therefore can make erroneous scientific conclusions.

Key words: *Goliati kuvd, ritual, sacral knowledge, taboo, ethnology, informant, Stur-Digora.*

Перед молодыми учеными – этнологами и фольклористами – в процессе работы в поле встает немало проблем: от поиска информантов до сложностей с размещением на ночлег. Умение найти в незнакомой среде и кров и стол и интересного собеседника является необходимым навыком работы в полевых условиях [4,135]. Но даже если все квартирные вопросы будут решены, и исследователь приступит к сбору материала в информационно-насыщенной среде, возникают свои особенности. И, прежде всего, в работе с информантами: на первое место выходит вопрос доверия человека к исследователю. Эту сторону общения с источником необходимо особенно учитывать во время сбора информации по сакральным практикам.

Религиозная сфера бытования всегда оставалась наиболее табуированной темой. Понятно, что раскрывать содержание того или иного сакрального действия для исследователя информант вряд ли будет готов сразу. Надо понимать, что для жителя села, особенно людей старшего возраста, отличающихся консерватизмом, любой этнограф или собиратель фольклора – люди чужие. Одно дело приютить гостя, накормить, напоить и предоставить ночлег, другое – раскрывать перед ним сведения, которые табуируются порой и в самой среде проживания информанта.

В ответ на вашу настойчивость человек может рассказать о том или ином обряде, но не ждите от него откровений. Предоставленные им сведения, скорее всего, будут носить общий, описательный характер. И едва ли у молодого исследователя, еще не вооруженного тонкостями психологии общения с людьми, получится «разговорить» убеленного сединами старика или почтенную мать семейства. Здесь помогает либо опыт, либо удача. Иногда в отдельности, иногда в совокупности.

Чтобы быть предметным, приведу пример из личного опыта, когда мне во время этнографической экспедиции в Дигории (1995 г.) удалось записать празднество «Голиати кувд» – обрядовое действо, связанное с вызыванием дождя в период засухи.

В Стур-Дигорском ущелье в этом празднестве аграрного культа участвовали как мужчины, так и женщины. В июле, во второй понедельник месяца, жители собирались на этот праздник. Причем мужчины праздновали отдельно в небольшом лесу, поэтому называли празднество «Баласи кувд» (букв. «пиршество дерева»), а женщины собирались в местности Голиат, и празднество именовали «Голиати кувд». А так все действо проводилось в честь «Елиа» (св.Ильи-громовержца).

Существует подробное описание этого праздника, приведем лишь наиболее характерный фрагмент из связанных с ним обрядовых действий [5,161].

На поляну Голиат женщины приходили с деревянными корытами (*арынгтæ*), в которых было по три пирога от каждой семьи. Все одевались в новую одежду, участники празднества должны были быть в фартуках и платках.

Во главе стола сидела обычно старшая по возрасту или искушенная в тостах и этикете женщина (*хестар уоса*). В своих тостах она обращалась к Елиа с молитвой.

После окончания застолья наступало время для ритуальных действий. Старшая женщина брала шкуру жертвенного животного и опускала ее в воду проходящей рядом с поляной речки. Достав из воды мокрую шкуру, она обрызгивала ею всех участников ритуала. При этом женщины должны были веселиться, что с учетом прошедшего застолья и прохладного душа при летней жаре не было проблемой.

Когда все участники празднества оказывались в достаточной мере мокрыми, наступало время другого ритуала. Женщины становились в круг, кроме двух старших по возрасту. Одна из последних представляла распорядителей нынешнего года, другая – года следующего. Обе стояли в центре круга напротив друг друга. Первая женщина складывала передник в продолговатую форму и, потрясая этой матерчатой конструкцией, надвигалась на другую женщину, выкрикивая: «Топп, топп дам фæцæуи!» (букв. «фаллос к тебе идет»). Другая женщина должна была от нее убегать с криком: «Нæй, нæй, нæ ма гъауи!» («нет, нет, не хочу!»). При этом остальные участницы ритуала, веселясь от такого уморительного действия двух старушек, кричали: «Рандæй, рандай!» (иди, иди!). Спустя мгновение, старушка с передником уже гналась и за другими участницами обряда.

Вдоволь набегавшись, женщины выстраивались в процессию по старшинству и спускались к речке. При этом впереди снова шла женщина с собранным в форме фаллоса передником. Потрясая этой конструкцией, она выкрикивала: «О-ра-ри Елиа! Сæууон æртах хуми уа! Сæууон æгъзæл хорхе уа!» – «О-ра-ри Елиа!» – «О-ра-ри Елиа! Утром да будет на полях роса! Утром да будет зерно ячменя! О-ра-ри Елиа!».

Остальные женщины шли за ней и колотили в деревянные миски специальными палками из орешника, заготавливаемые для них мальчиками. Палочки должны были быть одинакового размера и определенной конфигурации, с небольшим сучком. При этом сам прутик олицетворял фаллос, а сучок – мужские текстикулы. Подойдя к реке, все набирали в миски воду и начинали обливать ею друг друга. При этом считалось полезным для дела не только веселиться, но и сопровождать все это действие громкими комментариями, имеющими непристойное содержание.

Обливание водой является важным элементом магических действий. Таким образом женщины дают понять высшим силам, что они конкретно испрашивают. В подобных действиях ритуал обычно завершается зримой реализацией желаемого в миниатюре – разбрызгиванием воды.

Вдоволь накричавшись и повеселившись, женская процессия спускалась к месту, где справляли празднество мужчины. Здесь, на ближайшей поляне, две процессии (мужчины и женщины) встречались и устраивали танцы.

Придя домой, женщины ставили палочки за дверь и хранили до нового года, а после сжигали их в очаге.

Таково в кратком изложении содержание древнего празднества. Полагаю, то, что мне удалось записать эротическую часть обряда, стало моей маленькой удачей. Дело в том, что на протяжении целого месяца пребывания в Стур-Дигорском ущелье информанты неоднократно упоминали о бытовании праздника «Голиати кувд», но его описание давалось всегда схематически: обряд организовывался для вызывания дождя – в нем участвовали одни женщины – все ограничивалось небольшим застольем с молитвами. При этом в разговоре с свидетелями обрядового действия, а это были преимущественно женщины в возрасте, было ощущение, что они многого

не договаривают. Это ощущение стало для меня поводом проявлять настойчивость раз за разом. При каждом новом разговоре с очередным информантом по этой теме проявлялись дополнительные сведения. Но картина все еще не была полной. В данной конкретной ситуации сложности сбора сведений о женском празднике «Голиати кувд» были связаны с тем, что вопросы задавал мужчина. Понятно, что было напрасно надеяться на откровенность, ведь подобная тема является закрытой даже для этнолога-женщины, по причине особенности культовой практики любого народа, характеризующейся большой скрытностью для исследователей и вообще посторонних глаз [7,69].

Надо понимать, что в тот год я еще был молодым юношей, и мой возраст отнюдь не располагал к тому, чтобы почтенные матроны были со мной откровенны в предоставлении информации откровенно эротического содержания.

Мои сведения о «Голиаты кувд» так и остались бы схематическими, если бы не случай. В селении Стур-Дигора он-то мне и представился. Наша небольшая группа молодых этнографов пришла в дом почтенной местной жительницы, где каждый из нас провел запись интересующего его круга сведений. После того, как мы закончили работать с информантом, последовало застолье. При этом угощение выставлялось обязательно, несмотря на протесты участников этнографической экспедиции. Надо понимать, что за день мы обходили дома нескольких информантов, и в каждом устраивалось угощение, что выдержать было непросто. Отметим в этой связи, что умение стойко переносить застолье является одним из обязательных навыков этнолога и фольклориста, в противном случае ученого может ожидать участь Шурика из кинофильма «Кавказская пленница».

Однако в этот раз я не пожалел, что все «продолжилось банкетом». Дело в том, что присутствовавшая за столом дочь хозяйки дома, Разиат, в течение дружеского общения за столом стала необычайно разговорчивой. Но главное то, что она рассказала о деталях праздника «Голиати кувд», в котором принимала действенное участие. При этом детали были настолько откровенны, что вызвали возмущение матери, которая в это время находилась в соседней комнате и безуспешно пыталась оттуда приструнить свою словоох-

отливую дочь. Но эти увещевания удавалось нивелировать, и таким образом я стал обладателем этнологического эксклюзива.

Как показывает практика, в сфере изучения семейной обрядности женщина-исследователь имеет значительные преимущества, так как круг ее информантов, по большей части, охватывает женскую часть общества. Хотя есть сегмент, куда доступ женщине-исследователю ограничен. Например, тема, связанная с изучением «мужских» сакральных культов. Так, ни одна осетинка не зайдет в святилище Уастырджи, да и представительницы других народов в этом ограничены. На моей памяти в той же Дигории старики буквально преградили собой вход в святилище Уасгерги (Уастырджи), когда две девушки-этнографы из Тбилиси попытались туда пройти.

В этой связи хотелось бы отметить фактор «своих» и «чужих» исследователей при полевой работе. В современной гуманитарной науке принято считать, что исследователи, изучающие сакральные знания в «своей» среде, имеют ряд преимуществ перед остальными специалистами-коллегами [1,533]. И это объективное наблюдение!

При этом специалист, изучающий культуру своего народа, всегда воспринимается в качестве «своего» члена общества во всех местах его расселения по праву единого этнического происхождения [12,29].

Действительно, характеристика «свой» для осетинского исследователя, занимающегося изучением сакрального знания в родном локальном коллективе, особенно значима, поскольку он с рождения причисляется к части этого общества, и его общение в кругу «своих» имеет доверительный характер.

Это создает необходимый психологический климат во время исследовательской работы, не требуя от него специальной (иной) модели поведения [11,10].

Вместе с тем, говоря об исходной связи с основами традиционной культуры, не имеются в виду знания, обретенные путем обучения: эти знания (языка/диалекта, фольклора, этикета) необычайно важны для любого исследователя, однако они не могут заменить то, что приобретается с воспитанием в обществе традиционной культуры [6,85].

Понятно, что «чужой» исследователь может столкнуться с определенной закрытостью в среде иноязычного социума. Здесь при-

чиной отказа может быть страх (советское наследие) передать сведения ученым из материковой России («мало ли что потом случится...») или скромная оценка людьми их собственных знаний. Однако возможна и более глубокая причина, связанная с пониманием сакрального в обществе. Сакральное в коллективном восприятии – это область знания, которая табуирована для посторонних, поэтому границы его должны сохраниться в неприкосновенности для сохранения и поддержания социального единства. Все подобные переживания и представления людей – хранителей сакрального знания вместе или отдельно – зачастую определяют их «закрытую» линию поведения.

Все это, наряду с запретом рассказывать посторонним о сакральной сфере культуры, а также невладение исследователями (порой вообще далекими от традиционной культуры по своему воспитанию) языком изучаемого этноса, приводили зачастую к поверхностным выводам и суждениям относительно традиционных верований [2,32].

Существует, в свою очередь, убеждение «чужих» ученых: будто не «свои» исследователи субъективно воспринимают реальность не «своего» поля и поэтому могут делать ошибочные научные выводы. В противовес им «свои» исследователи обвиняют «чужих» в непонимании материала и неверном его толковании.

Каждая из этих позиций имеет под собой основание. В советское время сакральная тема считалась архаикой, мало связанной с широким бытованием в повседневной жизни общества. Сегодня многие стороны традиционной религиозной жизни в Осетии становятся частью реальности. И здесь кроется опасность для молодого исследователя: ведь стоит нам отнестись к изучаемым феноменам и людям, разделяющим эти взгляды, не просто с глубоким уважением, но как к действительно священным, так тут же мы оказываемся по другую сторону невидимой границы, разделяющей научные и религиозные воззрения, и сами оказываемся носителями религиозных верований [9,37-38].

Интерпретация культуры и стремление познать внутренние смыслы ее категорий, особенно в области сакрального, требуют от ученых не только специальных научно-методических разработок, но и способности вести диалог в этнографическом поле с теми, чью

культуру они изучают [10,20;3]. Действительно, исследователю необходимо порой быть и тонким психологом, чтобы создать положительный фон общения с информантами [4,135].

Следует отметить, что важную роль при налаживании контактов на первой стадии знакомства в ином локальном коллективе играют родственные связи или помощь знакомых и коллег, проживающих либо работающих на этой территории, т.е. быть представленным кем-то бывает лучше, чем самим представлять себя. Это повышает степень доверия со стороны информанта.

Говоря же в целом о специфике работы исследователей в этнографическом поле, о личных качествах, которые им необходимы, сошлемся на мнение известного сибиреоведа З.П. Соколовой: «Не имеет значения, какой национальности ученый. Главное, чтобы он был хорошо подготовленным, знал все, что до него написали, владел методикой исследования, умел собирать материалы, интерпретировать и обобщать их, любил и уважал тот народ, культуру которого он изучает, был предан и ему, и науке, которой он посвятил жизнь» [8,59]. Лучшего наставления для молодого ученого и не придумаешь.

1. Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект, 1996.

2. Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре казымских хантов (проблемы записи и интерпретации сакральных сведений)// Этнографическое обозрение № 3, 2010.

3. Канукова З.В. Этнографическая практика. программа и методические указания// Кавказский сборник Ответственные редакторы: В.В. Дегоев, В.А. Захаров. Москва, 2007. С. 361-393.

4. Кулумбеков Р.П. Этнография как интересный опыт фиксации старины //Южная Осетия: от прошлого к настоящему. Цхинвал: Республика, 2017.

5. Кулумбеков Р.П. «Уацилла» как сакральный символ земледелия Осетии// Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. №17, 2017.

6. Пушкарева Е.Т. «Свой среди своих»: Проблемы работы этно-

графов и фольклористов в своей традиционной среде» // Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов. Материалы международного междисциплинарного научно-практического семинара-конференции. Москва – Республика Алтай: 6-15 июля 2003 г. М: ИЭА РАН, 2004.

7. Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.

8. Соколова З.П. «Нашу культуру мы изучим сами»: Проблемы контактов и научной работы с иноэтничными коллегами // Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов: Матер. международного. междисциплинарного научно-практического семинара-конференции. Москва – Республика Алтай: 6-15 июля 2003 г. М., 2004.

9. Соколовский С.А. Антропологические модели священного и мирского у Э. Дюркгейма и М. Элиаде // «Сакральное...». Материалы междунар. междисциплинарного науч.-практ. семинара-конф.

10. Харитонов В.И. Исследование сакрального в традиционной культуре: прикосновение к непостижимому или постижение неизвестного? // «Сакральное...». Материалы междунар. междисциплинарного науч.-практ. семинара-конф.

11. Харитонов В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. № 3, 2010.

12. Шагланова О.А. Диалог «своих» и «чужих» в этнографическом поле // Этнографическое обозрение, № 3, 2010.

Б. А. БИТИЕВ,
 аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
 (г. Владикавказ)

БАХФÆЛДИСÆН – ПОСВЯЩЕНИЕ КОНЯ ПОКОЙНИКУ У ОСЕТИН

В данной статье автор описывает старинный обряд – посвящения коня покойнику у осетин. Обряд посвящения коня рассматривается через призму этнографических зарисовок М. С. Туганова, которые рассматриваются как «тексты» прошлых эпох, позволяющие делать заключения о тех или иных сторонах и деталях духовной или материальной жизни этих эпох, о тех или иных деталях быта. Обряд посвящения коня покойнику демонстрирует скифо-сармато-алано-осетинские параллели в культовой практике..

Ключевые слова: осетины; конь; похоронные обряды; посвящение коня покойнику; посвяtitель; Махарбек Сафарович Туганов; этнографические зарисовки.

In this article, the author describes an ancient rite of initiation-horse decedent Ossetians. Rite of passage horse is seen through the lens of ethnographic sketches of M.s. his career steps, which are referred to as the «texts» of past eras to make conclusions about those or other sides and details of spiritual or physical life of these eras, about other details of everyday life. Rite of passage horse decedent demonstrates the Scythian-Sarmatian Alans Ossetian parallels in cult practice

Keywords: Ossetians; horse; burial rites; the initiation of the dead horse; bestower; Maharbek Safarovich Tuganov; ethnographic sketches.

В быту любого народа наиболее консервативными являются погребальные обряды. Но с течением времени обрядовая жизнь упрощается, какие-то ее элементы предаются забвению.

Так, например, раньше одним из самых важных погребальных обрядов у осетин являлся обряд посвящения коня покойнику (бахфæлдисæн), который ушел из обрядовой культуры осетин около столетия тому назад.

Однако мы можем судить о данном обряде по письменным источникам -многочисленным сохранившимся описаниям миссионеров и путешественников, побывавших в Осетии. Некоторые сведения сохранились в памяти информантов, включенных в этнографические исследования. Однако наряду с традиционными источниками,

в данном случае весьма репрезентативным оказался визуальный источник – зарисовка М.С. Туганова «Посвящение коня покойнику». На данной иллюстрации в мельчайших подробностях показано, как проводился данный обряд.

Обряд посвящения коня – заключительный погребальный обряд на кладбище, указывающий на преемственность осетинской культуры от скифо-сарматской. В недавнем прошлом посвящение коня было неотъемлемым элементом погребального обряда мужчин-осетин. В ряде мест Южной Осетии обряд посвящения коня совершался и при погребении женщин, пользовавшихся авторитетом в обществе. В этом прослеживается аналогия со скифскими обрядами, у которых, как известно по данным археологии, встречаются захоронения с конем не только в мужских, но и в некоторых знатных женских могилах.

Впервые обряд посвящения коня был зафиксирован у осетин русским миссионером из Осетинской духовной комиссии протопопом Болгарским, проводившим крещение горцев во второй половине XVIII в. в горах Осетии. В дальнейшем обряд мало изменился по сравнению с тем, как он описан был Болгарским, который, заметил, что при посвящении «у лошади отрезали ухо в знак того, что она и на том свете будет ему служить» [1, 1-2].

Обряд посвящения коня изображен на многих надмогильных камнях и на стенах древних усыпальниц. Так, изображение старика-посвятителя с посвящаемым конем мы видим на надгробном камне XVI в. [2, 128].

Обряд был воспроизведен в художественной форме основоположником осетинской литературы Коста Хетагуровым в стихотворении «Уæлмæрдты» («На кладбище»), хорошо знавшем обычаи своего народа; подробно описан В. Ф. Миллером, Ж. Дюмезилем и другими исследователями обычаев и традиций осетинского народа.

Данный обряд описан также местными исследователями на осетинском языке, которые приводят следующую информацию: «Бæх раздæр сцæттæ кæнынц фæлдисынæн: сывæрынц ыл саргъ, ехс, æртыкъахыг сахсæн, нымæт. Йæ барцыл æмæ йын йæ ныхыл бакæнынц басылыхъ, сырх æмæ цъæх хæцъылтæ, барц æмæ къæдзил дзыккубыд скæнынц. Бамбæрзынц æй сау кæрдæнæй, кæннот та – уæлæдарæн нымæтæй. Афтæ рæвдзæй бæхы акæнынц уæлмæрдтæм, акæны йæ – æрыгон лæппу... Бæхы æрлæууын кæнынц мардæн йæ къæхты æрдыгæй, галиуырдыгæй. Бæхфæлдисæг – зæронд лæг райсы идон æмæ йæ марды къухмæ бахæццæ кæны, стæй йæ суæгъд кæны æмæ йæ фæстæмæ лæппумæ ратты. Бæхыл вæййы торба хоримæ, цæмæй ма тæрса æмæ æнцад хæра, уый тыххæй». «Лошадь вначале подготавливают для посвящения: кладут седло, кнут, треногие путы, бурку. На гриву и на лоб надевают башлык, красные и синие лоскутки, гриву и хвост – заплетают. Накрывают ее (лошадь) черным отрезом или буркой. В таком виде лошадь отводят на кладбище, а отводит ее – молодой парень. Коня останавливают у ног покойника, с левой стороны. Посвятитель-старик, берет уздечку и доносит до рук покойника, потом отпускает и отдает обратно парню. На лошади бывает торба с зерном, чтоб конь не пугался и ел» [3, 298].

«Фæлдыст бæх хъуамæ йæ хицауы фæхæццæ кæна йæ уæларвон дунемæ, ахиза цыфæнды цæлхдурты сæрты... Фæлдыст бæхы хъус кодтой уыгард (надрез), стæй йæ цармæй цыд чъепс лыггонд. Уæд зæххоныл нымæд нал уыд». «Посвященный конь становился проводником своего хозяина в верхний мир, поэтому должен пройти через любое испытание... У посвященного коня надрезали мочку уха и надрезали кожу. После конь уже не считался земным» [4, 154-155].

Обряд поручалось вести старику, известному за пределами села и ущелья красноречием, а также хорошо знавшему посвятельную речь» [5, 384].

Бæхфæлдисæг (посвятитель) обращался к толпе со словами: «Да будет эта лошадь жертвою этого покойника («Ацы бæх мардæн фæлдыст фæуæд»). Затем, взяв узды в руки, он произносит посвятельную речь. Приведем ниже один из вариантов посвятельной речи, записанный А. М. Шегреном.

«Господь Бог! Сегодня помер хороший человек; он был хороший человек, такой, какому подобный есть только на небесах; теперь все присутствующие по нем плачут; он был хороший человек, хлебосол, его любили, и он всех примирял, с ним святой Георгий сделал присягу на братскую дружбу, как нарт Ахсартаковой фамилии, зарватик (ласточка), и он, только что ему об этом сказали, тотчас поскакал известить св. Георгия. В это время все святые и ангелы были на угощении одного святого Курдалагона (медника), который, сварив большой котел пива, пригласил их к себе: и им прислуживал и подавал пиво св. Георгий; вдруг прилетает зарватик и, сев на правое плечо Георгию, сказал ему: твой друг помер! И ему надо теперь лошадь, ружье, шашка и пистолет. Георгий задумался и говорит святым: у меня на земле помер один приятель, мне надо ему достать лошадь, ружье, шашку и пистолет, и поэтому я ухожу от вас; а святые не пустили Георгия, и обещали найти ему все для его приятеля. Св. Илья дал тотчас ружье, которое никогда не дает промаха; Курдалагон подарил такую шашку, что ее можно согнуть, как обруч. Сын Солнца, Магомет, подарил седло со всем прибором; сын Луны Хаматкан подарил потники и серебряную уздечку. Георгий собрал все вещи и послал зарватика в Турцию выбрать лучшего, какой только есть там, коня. Зарватик полетел туда, но для такого знаменитого покойника не смог сыскать лошади. Тогда полетел он в Нарт, где жил один человек, Чесана, у которого был первый в свете завод. Чесана и дал для Георгия свою лошадь-авсургъ, главу лошадей. Зарватик привез эту лошадь, и, так как святые не пустили св. Георгия, то он и послал все подарки покойному через зарватика. А когда тот прилетел в землю и привез подарки, то все кругом стоящие благословили покойного и пожелали ему счастливого пути на землю Нартов – святое место, куда пошли все предки всех народов.

Покойник простился со всеми: взял лошадь и поскакал в Нарт, не доезжая реки, его встретили караульные, которые не пускали его далее, но он подарил им чурек, и тогда они его пустили. И потом приехал он к реке, через которую было положено одно бревно, вместо моста, а впереди моста стоял Аминон (указатель), который не пускал его через мост и стал расспрашивать покойного. Аминон знал его хорошо, только хотел узнать, правду ли будет говорить ему покойник или солжет, если скажет правду, то отрекомендует его в Нарт и пустит туда, если солжет, то будет бить по губам веником, намазанным кровью. Вот и спросил его Аминон: что он видел и делал хорошего на свете? И покойник все рассказал, ничего не преувеличивая; и как Аминон видел, что он говорит правду, то и позволил ему переехать через мост и дал ему записку проводящего, чтоб отвели его в землю Нартов, а других, кто солжет, он отправляет в ад. Покойник только получил позволение, тотчас подъехал прямо на мост, который так и шатался под ним и, кажется, так и проваливался, но, так как покойник был хороший человек и ехал смело, то мост все делался шире и крепче, и вышел большой хороший мост. Только что переехал он на другой берег и видит: стоят несколько женщин, все в трауре, спереди их собаки, сзади ишаки, и звери эти терзали женщин. И спрашивает проводника, что это значит? А проводник отвечал: эти женщины наказаны за прелюбодеяние на том свете, когда мужья их умерли, они надели траур, а сами исподтишка принимали любовников; теперь же они наказаны тем, что имеют вечно любовниками собак и ишаков, и поставлены на дороге, чтоб их все видели. Покойник проклял женщин и поехал дальше; и видит он: лежат на бычьей коже муж и жена, покрыты они бычьей кожей и ссорятся они друг с другом и тянут один у другого кожу, говоря, что им нечем покрыться. Спрашивает он у проводника, что это значит, что они дерутся. И проводник отвечает ему: они не любили друг друга на том свете, и здесь ссорятся, и им все мало. Потом видит он: лежит человек с женой на заячьей коже, покрываются заячьей кожей, и не только довольны им этих кож, но еще они укутывают друг друга; спрашивает он у проводника, что это значит, как они помещаются на заячьей коже? И проводник отвечает: они любили друг друга на том свете, и здесь тоже любят, и оттого им довольно. Потом, отъехав дальше, видит он, человек сидит за столом изо льда на стуле изо льда и ест

лед. И спрашивает он проводника, что это значит? И провожатый отвечает: он был судьей на том свете и не держался правды в суде, а напротив – помогал сильным и богатым, притеснял бедных и беззащитных и за это наказан был вечно, есть один только лед. Отъехали еще дальше, видит он: сидит человек за серебряным столом, сакля у него вся из солнца, потолок весь из звезд, и в сакле у него курится фимиам и всего вдоволь у этого человека. Спрашивает он у провожатого; за что этот человек проводит в таком удовольствии время? А провожатый ему отвечает: он оттого теперь так счастлив, что на том свете был хороший судья, поступал всегда справедливо и помогал бедным, и оттого награжден в земле Нартов.

Наконец видит покойник: стоит человек, у которого бык гложет усы, спрашивает он у провожатого, что это значит? И провожатый ему отвечает: оттого бык у него теперь гложет усы, что на том свете он кормил только своего быка, а чужому ничего не давал; а за это чужой бык у него ест усы.

Проехав этого человека... – они остановились у того места, где расходятся три дороги; одна наверх – к святым на небо, другая – в преисподнюю к злым духам, средняя – прямо к нартам. Аминон приказал отвезти покойника к нартам, туда они и поехали по средней дороге; подъезжают и видят, что нарты все сидят в кружке и только что завидели покойника, встали перед ним, а Барастыр (хозяин рая) вышел вперед и пригласил его занять в кружке первое место, говоря: ты был умный и хороший человек, мы тебя знали и почитали, садись на первое место и распоряжайся у нас всем; однако покойник отказался от первого места, тогда Барастыр сказал: если ты не хочешь первое место и распоряжаться всем, так садись на последнее и прислуживай нам, но покойник от этого места отказался, сказав нартам: я и на том свете долго прислуживал всем, и занимал последнее место, тогда посадили его в середину кружка, и он остался так посредине рая».

В речи посвятителю-бæхфæлдисæг упоминаются возможные варианты попадания покойника в Страну мертвых. Дорога в рай идет через ад. При этом покойник должен идти через новый мост из тонкого стеклянного волоса, над страшною бездной, в которой видно пламенное море и вьющиеся огненные змеи вокруг человеческих тел.

Между тем покойник должен постараться искусно пройти по мосту и не попасть в это страшное огненное озеро. Приблизившись к дверям рая, которые сделаны из золота и драгоценных камней, покойник должен соскочить с коня, после чего его принимают стражники и открывают двери рая.

В плачах женщин и в молитвах старших высказывалось пожелание, чтоб покойник попал в рай (дзæнæты фæбад), который представляется им садом с зелеными лужайками, где умершие вместе с ранее ушедшими в тот мир членами семьи проводят свое время беззаботно, счастливо, с прекрасной пищей и т.д. [6, 258-261].

Старик произносил молитву с помощью рога с аракой или сакральным пивом. Закончив говорить, посвяtitель окроплял напитком сначала голову коня, затем покойника, после чего разбивал чашу о подкову правой передней ноги посвяtitенной лошади. После этого брал горсть земли и клал на грудь покойника со словами: «Будь светел! Пусть будут с тобой и конь, и земля, и могила. Теперь подходите родные и близкие, друзья покойника проливать слезы! Оплакивайте его!» («Рухсаг у! Хæлар дын уæд дæ бæх дæр, дæ сыджыт дæр, дæ ингæн дæр, гъе ныр æм æрбацæут йæ лымæнтæ, хæларттæ æмæ йыл уæ цæстысыг æркалут!»). Коня трижды обводили вокруг гроба в сопровождении вдовы и близких родственников, не перестававших оплакивать усопшего. После этого у животного отрезали кончик правого уха (варианты: делали надрез на ухе; касались острием ножа уха) отрезали прядь волос из гривы и челки – в знак того, что он и на том свете будет служить покойнику (вариант: по указанным приметам покойник узнает своего коня на том свете). Посвяtitенный конь оставался обычно в доме покойного навсегда, причем в течение года он использовался только для верховой езды. Считалось большим грехом продавать его. Конь посвяtitался единожды, чтобы в загробном мире избежать двух претендентов на него.

Посвяtitали обычно самого лучшего коня (верхового), имевшегося в его семье. Но если семья не располагала конем, то его покупали на стороне или дарили для данной цели родственники или друзья покойного. По-особому убрать, нарядить коня было обязанностью старшего родственника.

Одновременно с обрядом посвяtitения коня совершался обряд отрезания косы у вдовы. Ритуал заключался в том, что родственни-

цы отрезали косу вдове и клали ее под голову покойника (варианты: отрезали только кончик косы и клали под голову покойника вместе с кончиком уха коня или волосами из его челки) со словами: «Пусть пребудет с тобой и твоя жена» («хæлар дын уæд дæ ус»). В далеком прошлом отрезанную косу клали на грудь покойника: «...вдова подходит к покойнику и, взяв с груди его отрезанную косу свою, вручает ее посвятителю- бæхфæлдисæг-у со словами: «Вот плеть для покойника». Приняв косу и слегка ударив ею трижды коня со словами: «...да принадлежите вы оба ему одному», он отдает ее вдове, а она опять кладет ее на грудь мужа» («фæлдыст ын фæут уæ дыууæ дæр»).

Данный обычай является пережитком скифского обычая посвящения жены умершему мужу, описанный Геродотом.

Длительная история коневодства у осетин и их предков (алан, сармат и скифов), которые большую часть своего существования вели кочевой образ жизни, и, следовательно, сложившийся у них сложный комплекс воззрений о коне как о носителе высокого семитического статуса способствовали сохранению былого культа коня в традиционном быту осетин. Именно в этом обряде наиболее ярко раскрывается глубокая связь коня как древнейшего средства передвижения и древних религиозных представлений, связанных с ним. Ведь посвященный конь (фæлдыст бæх) должен помочь человеку найти путь в небесную обитель и преодолеть трудности [8, 250].

Речь посвяителя о том, что мертвец на своем коне проскачет невредимо через мост, отделяющий рай от ада, не оставляет сомнения, что некогда у осетин и их предков (сарматов и скифов) осуществлялась прямая передача лошади покойному, путем заклания ее на могиле, то есть обряд посвящения коня покойнику является трансформацией древнего ритуала конского жертвоприношения. Значение коня состояло в наделении его особой силой, мистической способностью обеспечить своего хозяина энергией для воскрешения на том свете. Предназначенный в жертву конь нагружался дарами, его сопровождала предварительная жертва. У индоариев – это был многоцветный козел, у осетин – баран, зарезанный в день погребения. В ведийском обряде празднично убраный конь трижды обводился вокруг жертвенного столба, играющего роль мировой оси. У осетин конь трижды обводился вокруг могилы, также моделирующей некий центр. Ритуал сопровождался сакральной речью.

Индоарии жертву закалывали, а сбрую и золотые вещи укладывали на верхнее покрывало коня, так как жертвоприношение полагалось только лицам высших социальных слоев. В осетинском ритуале заклание заменено надрезанием уха коня и скачками до испарины.

Отголоски обряда посвящения коня не раз отмечались у тех народов Кавказа, Средней Азии и Сибири, в этногенезе которых принимали участие скифы, сарматы и аланы [9, 219].

-
1. Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин. М., 1964.
 2. Миллер В. Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках// Материалы по археологии Кавказа. Ч. III. М., 1888.
 3. Хъайттаты С. Бæхфæлдисæны тыххæй // Ирон хабæрттæ, Дзæуджыхъæу 1998.
 4. Тменаты Дз. Марды æгъдæуттимæ баст уырнæнтæ æмæ мæнгуырнæнтæ// Мах дуг. №4. 2007.
 5. Осетины. Ответственные редакторы З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. М., 2015.
 6. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.
 7. Калоев Б. А. Осетины. Орджоникидзе, 1971.
 8. Уарзиати В. С. Избранные труды. Кн. Кн.1. Владикавказ, 2007.
 9. Рахно К. Ю. Посвящение коня в погребальном обряде осетин// Материалы Международной научной конференции «Россия и Кавказ», Владикавказ, 2010.
 10. Бесолова Е. Б. Язык и обряд «Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.

С. О. КУДЗИЕВА,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ХТЕНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОЛНЕЧНЫХ БОЖЕСТВ

В статье проводится сравнительный анализ хтонических черт, проявляющихся в солярной индоевропейской мифологии.

Ключевые слова: солярная мифология; хтонические существа.

In this article, a comparative analysis of the chthonic features manifested in solar Indo-European mythology is carried out.

Keywords: solar mythology; chthonic creatures.

Актуальность ареальных исследований осетинской Нартиады в контексте мифологических представлений народов индоевропейского круга предопределена двумя важнейшими обстоятельствами. Во-первых, устное народное творчество, как культурный код нации и творческая биография этноса всегда было благодатным исследовательским источником для многих гуманитарных наук. Во-вторых, изыскания в области мифопоэтического творчества могут послужить уточнению многих факторов этногенеза и этнической истории народа, выявлению особенностей менталитета изучаемого населения, его психологического склада, перспектив социокультурных взаимодействий различных народов и мн. др.

Распространенным сюжетом мифов, связанных с солнцем, является визит солнечного бога в подземный мир, то есть проявление хтонических черт этих героев.

В цикле сказаний Сослан / Созырыко в Стране мертвых говорится о том, что в одном из своих походов нарт Сослан, погнавшись за оленем, забрел в дом к семи великанам, и они засватали за него свою воспитанницу – дочь Солнца. Для того, чтобы жениться на ней, Сослану нужно было добыть из подземного мира лист Аза (н) – дерева. Чтобы совершить этот подвиг он обратиться за помощью к своей первой жене Бедухе, находящейся в Стране мертвых. В то время, как Сослан добирался до владений Барастыра, Шатана решила прове-

рить, действительно ли ее сын отправился в Страну мертвых. Для этого она к пище, посвященной покойным родственникам, примешала всякую пададь.

Здесь нужно оговорить тот факт, что в осетинской традиции до сих пор сохранился обряд посвящения еды и питья умершим родственникам. Характерно, что в ведийской мифологии мы находим ту же традицию, а главное – причину появления данного ритуала. В легенде «Праведник в преисподней» говорится о том, что умерший царь Випашит должен был двенадцать дней добираться до Страны мёртвых: «...Не выдержать бы ему этого пути, если бы там, где осталось его родина, сыновья не приносили в жертву еду и питье. И он это ощущал каждый раз, когда проходила усталость и прибывали силы» [1, 274]. Интересно перекликается и другой мотив этой легенды: попав в преисподнюю, праведный царь должен был наблюдать за мучениями грешников, пройдя семь кругов ада. Демон, сопровождавший душу Випашита объяснял ему, за что несет наказание тот или иной грешник. В одной из вариации сказаний о Сослане говорится о том, что, как и в легенде о праведнике, нарт в поэдном мире встречал наказанных грешников, которые сами объясняли тяжесть своих грехов. В другой же вариации Сослан видит удивительные вещи, такие, как: жена с мужем укрыты бычьей шкурой, но каждый из них тянет шкуру на себя или муж с женой укрыты заячьей шкурой, а им хватает с лихвой и т.д. Смысл этих явлений объяснила Бедуха. Данное сходство в сюжетики разных народов указывает не только на общее происхождение осетин и индийцев, но и на архаичность данных традиций.

Выполнив поручение великанов, Сослан благополучно покидает подземный мир. Однако, ненадолго. Вскоре его настигает смерть от солнечного колеса Балсага, по одной из версий, натравленного Сырдоном, по другой – дочерью солнца. Итак, мы видим, что и в нартском эпосе солнце олицетворяют несколько персонажей.

В историографии Нартиады доминирует мнение о том, что колесо Балсага есть не что иное, как колесо Иоанна, и что смерть Сослана от колеса Иоанна символизирует победу христианства над старой верой. Однако, учитывая то, что мотив борьбы Солнечного бога или героя с солнцем – распространенный и древний сюжет (перс. Митра и солнце, греч. борьба Геракла и Аполлона), и учитывая, что

при заимствовании народом одного чужеземного бога, идентичного местному, заимствованный забирает часть функций местного, как, например, у древних греков малоазиатский бог Аполлон забрал большую часть функций автохтонного бога Гелиоса, то можно предположить, что Сослан и колесо Балсага разделили между собой функции солнечного божества. Сослан стал олицетворением сезонности, когда с приходом осени дни укорачиваются, и солнце теряет свою силу, а колесо Балсага обозначает солнечный диск, отрезавший ноги Сослана, тем самым лишив его силы. В пользу данной гипотезы можно привести следующие доказательства. В цикле мифов о «нарте Сослане и Мукара», во время лютой зимы именно Сослану поручают перегнать скот в вечно цветущую страну великана Мукара, то есть нарту поручают следовать за Солнцем.

Подтверждение этому мы можем найти также и в греческой мифологии. «Весну и лето живет Аполлон и Дельфах. Когда же наступает осень, вянут цветы, и листья на деревьях желтеют, когда близка уже холодная зима, покрывающая снегом вершину Парнаса, Аполлон на своей колеснице, запряженной белоснежными лебедями, уносится в незнающую зимы страну гипербореев» [2, 22]. Подтверждает это и Импре в своей книге «Мифология»: «Так или иначе, божественность Аполлона, определяемая светом, предполагает, что в его ведении находится та часть года, когда господствует свет» [3, 175]. Гелиос же олицетворяет собой суточный цикл Солнца. «Лучезарный бог выезжает на небо с берегов Океана в золотой колеснице «...» Совершив свой дневной путь, бог солнца спускается к священным водам Океана. Там ждет его золотой челн, в котором он плывет назад к востоку, в страну солнца...» [4, 53].

Вызывает интерес и тот факт, что основной мотив солярной мифологии связывает смерть солнечных героев с персонажами, также связанными с солнцем. Так, причиной гибели Сослана послужила месть дочери солнца, натравившего колесо Балсага на нарта, по другой версии колесо натравил Сырдон. Несмотря на явные расхождения в сюжете, общей в ней является гибель Сослана, олицетворяющего годовой цикл солнца, от колеса Балсага, представляющего суточный цикл небесного светила.

В Ведийской мифологии солнечного бога Вивасвата расчленяют его же собственные братья. Не избежал этой участи и его сын, Яма

(авест. Йима) как в Ведах, так и в зороастрийской мифологии, где его разрубает надвое собственный брат.

В скандинавской мифологии через родного брата, солнечного бога Бальдра, Хеда осуществилась месть Локки.

В греческой мифологии борьба солнечных богов была не столь драматична и закончилась примирением сводных братьев – Аполлона и Геракла. Геракл, за отказ пифии (жрицы Аполлона) открыть волю богов, в отместку украл все треножники, находящиеся в храме, чем разгневал солнечного бога, который предстал перед ним, требуя вернуть его имущество. Не вернув их, Геракл вступил в борьбу со своим божественным братом. Однако Зевс, боясь за своего смертного сына, остановил их, после чего они заключили мир.

Объяснение подобного явления заключается в следующем: данный мотив, столь характерный для индоевропейской мифологии, отождествляет природный жизненный цикл. Закономерно то, что победить главный источник жизни, обладающий огромной силой, могли лишь такой же солнечный персонаж.

После своей смерти, Сослан, по одной из вариаций сказания, не торопится спускаться в Страну мертвых, боясь гнева своего заклятого врага Тотрадза, по другой, он упросил Барастыра дать ему позволение выходить из Страны мертвых в случае военной угрозы. Перед своей смертью он попросил построить ему гробницу, которая так понравилась нарту, что он добровольно зашел в нее еще живым. После смерти Сослан через свою гробницу возвращался на землю, если слышал клич тревоги: «Фæдис!». И здесь мы наблюдаем еще одну функцию солярных богов – охранительную.

Действительно, бремя охраны страны от захватчиков и демонов ложится на плечи солнечных персонажей. Так, например, в Авесте сказано, что после того, как первый, перед кем открылся Ахура-Мазда, царь Йима, отказался быть проповедником, Ормазд сказал следующее:

«И тогда ему, о, Заратуштра, сказал я, Ахура-Мазда: «Если ты не станешь для меня, о Йима, хранящим и несущим Веру, то ты мне мир приумножай, ты мне мир возвращай! Ты стань мира защитником, хранителем и наставником!» [5].

Охранительные функции выполнял и Митра:

*«...Что разбивает дэвов (демонов)
 Башки и наказует
 Неверных договорам
 Безжалостно людей
 Что всю страну приводит
 К благу превосходству
 Когда ему не лгут...» [6, 56].*

В греческой мифологии яркими представителями солнечных божеств-охранителей выступают Аполлон и Геракл. Совершая свои знаменитые двенадцать подвигов, Геракл очищал мир от всякой нечисти, тем самым принося мир на землю. Так же, как и Аполлон, победивший дракона Пифона. Оба бога участвовали в битве богов-олимпийцев против гигантов. И здесь нужно отметить, что пали они все именно от руки Геракла (ни один бог не мог нанести вред гиганту).

В кельтской мифологии солярное божество Луг, одолело своего деда фомора Балора. Луг помогал также своему сыну Кухулину, окруженного со всех сторон в пылу битвы коннахтскими захватчиками.

Интересным фактом является связь и этого солнечного бога с подземным миром.

Как гласит легенда, матери Кухулина Дехтире однажды приснился сон, в котором бог солнца Луг приказал ей вместе с пятьюдесятью родственницами превратиться в птиц и следовать за ним в потусторонний мир. Вернувшись после трех лет, Дехтире принесла с собой новорожденного сына Сетанта, будущего Кухулина.

Солнечных богов с подземным миром связывает и индоиранская мифология. Так, первым умершим человеком, проложившим путь в царство мертвых, по Авесте, был царь Йима. В индийской мифологии Йиме соответствует Яма, который так же, как его персидский образ, становится первым человеком, покинувшим землю, но, в отличие от зороастризма, в ведийском мифе говорится о том, что Яма стал богом и главным судьей подземного мира. С течением времени Яма становится менее человеческим и более жестким богом, который без всякого сострадания, присущего Яме-человеку, приговаривает мертвые души к той или иной участи.

Царство мрачного Аида, греческое название царства мертвых,

по мифам то место, куда никогда не достигает тепло солнечного света. Однако одному солнечному герою все же пришлось спуститься в царство сумрака для выполнения одиннадцатого подвига, стоявшего между ним и бессмертием. Едва Геракл вступил в царство мертвых, то увидел афинского царя Тесея и его друга, фессалийского правителя Перифоя, приросших к скале за попытку похищения у Аида его жены Персефоны. Примечательным является то, что Геракл по мольбе Тесея смог освободить его от наказания, после чего сын Зевса бесстрашно предстал перед Гадесом, который позволил ему не только выйти из царства мертвых, но и увести его верного сторожевого пса Цербера, если Геракл сможет укротить его. И как истинный укротитель порождений темных сил Геракл смог выполнить данное ему задание.

В скандинавской мифологии, в частности в «Малой Эдде», мы наблюдаем тот же сюжет, который мы видели в нарттовском эпосе и который подробно разобрал в своей работе «Осетинский эпос и мифология» Ж. Дюмезиль. Смерть скандинавского солнечного бога Бальдра почти идентична смерти нарта Сослана. Так, Локки, которого ученые отождествляют с Сырдоном, действует так же как и его нарттовский эквивалент. Не напрямую, а через слепого бога Хеда убивает Бальдра прутиком омелы, единственное что могло нанести вред солнечному богу. Однако смерть Бальдра не означает конец его жизни. Ему было предсказано, что после конца света Регнарека, покинет царство Хель и вернется с новым поколением богов на землю. Как видим, и над Бальдром смерть не имеет до конца власти, так как придет время, и он воскреснет.

Итак, очевидно, что характерной чертой солярных персонажей индоевропейской мифологии является их гибель от представителей собственной семьи. Мифология, как известно, есть отражение мира, окружающего народ. Отражением жизненного цикла и стала солярная мифология. Смена сезонности воплощена еще в одной характерной черте солнечных героев – в их воскрешении. Как природа каждый год цветет и умирает, так и солнечные персонажи способны воскресать после смерти.

1. Немировский А. И. Мифы и легенды Древнего Востока. М.: Изд-во «Просвещение», 1994.
2. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Изд. седьмое. Ростов на Дону: Изд-во «Феникс», 2006.
3. Импре Тренчени-Вальдапфель. Мифология. М.: Изд-во «Иностранная литература», 1959.
4. Видевдат.<http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru%3Bsearch%2F%3Bweb%3B%3B&text=&etext=1423.fFZ0umS8OR1UYmN7jmyKrlDcwYNydm0LrRKMkTZo7>
5. Авеста. Избранные гимны/ Пер. с авест. и коммент. проф. Стеблин-Каменского И. М. Душанбе: Изд-во «Адиб», 1990.

Д. А. ОГУЗОВА,
аспирант Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС
(г. Пятигорск)

ОБЩЕЕ В СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ ДРЕВНЕГО РИМА, РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И АДЫГОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье рассматривается самое многочисленное, а, следовательно, довольно влиятельное сословие традиционных обществ – крестьянство, в частности, статус вольноотпущенников в среде одного из древнейших народов Северного Кавказа – адыгов. Особенности их социально-правового положения пытаемся рассмотреть через поиск параллелей с вольноотпущенниками Древнего Рима и Российского государства.

Ключевые слова и фразы: вольноотпущенники; крестьянство; Древний Рим; Россия; Северный Кавказ; адыги; черкесы.

The article deals with the most numerous and, consequently, quite influential class of traditional societies – the peasants. In particular, we are talking about the status of liberals among one of the oldest peoples of the North Caucasus – the Adygs. We try to consider features of their social and legal position through search of Parallels with liberals of Ancient Rome and the Russian state.

Keywords: liberals; peasants; Ancient Rome; Russia; the North Caucasus; adygi; Circassians.

Конец XVIII – начало XX века – особая веха в истории народов Северного Кавказа. В это время происходит утверждение России в Предкавказье, строится кавказская военная линия, отрезавшая плоскостные районы от горцев, создаются местные административные органы управления регионом. Массированное давление на этнические общности горцев приводит к кризису традиционных институтов, регулирующих их повседневную жизнь.

Находясь на сравнительно высоком уровне социально-экономического развития, адыги оказывали существенное влияние на соседние народы: абазин, балкарцев, осетин; способствовали развитию у них феодальных отношений. Поэтому изучение общественного строя адыгов является одной из важнейших задач кавказоведения.

Анализ отношений внутри сословий и между ними, а также факторы, влиявшие на эти процессы, являются важными слагаемыми дальнейшего изучения истории региона. Без всестороннего изуче-

ния характеристики этого вопроса невозможно понять элементы кризиса, которые разлагали основы традиционного общества.

В рассматриваемый период крестьянство составляло свыше 80% населения страны. Всестороннее глубокое изучение истории крестьянства является важной задачей в рамках России в целом. Крестьянство являлось главной производительной силой, создававшей необходимую базу для социокультурного, экономического и политического развития различных народов. Это относится и к до-реформенному периоду, когда в обществе происходили кардинальные перемены, вынудившие самодержавие отменить крепостное право и провести крестьянскую реформу. В этой связи важно изучение уровня развития сельского хозяйства и положения различных категорий крестьян, а также его региональную специфику, без учёта которой невозможно составить целостное представление о важнейших процессах, происходивших в то время.

В конце XVIII – первой половине XIX века адыгское общество делилось на три основных слоя: привилегированные сословия (князья – пши, дворяне – уорки), «свободное» крестьянство (тлхукотлы; азаты – вольноотпущенники) и зависимое крестьянство (рабы – унауты, крепостные – пшитли).

Внутри- и межсословные отношения у адыгов регулировались комплексами норм обычного права: уорк-хабзе для дворян и адыге-хабзе для других категорий населения. По наблюдениям известного этнолога А. М. Ладыженского, во второй половине XVIII в. адаты из норм чисто бытовых становились в значительной степени правовыми [8, 1].

Отличительной особенностью социальной структуры адыгского крестьянства была его многослойность. Каждая социальная общность существенно отличалась имущественным и правовым положением, степенью зависимости от владельцев (владельцами были и чагары, и тлхукотлы), размерами и содержанием выполняемых в их пользу натуральных и трудовых повинностей.

В массиве зависимых крестьян можно выделить три основные группы. К первой категории лиц относились не имеющие никаких личных, семейных, имущественных прав унауты. Ко второй, – лица, остающиеся в зависимости, но обладающие какими-либо правами (пшитли), несущие службу в установленных обычаями рамках. Эти

люди по большей части жили при дворе своего владельца, но не обязаны как унауты, выполнять любую работу беспрекословно в качестве прислуги [13, 31]. В случае их продажи другим владельцам в расчет принимался пол, возраст, физические данные продаваемых.

При даровании им свободы за какие-то особые заслуги семье владельца или «на помин души» они переходили в категорию вольноотпущенников – азат. Эту же категорию пополняли выкупившиеся на свободу зависимые крестьяне, поскольку нормы права создавали правовые возможности для изменения социального статуса зависимых крестьян.

К середине 60-х годов XIX в. их численность достигла 25 тысяч человек в Кубанской и Терской областях [13, 32]. Третья группа была незначительна, так как ее представители имели возможность выкупить себя на свободу, поскольку, как правило, имели необходимые на это средства. Это оги, которых в Кабарде было около 200 душ [13, 34].

Особый интерес для науки представляет общность «азаты», представляющая мощный социальный массив, быстро увеличивающийся в первой половине XIX в. В истории его возникновения и развития отразились глубинные общественные процессы, характерные для всех адыгов.

Слово «азат», в отечественной историографии тождественно термину «вольноотпущенник». Ф.И. Леонтович выделяет эту группу крестьян, подчеркнув, что «отпущенников от князей и узденей, называют азад»[9]. В арабской фонетике азат означает «свободный», «независимый». Первоначально этим словом обозначались все лично свободные жители Иранского государства Сасанидов, мелкие феодалы [2]. Позднее данный термин встречается у многих мусульманских народов.

Если же обратиться к истории термина «вольноотпущенник» (от лат. libertini – либертины), то его корни ведут в Древний Рим. Там он обозначал отпущенных на волю или выкупившихся рабов. Особенность правового положения этой категории заключалась в том, что им удавалось освободиться в рамках государства, в котором рабство существовало в виде основного уклада хозяйственной жизни. К примеру, в Римском государстве они представляли категорию лиц свободного состояния, но отличавшуюся в своих правах от полноценных римских граждан.

Граждане, принадлежавшие к числу вольноотпущенников, оставались носителями некоторой ограниченной правоспособности в сфере как публичных, так и частноправовых отношений. Прежнее рабское состояние, безусловно, налагало печать на правовую сферу человека и после вступления его в число свободных римских граждан [12].

Из условий требовательного патроната вытекал ряд обязанностей предполагавших, что: вольноотпущенник будет оказывать прежнему господину глубокое уважение, не может возбуждать против него иски не вещного свойства; вольноотпущенник обязан оказывать прежнему патрону материальную помощь, вплоть до установления алиментарного содержания; патрон имеет некоторые наследственные права на имущество вольноотпущенника; вольноотпущенник обязуется оказывать патрону различные услуги без вознаграждения и без заключения правовых обязательств. Нарушение вольноотпущенником данных условий могло привести к возвращению отпущенника в рабское состояние [4, 1].

Ограниченное правовое положение вольноотпущенников свидетельствует, что одного состояния свободы было недостаточно, чтобы стать полноправным гражданином Рима и субъектом гражданского римского права. Необходимо было обладать еще особым качеством – быть лицом «своего права», что определялось другими правовыми условиями [11, 57].

В Российском государстве, по нашему мнению, к такой сословной группе можно причислить тех, кого затронул Указ Александра I об отпуске помещиками своих крестьян на волю по заключении условий, основанных на обоюдном согласии от 20 февраля 1803 года [14, 32]. Этот законодательный акт давал помещикам право освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями, с наделением освобождаемых земель.

В Указе говорится, что крестьяне и селения, отпускаемые на волю, если не пожелают переселяться, могут оставаться на землях прежних владельцев в статусе свободных хлебопашцев. Дворовые люди и крестьяне, которые отпускались на волю, могли выбрать себе род жизнедеятельности или в положенный законами срок вступить в ряды свободных земледельцев, если приобретут земли в собственность.

Крестьяне, отпущенные на волю и имеющие земельную собственность, несут подушный казенный оклад наравне с помещичьими. При выполнении условий, они получают землю в собственность, будут иметь право продавать ее, закладывать и оставлять в наследие, не разделяя на участки меньше 8 десятин. Также имеют право покупать земли, переходить из одной губернии в другую, но только с ведома Казенной палаты для перечисления их подушного оклада и рекрутской повинности [14, 34].

За свою волю крестьяне выплачивали выкуп или исполняли повинности. Если оговорённые обязательства не выполнялись, крестьяне возвращались к помещику. Тем не менее, ничто не мешало помещику отпустить крестьянина безвозмездно – все определялось договором между крестьянином и помещиком. Крестьян, получивших таким образом волю, называли свободными или вольными хлебопашцами (отсюда и популярное название указа).

Указ о вольных хлебопашцах имел важное идеологическое значение: в нем впервые утверждалась возможность освобождения крестьян с землей за выкуп, если таковой был оговорен в договоре. Это положение легло потом в основу реформы 1861 года. За 25 лет царствования Александра I лишь 47 тыс. крестьян (меньше 0,5% от общего числа крепостных) смогли купить себе свободу.

Таким образом, закон о вольных хлебопашцах создавал правовые условия получения свободы в рамках существующей феодально-крепостнической системы. Да, он не получил широкого распространения в силу высокой выкупной платы, которую должны были заплатить освобождаемые крестьяне, но сам факт получения свободы на основе российского законодательства подрывал всю систему крепостнических отношений.

Анализ причин освобождения рабов в Древнем Риме показывает, что рабский труд приносил значительно меньше дохода, чем труд заинтересованного мелкого собственника. Как вольноотпущенник он не порывал связи с бывшим своим господним, который оставался его патроном. Мотивы освобождения рабов были самые разнообразные, и вольноотпущенники составляли одну из заметных категорий римского общества.

В Российской империи этот процесс был запущен Указом государя. Помещики стали всерьез рассматривать ситуацию предостав-

ления свободы своим крестьянам, но только за выкуп. Этому способствовали три основных причины: распространение денежной экономики, обострение социальных противоречий в деревне, снижение эффективности хозяйств помещиков.

Изучение документальных материалов, посвященных формированию социальной общности азат в адыгских обществах, позволяет, с определенной корреляцией, провести параллели между категорией азат, вольноотпущенниками Древнего Рима и свободными хлебопашцами России.

Со второй половины XVIII в. процесс перехода зависимых крестьян (*оги*, *ншитли*) в азаты заметно усилился. «Освобождение их часто совершалось из религиозных побуждений, а именно во спасение душ усопших рабовладельцев [5, 139]», – говорится в записке о привилегированных сословиях Кабардинского округа. Но такая форма освобождения не была массовой. Скорее всего, основным фактором можно считать боязнь владельцев совсем потерять своих крестьян ввиду притягательной силы кавказской линии, где им сулили льготные условия жизни, и возросшей потребностью феодалов в деньгах в результате роста товарно-денежных отношений под влиянием России [10, 257].

Сословие азат произошло от крепостных крестьян (*ншитль*), посредством выкупа или через добровольное дарование свободы рабам. Однако, будучи лично свободными, азаты оставались экономически зависимыми от владельцев [3, 14]. Предоставление крестьянам свободы было сопряжено с определенными условиями, «состоявшими в том, чтобы жить там, где господин будет находиться, с различными маловажными обязанностями». Оставаясь зависимым от своего владельца, азат получал от него на время участок земли для обработки, что постепенно вызвало «вторичное прикрепление к земле». Располагая при жизни имуществом свободно, азат, однако, не имел права завещать его по своему усмотрению, и оно переходило по наследству бывшему владельцу. Такое положение владелец оправдывал тем, что родственники азата были крестьянами, и имущество крестьянское, как и они сами, принадлежало ему [6, 1].

Таким образом, азаты, во-первых, жили при своих владельцах, причем сохраняли за собой звание вольноотпущенников. Во-вторых, под страхом величайшего стыда они не могли отказаться от ис-

полнения некоторых требований бывших хозяев: от дачи владельцу верховой лошади, от прислуживания в кунацкой, если в ней находятся гости, от выдачи на их угощение провизии (преимущественно барашка, если у вольноотпущенника есть овцы), от сопровождения владельца в его поездках, если он этого потребует, и от поездки в разные места по делам своего господина. Вольноотпущенники брали к себе на воспитание детей владельцев, «делаясь через это близкими к ним людьми» [7, 153].

Простой свободный народ пользуется землей, лесом в местах своего проживания. Они свободно занимаются также и скотоводством, не платя ни князьям, ни дворянам никакой подати. Если же народ и работает на князей и дворян, под покровительством которых он живет в нужное для них время, то делают это исключительно по их приглашению и по доброй воле. Им предоставлено право иметь крепостных людей, которых они получают по наследству или покупают, распоряжаясь ими и их имуществом по своему усмотрению как своей собственностью. Свободный черкесский народ имеет голос в общественных собраниях, где говорится о предстоящих набегах и других народных делах [1, 97-140].

Таким образом, анализ источников и привлеченной монографической литературы свидетельствует, что в Древнеримском и Российском государствах и у адыгских народов социальный статус вольноотпущенников имеет ряд общих черт, которые обусловлены постепенным изживанием рабовладельческого, а позднее феодального способа производства и утверждением элементов товарно-денежных отношений. При этом подчеркнем, что, несмотря на то, что между формированием института колоната Древнего Рима, свободными хлебопашцами России и азатами Черкесии лежит громадный промежуток времени в полторы-две тысячи лет, условия освобождения у них имеют общие черты: договор между владельцем и крестьянином, денежный выкуп; возможность потери свободы в случае невыполнения условий освобождения; почтительное отношение к бывшему владельцу с сохранением проживания на его территории, выплата «алиментов».

Выявленные параллели и сходства требуют дальнейшего научного исследования.

1. Ада́ты черкес Черноморской кордонной линии. Войсковой старшина Кучеров. Рукописный архив Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького, д. 54/13, л.л. 97-140.
2. Государственная организация и социальная структура державы Сасанидов / [Электронный адрес] URL <http://history-konspect.org/> (дата обращения: 19.01.2017)
3. Джимов Б. М. Социально-экономические отношения и крестьянское движение в Адыгее в XIX веке (до 1870 года) // Ученые записки Адыгейского НИИЯЛИИ. Майкоп, 1965. Т. 4.
4. Дрязгунов К. В. Вольноотпущенники как чиновники <http://www.roman-glory.com/dryazgunov-volnootpushhenniki-kak-chinovniki>
5. Записка о привилегированных сословиях Кабардинского округа. Архив КБГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12. Л. 137-142.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука. 1988. <http://kvkz.ru/history/2525-socialnaya-struktura-gorskih-narodov.html>
7. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965.
8. Ладыженский А. М. Ада́ты горцев Северного Кавказа // Южно-российское обозрение. Вып. 18. [Электронный адрес] URL <http://lab-adat.ru>
9. Леонтович Ф. И. Ада́ты кабардинцев. Том 1 [Электронный адрес] URL <http://lab-adat.ru/> (дата обращения: 19.01.2017)
10. Налоева Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. кин А. С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор». 2015.
11. Омельченко А. О. Римское право. М., 2000.
12. Перетерский И. С., Новицкий И. Б. Римское частное право. М., 2005. [Электронный адрес] URL <http://knigi.link/pravo-rimskoe/rimskoe-chastnoe-pravo.html> (дата обращения: 1.02.2017).
13. РГИА. Ф. 1268. Оп. 11. Д. 138. Л. 31-34.
14. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Отв. ред. О. И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1988.

А.Ж. ШЕРЕУЖЕВ,
студент КБГУ им. Х.М. Бербекова
(г. Нальчик)

КАРТИНА МИРА КАБАРДИНЦЕВ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена теоретическому рассмотрению картины мира кабардинцев XVIII – начала XX в. В статье рассказывается о том, какие важнейшие категории жизни кабардинцев формировали их мировоззрения; показывается исследовательское направление исторической науки; иные системы взглядов и строй мыслей, господствовавшие в ту эпоху; анализируются характерные черты культуры, лежащие в моральных и нравственных нормах у кабардинцев, отличавших их от других народов.

Ключевые слова: картина мира кабардинцев; семейная община; брак; дети; смерть; аталычество; гостеприимство.

The article is devoted to a theoretical examination of the picture of the world of Kabardians in the 18th and early 20th centuries. The article examines the most important categories of life of Kabardians formed by their worldviews. The research direction of historical science is shown. We consider other systems of views and the system of thought prevailing at that time. Characteristic features of culture that shaped the Kabardians moral norms distinguishing them from other peoples are analyzed here.

Keywords: Kabardians picture of the world; family community; marriage; children; death; Fosterage; hospitality.

Человеческое общество находится в постоянном движении, изменении и развитии, в разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему, на собственный манер организуют свои впечатления и знания, конструируют свою особую, исторически обусловленную, картину мира. И если хотим познать прошлое, мы не можем не стремиться к тому, чтобы подойти к нему с адекватными ему критериями, изучить его имманентно, вскрыть его собственную внутреннюю структуру, остерегаясь навязывать ему наши современные оценки.

Иная система взглядов и строй мыслей, господствовавшие в ту эпоху, не так просто становятся доступными современному сознанию. Мы знаем исторические события, но недостаточно разо-

брались в их внутренних причинах, побуждениях, которые делали возможным существование определенной картины мира, определенных действий, поступков людей той или иной эпохи. Поступки и действия же складываются из тех идей и ценностей, которые впитали люди в зависимости от той или иной культурной среды. Необходимо учитывать в полной мере ценностные ориентации и критерии, которыми так или иначе руководствовались люди в феодальном обществе, и то, как они менялись с течением времени. Без этого невозможно в полной мере прочувствовать эпоху жизни кабардинцев XVIII – начала XX в.

Целью статьи является теоретическое осмысление картины мира кабардинцев и анализ категорий жизни традиционной кабардинской семьи в контексте истории повседневности.

Для того, чтобы понять картину мира кабардинцев нужно знать их мировоззрение, действия и поступки, и чем они руководствовались в той или иной ситуации.

Какие важнейшие категории жизни кабардинцев формировали их мировоззрение?

Во-первых, семейная община (*бынышхуэ*). По словам П.С. Потемкина, у кабардинцев семейство от прадеда до позднего поколения живет вместе, и все едят из общего котла. Так, у них принято спрашивать не «сколько дворов», а «сколько котлов» [1, 194]. Для семейной общины характерна нераздельная собственность, коллективное производство и потребление, общинное управление хозяйством. В семейные общины могли входить до 100 человек, где главой являлся самый старший ее член, опираясь на семейный совет взрослых мужчин. Вторым важнейшим лицом общины являлась жена главы семьи, занимавшаяся женской частью управления общиной.

Вместе с семейной общиной у кабардинцев существовала и малая семья, где главой являлся отец семейства. Личные взаимоотношения в большой и малой семье были патриархальными.

А. И. Мусукаев и А. И. Першиц считают, что большая семья, и семейная община – две разные исторические формы семьи, которые отличаются друг от друга теми чертами, которыми обычно характеризуются деспотическая семья и демократическая семья, а при чём последнюю форму семьи нужно считать исторически более

ранней [2, 127]. Сложно согласиться с такой позицией. Низшими самостоятельными структурными единицами сельской общины являются большие семьи «унэзэшзэхас», которые предстают перед нами патриархальными родственными и хозяйственными коллективами. Коллективы же состоят из ближайших родственников двух, трех, а иногда четырех поколений по нисходящей и боковым линиям, которые имеют общую собственность, а также ведут совместное производство. В ходе развития семьи присутствовал так называемый семейный цикл. Малые семьи разрастались и превращались в расширенные большие, т.е. расширившись, они дробились на малые и т.д. Поэтому большие и малые семьи, как правило, соседствовали друг с другом [3]. Все же надо отметить, что в прошлом, в связи с натуральным и патриархальным укладом жизни, было больше расширенных, больших семей, затем преобладающими стали малые семьи [4, 17].

Немаловажной составляющей семьи является самосознание входящих в нее членов. Например, Ф. Арьес приходит к мысли с помощью иконографического анализа, что в средние века не существовало чувства семьи, что оно появилось лишь в XV-XVI вв. и окончательно оформилось в XVII веке [5, 351]. У кабардинцев самосознание семьи было присуще с раннего периода ее существования. Этому способствовали и разделы обязанностей между ее членами.

Во-вторых, брак (*нэчыхь*). Был экзогамным. Такие ограничения, как связанные узами аталычества – не могли вступать в брак; запрещали брак между усыновленными и членами фамилии усыновителя; условие брака – сословное равенство; традиции левирата и сорората.

В начале XIX в. Г.-Ю. Клапрот описывал: «Обычно раньше кабардинцы женились только в возрасте от тридцати до сорока лет, но теперь они вступают в брак в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет, а женщины от двенадцати до шестнадцати лет» [6, 264]. Наверняка автором приводятся шариатские нормы вступления в брак. Тем не менее, на практике все происходило иначе. По другим данным, в XIX веке кабардинцы наиболее оптимальным возрастом для вступления в брак считали 18-20 лет для девушки и 20-25 лет для мужчин [7, 208]. На самом деле мужчины женились в 30-40 лет, а женщины выходили замуж в 16-22 года [8, 145].

В семейном быту кабардинцев присутствовал обычай избегания. Мужчины и женщины жили врозь. В присутствии родителей и старших муж избегал встречи и разговоров с женой. Имена мужа и жены произносить при посторонних было под запретом [9, 206]. Повседневная жизнь семьи в традиционном адыгском обществе скрывалась от глаз окружающих: муж и жена не могли демонстрировать на публике существующую между ними связь и чувства. Взаимоотношения внутри семьи, симпатии, антипатии, привязанности, эмоциональные реакции «прятались» от посторонних глаз, но иногда сфера интимно-домашнего приоткрывалась для посторонних [10, 177].

В-третьих, дети (*бын*). В основу потребности в воспроизводстве детей лежат многие причины. В.А. Борисов пишет, что, в первую очередь, это специфическая «потребность в родительстве, отцовстве, материнстве» [11, 76]. А.Г. Вишневский выделяет социально-экономические причины: «Дети были помощниками в производстве и кормильцами в старости, верными соратниками в защите и нападении, предметом гордости и элементом престижа. Их брачные связи создавали твердую опору в соседской общине. Вообще, с какой бы стороны мы ни рассматривали большую патриархальную семью, иметь много детей, и прежде всего сыновей, было гарантией прочности ее социальных позиций» [12, 125]. Это все зависело от социально-исторических, межкультурных и конфессиональных отличий [13, 158].

Родильная обрядность имела свои особенности в традиционном кабардинском обществе. Во время родов кабардинцы по традиции пользовались магическими имитативными приемами для облегчения родов. Так, в доме открывалось все закрытое и развязывалось все завязанное и застегнутое [14, 115]. Так, до конца 40-х годов XX века каждое селение имело повивальную бабку – *фыз-гъальхуэ*. Современная родильная обрядность сочетает в себе многие ритуалы и обряды и выливается в один общесемейный праздник [15, 75].

За процессом воспитания нового поколения следили тщательно. Уклад жизни, труд, обычаи регламентировали отношения между старшими и младшими. Особенное внимание уделялось физическому, трудовому и нравственному развитию. Семейное воспитание

было дополнено общественным; большую роль в этом играли кунацкая, сборища на свадьбах, сходы и др.

Именно от родителей, бабушек и дедушек дети узнавали вместе с родительской любовью и лаской, передававшиеся из поколения в поколение, знакомые каждому с детства, считалки например:

Ёбэ цыкълур ищым, (ручками дергает)
 Ёбэ теуэ ищым, (ручками хлопает)
 Дахэ цыкълуу ищым, (мило хлопает)
 Дахэцэу ищым, (красиво хлопает)
 Уей жи Ёбэ цыкълур ищым, (ах, как ручками дергает)
 Уей жи Ёбэ теуэр ищым, (ах, как ручками хлопает)
 Уей жи дахэ цыкълур ищым, (ах, как мило хлопает)
 Уей жи дахэцэу ищым (ах, как красиво хлопает), [16, 75]

В-четвертых, смерть (*лэныгъэ*) и связанные с ней обряды. Обычно в честь умершего устраивали поминки через неделю, на 40-й день и через год. В похоронной обрядности идет сочетание различных видов традиций, имеющих корни в язычестве, христианстве, исламе.

В-пятых, аталычество (*атэлыкъ*). Институт аталычества имеет важнейшее значение в традиционном обществе кабардинцев [17, 2-3]. Этот институт возник в эпоху родового строя для установления искусственного родства [18, 181]. Князья и дворяне отдавали детей на воспитание для укрепления своей власти. Аталыки должны были быть с хорошей репутацией, достаточно хорошо знать обычаи и традиции народа. Мальчиков воспитывал аталык, а девочек – жена аталыка. Воспитанника обучали правилам этикета, владению оружием и т.д. [19]. При воспитании большое значение уделяли спартанскому стилю, который воспитанник должен был непременно соблюдать [20]. После завершения воспитания аталык получал хорошие подарки от родителя. Все же зачастую аталык получал права, почти приравненные с родительскими.

В-шестых, гостеприимство. В основе обычная гостеприимства лежали нравственные нормы. Любой человек имел возможность остановиться в качестве гостя в любом жилище, где с ним обращались с большим уважением и почестями. Даже убийца пользовался неприкосновенностью в доме его кровного врага [21, 127].

Картина мира кабардинцев формировалась с детства. Семейная община, в которой они росли, формировала чувство родства и еди-

нения с родом. Вступление в брак, особенности отношений между членами семьи, воспитание детей прививали основные принципы норм морали и нравственности. Уважительное отношение к старшему поколению и обряды, связанные с уходом из жизни члена общины, заставляли родственников ценить время. Такие институты общества, как аталычество, доказывали, что родственные связи могут формироваться не только кровным способом.

Таким образом, характерные черты культуры формировали у кабардинцев моральные и нравственные нормы, которые отличали их от других народов.

1. К документальной истории кабардино-русских отношений XVI-XVII вв. // Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008.

2. Мусукаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1992.

3. Шортаева И. Х. Кабардинская семья (Традиции и современность): Автореферат дис. канд. ист. наук: Нальчик, 2004.

4. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 1999.

5. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974.

6. Меретуков М. А. Брак у адыгов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института Майкоп, 1968. Т. VIII.

7. Шикова Т. Т. Об условиях заключения брака у кабардинцев в дореволюционном прошлом // УЗКБНИИ. Т. XVI. Нальчик, 1959.

8. Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974.

9. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре. Нальчик: Эль-фа, 2006.

10. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976.

11. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

12. Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М.: Академия, 1988.

13. Сабанчиева Л. Х. Семья и семейная обрядность кабардинцев: между традицией и модернизацией. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2015.

14. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983.
15. Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. Нальчик, 2002.
16. Гарданов В.К. Аталычество у адыгов. М.: Наука, 1973.
17. Кесаева Р.Э., Сланова А.Ю. О некоторых традиционных общественных институтах народов Северного Кавказа // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2015. № 4.
18. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв./ Сост. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974.

А. М. ЯНАДАМОВ,
студент ЧГУ;
Б. Б.-А. АБДУЛВАХАБОВА,
кин, доцент ЧГУ
(г. Грозный)

БАШЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ЧЕЧНИ XVI-XVIII ВЕКОВ

В статье рассматриваются уникальные башенные постройки эпохи позднего средневековья на территории Чечни, которые хорошо сохранились до наших дней. Анализируя каменное зодчество чеченцев, сделана попытка показать, что, сохраняя и развивая свою культуру, чеченцы смогли привнести в нее, взаимодействуя с другими народами, достижения соседних культур и создали в эпоху позднего средневековья неповторимую башенную архитектуру.

Ключевые слова: Чечня, Кавказ, культура, архитектура, зодчество, сторожевые башни, жилые башни, боевая башня, арки, машикули.

The article considers unique tower of construction era of late middle ages in Chechnya, which are well-preserved up to our days. Analyzing the Stone architecture Chechens attempt to show that keeping and developing its culture, Chechens were able to bring into it, interacting with other peoples, achieve the neighboring cultures and the era of the late middle ages unique tower architecture.

Keywords: Chechnya, Caucasus, culture, architecture, architecture, patrol tower, residential tower, combat tower, arches.

Каменное зодчество чеченцев (особенно башенная архитектура) – уникальное явление мировой культуры. Сохраняя и развивая свою культуру, чеченцы смогли привнести в нее, взаимодействуя с другими народами, достижения соседних культур и создали в эпоху позднего средневековья неповторимую башенную архитектуру. Это боевые, жилые башни и замковые комплексы. Сохранившиеся в горной зоне Чечни башенные архитектурные памятники относятся в основном к XVI-XVIII вв., хотя строительство оборонительных сооружений восходит на Кавказе к глубокой древности. В башнях укрывались во время междоусобных столкновений и внешних нашествий целые фамилии. Строительство башен было дорогим и вместе с тем престижным. В связи с этим существовала особая нор-

ма обычного права – требование, чтобы строительство боевой башни было завершено в течение года, в противном случае башня так и оставалась недостроенной. Для строительства требовалось огромное количество камня [1, 190].

Наивысший расцвет архитектуры Чечни отражен в специальных оборонительных сооружениях – боевых башнях. До нашего времени в горной Чечне в различном виде сохранилось более 200 боевых башен, и это несмотря на то, что чеченские башни подвергались регулярному уничтожению в разные исторические периоды, особенно в годы военных катаклизмов. Все башни учеными разделены на три типа: жилые, боевые и полубоевые.

В научной литературе сложилось мнение о том, что боевые башни являются результатом эволюции жилых башен, а так называемые полубоевые башни – промежуточным звеном этой эволюции.

Но нет никаких оснований считать жилые башни более архаичными, чем боевые. И те, и другие восходят своими корнями к циклопическим постройкам, древнейшие из которых относятся к эпохе бронзы. К тому же нужно учитывать, что первые боевые башни должны были появиться в качестве укреплений стен цитаделей по крайней мере еще во II тысячелетии до нашей эры. Такие крепости, правда, более позднего времени, состояли из мощных стен в форме прямоугольника или треугольника. Башни сложены из хорошо подогнанных друг к другу камней – известняка, мергеля, песчаника; при этом использован глинисто-известковый раствор, но встречается и безрастворная, так называемая, сухая кладка. Как правило, башенные здания не имеют фундамента, а поставлены на прочную скалистую основу [2, 9].

Классическая жилая башня имела похожее к квадратному основание (обычно 8-10 × 8-12 м), сужалась кверху, имела от 2 до 4 этажей и плоскую земляную крышу. Сужение достигалось из-за особой формы утончения стен в верхней части и наклона их вовнутрь. Толщина стен варьировалась от 1,2-0,9 метра в нижней части до 0,7-0,5 метра в верхней. В Майсте, в отличие от других районов Чечни, кровли жилых башен делали скатными, из крупных каменных плит. При необходимости жилые башни использовались и как боевые. Строительство жилой башни, своеобразного дома-крепости, было очень трудным для горных жителей делом.

Такие башни сохранились у селений Хъайбах, Ушкалой, Ник1арой, Дерё и др. [3, 232].

Оборонительная башня называлась «б1оув». Несомненно, этот термин может быть связан и с междометием «б1оув», обозначающим вызов к битве, угрозу, но более со словом «б1о» – дозор, которое впоследствии приобрело широкое значение – «войско». Оно же, в свою очередь, имеет отношение к еще более древнему чеченскому слову «б1ан» – смотреть, видеть, откуда глаз – «б1аьрг». Этимология его связана с первичной, древнейшей функцией боевой башни – сторожевой, сигнальной.

Используемые камни имели различные размеры и перед укладкой тщательно обрабатывались с наружной стороны. Стены возводились на известковом или известково-глинистом растворе с использованием битого камня. Иногда использовалась и сухая кладка.

Для сообщения между этажами использовались специальные лазы. К ним приставлялись брёвна с зарубками или лестницы. Каждый этаж, кроме последнего, имел свою дверь. Двери и окна делались в виде закругленных арок из крупных монолитов. С боковых сторон проёма делались ниши для засова, на который запиралась дверь, изготавливалась она из толстых досок. Окна были очень маленькими. На верхних этажах они также служили бойницами. Зимой и ночью окна закрывались деревянными ставнями или каменными плитами. Летом окна затягивались прозрачной плёнкой из внутренностей животных.

Жилая башня была собственностью одной семьи. По мере взросления детей в башне с родителями мог остаться только младший сын. При этом новая семья не могла жить в одном помещении с родителями. Она или переселялась на верхний этаж или в этом же помещении для них отгораживалось место с отдельным очагом.

Но особенно привлекательны боевые башни. Ученые говорят, что эти башни являются вершиной башенного зодчества вайнахов. Их высота достигает 25-30 м. при длине стен у основания до 6 м. В основном это 4-5 этажные сооружения. Они имеют пирамидально-ступенчатое перекрытие, вершину которого венчает камень в виде закругленного столбика высотой до 0,4 м при диаметре 0,2-0,25 м. Этот как бы венчающий башню камень чеченцы называют «ц1огал».

Башни не рассчитывались на длительную осаду. Это связано с ограниченными ресурсами как защитников, так и запасами вооружения, боеприпасов, продовольствия и малой площадью. В сторожевой или сигнальной башне могли нести дозор 4-6 человек. В оборонительной башне укрывалась в случае опасности семья, живущая в одной-двух жилых башнях, к которым она была пристроена. Такие башни являются самыми древними. Их отличительными особенностями являются грубая обработка камня, не очень большая высота, небольшой угол сужения кверху. Обычно имели не больше четырёх этажей. Чаще всего использовались как сигнальные и сторожевые или были элементами цитадели. Строились они обычно в труднодоступных местах – на вершинах обрывистых утёсов, речных мысах.

Башни с плоской кровлей с зубцами по углам отличаются большей высотой, стройностью, тщательностью обработки камня, большим углом сужения кверху. Они могли быть и сигнальными, и сторожевыми, и частью комплекса. Таких башен в горах Чечни немного. Например, к этому типу относится боевая башня на левом берегу Мешеи в Малхисте [4, 140].

Если говорят о том, что «боевая башня» более позднего происхождения по сравнению с жилой, то имеют в виду ее как фортификационный элемент комплекса. К тому времени, когда в горах Чечни появляются башенные комплексы (сочетание боевой и жилой башен) и замки, боевая башня приобретает классические, завершённые формы. Большинство построек этого типа имеют пирамидально-ступенчатую кровлю, сложены на известковом растворе и отличаются высоким уровнем строительной техники.

На всех этажах делались бойницы и наблюдательные щели. Многие башни со ступенчатой кровлей имели дверные проёмы на всех этажах, уменьшавшиеся пропорционально сужению башни. На верхнем этаже делались машикули. У башен с пирамидальным венчанием машикули представляли собой специальные балкончики без дна, крепившиеся на двух или более консолях. Защитники башни могли вести стрельбу по осаждающим через большие стрельчатые проёмы, находившиеся в стенах башни со стороны машикулей. Благодаря своей высоте башни значительно усиливали возможности оборонявшихся и ограничивали возможности напавших.

Когда осаждавшие подходили к непосредственной близости, на них лили кипяток или кипящую смолу. Бойницы для ружей появились на башнях примерно в XVI веке [5, 340].

К сожалению, две страшнейшие войны за одно десятилетие на территории Чечни (имеются в виду военные действия в Чечне 1994-2000 гг.) нанесли огромный ущерб культуре чеченского народа, в том числе и уникальным архитектурным сооружениям в горной зоне края [6, 341-367].

Многие памятники в процессе указанных событий сильно пострадали или вообще были уничтожены. Никогда и нигде войны не способствовали развитию духовной и материальной культуры народов. Сегодня перед исследователями стоит важная задача: исследовать и сохранить для последующих поколений памятники уникальной башенной архитектуры чеченцев эпохи позднего средневековья.

1. Чеченцы. Отв. ред. Л. Т. Соловьева, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2012.

2. Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.: Пантори, 2004.

3. Гольдштейн А. Башни в горах. М.: Советский художник, 1977.

4. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.

5. Эльбуздукаева Т. У. Культура Чечни: XX век. Грозный: Издательство АН ЧР, 2012.

**И. А. БЕДОЕВА,
кин
(г. Владикавказ)**

ПОВСЕДНЕВНЫЕ НАПИТКИ ОСЕТИН И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОИЗВОДСТВА

В данной статье рассматриваются повседневные хмельные напитки осетин – кѳуымѳел (квас) и махсымѳе (брага), особенности их приготовления и употребления, вкусовые качества, отличительные признаки, повседневная и ритуальная значимость, а также их типологическое сходство с повседневными напитками соседних народов Кавказа.

Ключевые слова: осетины, повседневные напитки, народы Кавказа, чай.

This article is about Ossetian everyday drinks, their preparation and use, taste, distinctive signs, everyday and ritual significance, and also their typological similarities with the everyday drinks of the neighboring peoples of the Caucasus.

Keywords: the Ossetians, everyday drinks, the peoples of the Caucasus, tea.

У осетин наиболее распространѳенными повседневными напитками являются кѳуымѳел (квас) и махсымѳе (брага).

Квас (кѳуымѳел). Один из лучших знатоков быта осетин в XIX веке С. Кокиев даѳет чѳткую и яркую характеристику квасу: «Осетинский квас – напиток общераспространѳенный, прохладительный, весьма приятный на вкус, замечательно утоляющий жажду и имеющий весьма питательные свойства. Поэтому осетин чрезвычайно любит этот напиток и не обходится без него особенно летом, в жару, в рабочее время. Можно сказать, что осетин в питье воду употребляет в крайнем лишь случае и то с большею неохотой и удивляется тому, как без его квасу, на одной воде, может жить и работать его ближайший сосед, русский человек» [1, 62-112].

Приготовление кваса состояло из следующих этапов: замачивание, проращивание, сушка (на солнце) и перемалывание готового солода на ручной мельнице или жерновах.

Крупномолотый солод из ячменя, кукурузы, пшеницы, ржи или проса замачивали в тѳплой воде на несколько часов. Затем готовое сусло ставили на огонь и варили 5-7 часов. Остудив смесь, в него

добавляли дрожжи и ставили бродить на один день в тёплое место. Дрожжи в квас добавляли в небольшом количестве, иначе он закисал [2, 3, 4].

В конце брожения, когда пена начинала оседать, массу разбавляли кипятком, иногда холодной водой [5] и процеживали через мелкое сито. Затем ставили в холодное место на сутки. После этого напиток был готов к употреблению. Современные осетины в квас стали добавлять сахар [6].

В первой половине XX века осетины квас приготавливали с добавлением мяты из следующих компонентов: пшеничного и ржаного солода, ржаной муки, пивной закваски и мяты.

Солод и муку заливали кипячёной водой и часто помешивали. Когда жидкость становилась тёплой, в неё добавляли закваску и мятную воду. Затем её укутывали в тёплое одеяло и давали ей время для брожения. Время от времени её перемешивали, чтобы не дать скиснуть. Как только брожение заканчивалось, жидкость процеживали в бочку, и т.н. «мятный квас» был готов [7, 78].

Современные осетины, в частности жители горных сёл, во время приготовления кваса вместо зерновых злаков стали использовать жжёный хлеб. Например, по сообщению информанта Сони Гаевой, муку из ячменя и кукурузы смешивают с водой, варят и процеживают. Затем процеженную жидкость снова варят и добавляют в неё уже хмель со жжёным хлебом. После повторной фильтрации добавляют солод и сахар. Заквасив напиток, его процеживают третий раз, и напиток готов к употреблению [8].

В. Пфаф считал, что самый лучший квас – кукурузный [9, 141]. Для его приготовления использовали кукурузную муку среднего помола, которую заливали тёплой водой, затем накрывали тёплым одеялом и ставили для брожения на 2-3 дня в тёплое место. После брожения массу переливали в небольшой котёл и варили около 1 часа с момента закипания, иногда помешивали, не давая пригореть ко дну. Сняв с огня, её остужали до 22-25°C и заквашивали пивными дрожжами, тепло укрывали и ставили в тёплое место [10, 103].

Согласно сведению информанта Асахмата Кудзиева, кукурузную муку варят в воде, а когда масса остывает, её сжижают так, чтобы её легче можно было процедить через сито (*sacur*) [11].

В квас после фильтрации добавляют закваску вместо дрожжей,

и он начинает бродить, появляются пузыри и снова производится фильтрация. При этом остатки кваса (*кѣуыпхытѣ*) разбавляют в воде и также заквашивают. Получается ещё один вид жидкого кваса. Жидкий квас до сих пор является прохладительным напитком, утоляющим жажду, раньше его обычно употребляли во время полевых работ.

Брага (*махсымѣ*). Практически из тех же составных компонентов, что и квас, состоит брага, но она имеет свои особенности. Каковы же они? Снова обратимся к С. Кокиеву. «Брага отличалась от кваса тем, – писал он, – что её подвергали большему брожению, и поэтому она получалась более крепкой. Если квасному раствору дать больше побродить (несколько дней), то, процедив его, получают брагу (*бырѣгъ*). Она гуще первого, слаще на вкус и имеет лёгкое охмеляющее свойство» [12, 62-112].

В отличие от кваса, брага являлась ритуальным и более почётным напитком; её также, как и пиво, готовили специально для мужчин [13]. Этот напиток употребляли как во время религиозных, так и семейных праздников, а приготавливали из более густого сусла, чем квас. Это был густой хлебный хмельной напиток.

Во время приготовления браги, как и в случае с квасом, использовали ржаной, просяной, пшеничный или ячменный солод, но чаще всего кукурузный [14]. Иногда брагу делали также из картофеля [15, 159]. По сведениям информанта, брагу не процеживали, из неё часто делали «*кѣѣлуа*». Лепёшки из кукурузы заливали брагой (диг. *уѣрас*).

В процессе приготовления браги, как только начиналось брожение, сусло процеживали через сито и получали густую жидкость коричневого или жёлтого цвета [16]. Затем её плотно закрывали и ставили в прохладное место. Через 4-5 часов жидкость начинала бродить, и напиток был уже готов [17, 62]. Однако существовали и другие варианты изготовления браги, когда к сухим остаткам сусла или выжимкам самого напитка добавляли воду, дрожжи, накрывали и оставляли для брожения. Затем фильтровали через мелкое сито, плотно накрывали и ставили в прохладное место [18, 56]. В таком случае от самой браги получался менее качественный напиток, напоминающий квас. Однако бывало и наоборот, когда брагу оставляли на неделю. За это время вся её муть оседала на дне, и таким обра-

зом получали очищенную брагу (*цъæх махсымæ*), которая считалась лучшим напитком [19, 62]. В Дигории, например, брагу делали из фруктов, в частности, из дикой груши. Груши нарезали, сушили на солнце, затем перемалывали и готовили из них брагу [20].

Брага была известна и ближайшим соседям осетин. Обращает на себя внимание общность одного из её названий у осетин – *махъ-сымэ* (с кабард. – *махъсымэ*, адыгейск. – *бахсимэ*). Адыгский оттенок слова свидетельствует о культурно-исторических взаимовлияниях народов Кавказа. Наиболее известна она была у кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, адыгейцев, лакцев Дагестана.

Кабардинцы и балкарцы, делая хмельной напиток *боза*, размешивали овсяную муку в тёплой воде. Тепло укутывали и ставили на сутки. Затем варили массу в котле, периодически помешивали. Когда масса приобретала жёлтый оттенок, её снимали с огня и остужали до 30 °С. Добавляли солодовую муку, тщательно размешивали, тепло укутывали и снова оставляли на сутки. Когда начиналось брожение, процеживали через сито, заливали тёплой или кипячёной водой. Готовую жидкость плотно закрывали. Через сутки боза была готова к употреблению. Из отходов можно было приготовить квас [21, 205-206].

Кроме бозы, кабардинцы готовили ещё один национальный напиток из пшена – пшённую бузу (*ху махъсымэ*). Известен был также более крепкий вариант – *мэрэмжъей*, отличавшийся тем, что обычный напиток с добавлением мёда выдерживали в керамическом сосуде, закопав его в землю на несколько лет... Махъсымэ и мэрэмжъей могли быть красноватого и чёрного цвета, что определялось степенью обжоба сахара или мёда, добавляемого в готовый напиток. Карачаевцам и балкарцам широко известна медовая буза – *бал боза*, а также вид пива – *сыра* [22, 143-147]; о нём в своё время одобрительно отозвался Клапрот: «Их пиво (*иссра*), подобно осетинскому, лучшее на всём Кавказе и похоже на английский портер» [23, 249]. Пиво «*сыра*» балкарцы варили из ячменя или овса с прибавлением хмеля, а также квас. Из овса, пшеницы и кукурузы приготавливали бузу [24, 288].

Для приготовления адыгейской бузы – *бахсимэ*, пшеницу или кукурузу поджаривали на слабом огне до золотистого цвета и перемалывали на ручной мельнице. Готовую муку засыпали в кипящую

воду и, часто помешивая, варили до густоты. Затем массу сливали в большую посуду и давали ей остыть до тёплого состояния. Затем в неё клали размятый солод и перемешивали. После этого переливали в бочку, где масса должна была бродить. В бочку доливали остывшую кипячёную воду и, хорошо размешав, закупоривали. После первого брожения процеживали через густое сито, во второй раз – через марлю. Очищенную жидкость выливали в чистую бочку и добавляли мёд или сахар по вкусу. Бочку снова закупоривали до появления крепости [25].

Традиционный напиток лакцев – буза (*ду къра гъян*), которая до появления чая употреблялась повсеместно и весьма интенсивно. Это был слабохмельной напиток с несложной технологией производства, получаемый способом самоброжения мучной массы без добавления инородных катализаторов, в меру тонизирующий и питательный. *Молодая буза* – слабокислая и пенистая, её любили женщины.

На свадьбах и в других торжественных случаях шёл в употребление и другой напиток – медовая брага (*мачча*), имевшая сладковатый вкус и значительную крепость [26, 369].

Дрожжевые напитки, типа кваса, были известны также у грузин и армян под названием *махох*, они были популярны в горной зоне, но сейчас почти забыты [27, 48].

Следует отметить, что типологическое сходство повседневных напитков осетин с напитками соседних народов Кавказа было обусловлено одинаковыми природно-географическими условиями, единым типом хозяйства, территориальной близостью, социально-экономическими и культурно-историческими связями. Следствием тесных этнокультурных контактов соседних народов Кавказа является проникновение и заимствование друг у друга разных видов напитков через этнические границы.

Цай (чай). Социально-экономические перемены, происшедшие в России во II пол. XIX в. после отмены крепостного права и развития капиталистических отношений, существенно сказались и на культуре жизнеобеспечения осетинского народа, в частности на напитках... Эти изменения особенно затронули население равнинных сёл, у которых, наряду с традиционными напитками, в быт вошли чай, вино и водка заводского розлива.

Таким образом, к другим повседневным напиткам осетин XIX-XX вв. относится также чай. Первые упоминания о нём имеются в записях К. Коха, М. К. Гарданова, Н. Н. Харузина и А. Ардасенова.

Прежде этот напиток редко употреблялся осетинами. Приход гостя в зажиточный дом сопровождался чаепитием. По мнению Гарданова; «...чай пить приятнее, и всякого гостя им можно попотчевать» [28, 205].

В зажиточных домах гостю перед обильным угощением подавали чай, затем ему выносили пироги и варёное мясо. «Хозяин принимает нас радушно и ласково. Она заставляет свою дочь... подавать нам крепкий чай и различные печенье домашнего приготовления. После чая мы хотели лечь спать, но как «настаивал хозяин: для вас уж мы зарезали бычка» [29, 170].

Чай являлся своеобразной роскошью для каждой осетинской семьи. Считалось большой честью угостить гостя чаем. Ардасенов писал: «...Горец всегда предлагает чай, ибо хотя он очень беден, но честь ему дороже всего на свете: пусть никто не думает, что такой-то Магомет или Бимболат не умеет принять своих гостей, что у него нет чем обласкать, угостить и отправить с честью гостя: «Я буду сам за кулисами жевать чёрствый хлеб с сыром или водой (так он и делает), а для гостя найду всё приличное!» [30].

Итак, повседневные напитки, за исключением чая, составляли особый компонент системы питания и играли важную роль в жизни осетин. Они выступали и как повседневные прохладительные, и как ритуальные напитки, сопровождали любое застолье в праздничные дни, как в домашней обстановке, так и в традиционных местах общих молений.

1. Кокиев С. Записки о быте осетин / Под ред. В. Ф. Миллера // Сборник материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее (СМЭДЭМ). 1885. Вып.1. №1.

2. Полевой материал: Зураев Фидар, 1928 г.р., с. Урсдон, Дигорский р-н, 2012.

3. Полевой материал: Салагаев Созур, 1929 г.р., с. Стур-Дигора, Ирафский р-н, 2012.

4. Полевой материал: Чегаев Максим, 1935 г.р., с. Куссу, Ирафский р-н, 2011-2012.
5. Там же.
6. Полевой материал: Гаджиева-Бурнацева Нина, 1932 г.р., с. Кирово, Ардонский р-н, 2012.
7. Бритаев Султан. 200 блюд и напитков. Поварская книга для кооперативов, колхозных столовых, а также для отдельных хозяйек. Владикавказ, 1931.
8. Полевой материал: Калоева-Гаева Соня, 1935 г.р, с. Горная Саниба, Пригородный р-н, 2012.
9. Пфаф В.Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Т.2. Тифлис, 1872.
10. Дзахоева Е.М., Чшиев Х.Д. Осетинская кухня. 2-е изд. Орджоникидзе: Ир, 1980.
11. Полевой материал: Кудзиев Асахмат, 1937 г.р., с. Дзуарикау, Пригородный р-н, 2012.
12. Кокиев С. Записки о быте осетин / Под ред. В.Ф. Миллера // Сборник материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее (СМЭДЭМ). 1885. Вып.1. №1.
13. Полевой материал: Калоева-Гаева Соня, 1935 г.р, с. Горная Саниба, Пригородный р-н, 2012.
14. Полевой материал: Чегаев Максим, 1935 г.р., с. Куссу, Ирафский р-н, 2011-2012.
15. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1924. 232 с.
16. Полевой материал: Чегаев Максим, 1935 г.р., с. Куссу, Ирафский р-н, 2011-2012.
17. Мисиков М.А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: арвАсин, 2011. 157с.
18. Канукова З.В. Традиционная осетинская пища. Владикавказ, 2005. 58с.
19. Мисиков М.А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: арвАсин, 2011. 157с.
20. Полевой материал: Сакиев Сергей, 1926 г.р., с. Кора, Дигорский р-н, 2012.
21. Кавказская кухня. СПб; 1992 г. 384с.
22. Яхтанигов Х.Х. Об обрядовой пище кабардинцев в период

тавления скота (XIX – начала XX века) // Общественный быт адыгов и балкарцев / Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт (КБНИИ), ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик, 1986. 179 с.

23. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., ред. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. 634 с.

24. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.

25. Адыгейская буза – бахсимэ / Чугунок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.4ugunok.ru/?recipe=541> (дата обращения: 27. 10. 2013).

26. Народы Дагестана / Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (РАН ИЭА), Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (ИИАЭ ДНЦ РАН). М., 2002. 588 с.

27. Народы Кавказа (книга 4). Материальная культура. Пища и жилище. М., 1995. 295 с.

28. Гарданов М.К. Селение Христиановское в фактах жизни // Известия Осетинского научно-исследовательского Краеведения (ИОНИИК). Вып.1. 1925. С. 49-89.

29. Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа / Журн. Вестник Европы. Т.6. Спб., 1888.

30. В.-Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. «Народное обозрение». 1896. № 4216.

А. Ш. АЛИСУЛТАНОВА,
старший преподаватель ЧГУ
(г. Грозный)

О САКРАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКОМ СУЩЕСТВ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

В статье обосновывается сакрализация человеком существ окружающего мира, приводятся примеры поверий, примет и ритуалов вайнахов, связанных с животными, птицами, рыбами, насекомыми и с наделением их сверхъестественными силами, положительно или отрицательно действующими на человека.

Ключевые слова: сакрализация; почитание; пережиточные явления; оберег; магия.

The article substantiates the sacralization by man of the surrounding world beings, gives examples of beliefs, signs and rituals of Vainakhs related to animals, birds, fish, insects and giving them supernatural forces that positively or negatively affect a person.

Keywords: sacralization; veneration; vestigial phenomenon; amulet; magic.

Жизнь человека самым тесным образом была связана с природой, с определенными видами животных, на которых он охотился, которых приручал и одомашнивал [1, 308].

Каковы бы ни были генетические корни пережиточных явлений, мы имеем дело с сакрализацией животных, птиц, рыб, насекомых, наделением их особыми, сверхъестественными силами, положительно или отрицательно действующими на человека.

В быту чеченцев и ингушей существовал в прошлом *ритуал поедания черной курицы и захоронения ее костей для изгнания нечистой силы из тела больного*. Оберегом от дурного глаза являлась косточка (ключица) курицы. По мнению чеченцев, кости чёрной курицы, чёрного кота и др. животных и птиц чёрного цвета якобы обладают магической силой.

Много интересных легенд и преданий, пословиц и поговорок, позволяющих проследить почитание той или иной особи животного мира, распространено среди вайнахов и в настоящее время.

К примеру, поговорка о баране «скрутить в бараний рог» – *уьстаг1 ма1аш санна хьовзо* – означает слишком сложные обстоятельства, поставленные кем-либо; давший быка на убой не выпросил и лёгкие на жаркое – *бен сту белча, батта пах ца белла*; кот, не дотянувшийся до курдюка, сказал, что он не вкусный – *дуьме ца кхаьчначу цициго аьлла, д1абаккхяхь д1а, дика а хир бацара иза-м!* Волка ноги кормят – *борз шен когаша кхобу*.

За всеми явлениями природы древние народы стремились разглядеть персонифицированную сверхъестественную мифическую силу, которая часто представлялась в образах животных: барана (*уьстаг1*), коня (*говр*), быка (*старг1а*), медведя (*ча*), птицы (*олхазарш*) и т.д., и произошедшее толковали как результат деятельности этой силы.

Заметим, что самые интересные поверья и приметы у народов связаны также с животными и птицами. Ср., например, у кавказцев, в том числе вайнахов: протяжный вой собаки по ночам – к смерти человека; если кошка моется левой лапкой – к непогоде, правой – к ведру; если кошка уходит из дома – уходит с ней и счастье; лошадь ржет – к хорошим вестям; муравьи в доме – к счастью; убьешь лягушку – вызовешь дождь – «небо плачет по священной лягушке»; застрекочет вблизи жилища сорока – быть гостю; запоеет курица пестухом – быть несчастью [2, 309].

Особый интерес вызывает приводимое Б. Гатиевым народное поверье осетин, по которому медведь (*ча*) «когда-то был женщиной, которую Бог за дурные дела превратил в медведя, и потому он не опасен для женщин. Если бы против чаяния медведь вздумал напасть на женщину, то следует остановиться и обнажить свою грудь, и он, узнав, что это женщина, не тронет ее» [1, 347].

Сохранилось немало притч и легенд, связывающих волка с магией. Считают, что сухожилие волка обладает магической силой – с его помощью можно обнаружить вора, а кончик волчьего хвоста таит в себе чары присухи. Волка, совершавшего набег, не ругают – с этим фактом можно встретиться и в настоящем.

Аспирантке Б. А. Салаевой удалось записать легенду, в которой *борз* «волк» оправдывается, в ней же и запрещается его проклинать: «Некогда один раб (*лай*) пас овец богача. Пришел к нему волк и стал просить овцу. Пастух отказал, сославшись на то, что он не хозяин

овец». «Я посторожу, а ты спроси у хозяина, он непременно даст», – сказал волк и произнес клятву, которой пастух не смог не поверить: «Пусть меня настигнет грех, который должен покарать хозяина, обманувшего гостя, сказав, что накормил его коня, оставив его ненакормленным, если я до твоего возвращения трону хоть одну овцу». Пошел раб и спросил хозяина. Богач велел отдать волку три овцы, но пастух, скрыв двух, отдал лишь одну. Уходя, волк крикнул: «Пусть эти две овцы будут долгом для человека. Во все времена человек будет моим должником». Вайнахи считают, что волк, совершив набег, забирает лишь свою долю, некогда утаенную рабом [2, 311].

Большим почитанием у всех народностей Кавказа пользуется *говр* «лошадь», незаменимый помощник в хозяйстве и верный друг горца в его трудных дорогах. Известно, что череп лошади служил талисманом-оберегом от дурного глаза на пчельнике. Подкова – амулет счастья у многих народов. Лошадь занимала видное место в обряде погребения у вайнахов. Обычно после похорон дольше всех задерживаются на кладбище близкие и родственники усопшего, а у могилы воина оставляют его коня.

У вайнахов *старг1а* «бык» жертвенное животное, приносимого в жертву в дни праздника Курбан-Байрам, считался символом плодотворности. В погребальном обряде чеченцев, после смерти человека, приносят в жертву *етт* «корову» или быка, затем мясо раздают односельчанам.

Корова (*етт*) – наиболее почитаемое из домашних животных, требует особой защиты от нечистой силы, способной забрать молоко.

Много народных способов лечения бездетности было у чеченцев; в частности женщину, без её ведома, кормили жареными или отваренными семенниками быка (*старг1а*), барана (*уьстаг1*). С первобытным тотемизмом связаны также овцы (*уьстаг1уй*).

Исторические источники – письменные и вещественные – сохранили для нас свидетельства почитания *уьстаг1уй* «овец» почти всеми народами.

Когда пророк Ибрагим (Авраам) хотел принести в жертву сына, Бог посылал ему барана. Аллах завещал пророку Ибрагиму вкушать мясо барана и делиться этим мясом со всеми, кто нуждается.

У многих народов существовали магические заклинания, связанные с овцой. К примеру, глазные заболевания лечили следующим

заклинанием: *«Из черной шерсти, из белой шерсти с этой стороны ты спрядешь; семь и семь узлов ты завяжешь; заговор ты прочтешь, узел из черной шерсти ты привяжешь на больной глаз; узел из белой шерсти ты привяжешь на здоровый глаз».*

Считается, что недоношенный ребенок выживет, если завернуть его в нестиранную шерсть [1, 313].

Особо следует сказать о птицах. У вайнахов много поверий, связанных с птицами. В народном фольклоре птица является воплощением чистоты и доброты. Птичьи и звериные имена даются вайнахами в семье, где умирают дети. Например, Павлин – ж.и. (*Таус*), Лев – м.и. (*Льома*), Сокол – м.и. (*Леча*), Бабочка – ж.и. (*Полла*), Ястреб – м.и. (*Куьйра*), Волк – м.и. (*Борз*). Бытует поверье, что имя птицы или зверя оберегает ребенка от злого духа, от смерти.

У вайнахов особым почитанием пользуются *ч1ег1ардиг* «ласточка», *цициг* «кошка». Грешным считается дом, где ласточка не сохнет гнезда; существует много легенд о ее доброте и мудрости. «Послал человек ласточку за самой сладкой сладостью. Она принесла человеческий язык. Послал он ее за самой горькой горечью. Опять принесла она тот же предмет. Удивился человек: «Почему ты оба раза принесла одно и то же – человеческий язык»? «Да, это язык человека, – ответила птица, – он может быть горше горечи и слаще сладости, в зависимости от того, как им говорить» [2, 314].

Вот, к примеру, легенда с известным религиозным сюжетом: «Как был спасен пророк Мухаммад ласточкой и кошкой».

Шел как-то пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, и увидел горящее дерево. Из его дупла за помощью обратилась змея. Она просила спасти ее от огня. Пожалел ее Пророк, вызволил из огня, положил себе за пазуху и пошел дальше. Вскоре змея пришла в себя, быстренько прогрызла дыру в животе Пророка и заползла во внутрь. Там она стала кусать сердце и печень.

Лежит Пророк и чувствует, что умирает. Некому его спасти. И тут на помощь пришли кошка и ласточка. Сев рядом с Пророком, ласточка начала рассказывать чудесные сказки. Они были настолько интересными, что змея, чтобы лучше их слышать, слегка высунула головку изо рта Пророка. Сидевшая наготове кошка ловко поддела змею когтями, вытащила и убила ее. Подыхая, змея поклялась:

– С этого дня мое потомство будет разорять гнезда ласточек и подстерегать и жалить котят.

Пророк Мухаммад, да благословит Его Аллах и приветствует, тогда сказал, обращаясь к кошке и ласточке:

– С сегодняшнего дня вы будете жить с человеком. Тебе, кошка, я дам вдоволь еды, и ты будешь ласкать детей. Тебе, ласточка, я позволю лепить гнездо в любом доме, какой бы веры и какого бы племени ни был его хозяин.

С тех пор кошку и ласточку почитают все, и живут они в домах людей [3, 234].

У всех народов мира к животным и птицам особое уважение. Их почитают и оберегают.

1. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990.

2. Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 2004.

3. Нунуев С.-Х. М. Чеченцы. М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2008. (Серия «Культурное наследие народов России»).

V. ФИЛОЛОГИЯ

Ф. О. АБАЕВА,
кфн, снс СОИГСИ им В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

О НАЗВАНИЯХ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ ТРУДА (на материале «Осетинско-русско-английского словаря» Т. А. Гуриева)

В статье выявляются характерные особенности содержания названий орудий труда, широко представленных в «Осетинско-русско-английском словаре» Т. А. Гуриева. Раскрываются их этносемантические особенности в осетинском, русском и английском языках; за основу берутся осетинские этнографизмы, которые подвергаются анализу с целью определения их эквивалентности в двух других лингвокультурах.

Ключевые слова: осетинский язык; отраслевая лексика; ремесленная лексика; специальная лексика; земледельческая терминология; орудия труда.

This article reveals the characteristic features of displaying of the content of the Ossetian agricultural lexis (names of the tools), which is widely represented in the «Ossetic-Russian-English Dictionary» by Tamerlan Guriev; its ethnosemantic features are revealed in Ossetic, Russian and English, where Ossetic ethnographisms are taken as a basis and are analyzed for the purpose of determining their equivalence in the other two linguistic-cultures.

Keywords: Ossetic, industry-specific lexis; handicraft lexis; special lexis; agricultural terminology; labor tools.

В исследовании рассматриваются ремесленные термины, относящиеся к земледельческой терминологии осетинского языка. Анализу подвергаются названия орудий пахотного труда, применявшиеся в недалеком прошлом (XVIII-XIX вв.) осетинами, дается их лексико-семантический разбор, распределение наименований пахотных орудий производится в работе на основе качественной характеристики реалий (деревянные, металлические и т.д.).

Основным источником лексических примеров явился «Осетинско-русско-английский словарь» Т.А. Гуриева, откуда анализируемый материал извлекался методом сплошной выборки, поскольку словари такого типа как наиболее существенный инструментальный межкультурного характера дают возможность лингвистам проводить контрастивный тематический анализ лексики.

Огромное значение, на наш взгляд, имеет паремиологическая составляющая словарных статей данного Словаря, соотносимая с названиями пахотных орудий труда осетин. Он содержит слова, словосочетания и фразеологические единицы современного осетинского литературного языка, архаизмы и историзмы.

Трехязычный словарь, который является в определенной степени хранилищем слов осетинской культурно-бытовой, материальной, социальной и духовной сфер жизни народа, может явиться огромным подспорьем в межкультурных и междисциплинарных научных изысканиях.

Автор поставил перед собой задачу выявить абсолютные и частичные эквиваленты анализируемых ремесленных терминов в трех языках для определения схождений и расхождений в лексико-семантических группах в сравнительно-сопоставительном русле. На основе отраслевой лексики трех разноструктурных языков и ее лингвосемантического анализа выявляются универсальные лингвистические реалии и их лингвокультурологические особенности.

Основными занятиями древнего населения Осетии были земледелие и скотоводство, доказательством чему служат обнаруженные на территориях горной и равнинной Осетии «разнообразные сельскохозяйственные орудия (бронзовые серпы, мотыги, зернотерки и т.д.), датируемые I тысячелетием до н.э. Уже тогда жители предгорных равнин выращивали хлебные злаки, применяя «грубые деревянные плуги» [12, 70].

Известные ныне сельскохозяйственные орудия (серпы, пестики, зернотерки, небольшие примитивные каменные жернова), зерновые ямы и т. д., были найдены в скифских поселениях в центральной части Северного Кавказа, что свидетельствует «о развитии здесь плужного земледелия» [12, 70]. Следовательно, изучение лексики и терминологии является актуальным в связи с ускоренным измене-

нием быта народа, с исчезновением определенного занятия, промысла, естественно, утрачиваются и слова, имеющие к ним отношение, либо меняются их значения.

Данный пласт словарного фонда осетинского языка может быть структурирован по лексико-семантическим группам, исходя из следующих признаков: а) материал, из которого они изготовлены; б) способ применения (ручной, полуручной, автоматизированный (фабричный)); в) общность происхождения.

Ограниченные рамками статьи, мы остановились на лексико-семантической группе «названия орудий пахотного труда» с признаком «а) материал, из которого они изготовлены». В результате получилась классификация: 1) «термины деревянных пахотных орудий»; 2) «термины железных пахотных инструментов»; 3) «термины пахотных орудий из камня»; 4) «термины пахотных орудий из растительных или животных волокон».

Распределенные подгруппы слов даются нами в таблицах №№ 1-4, на трех языках (осетинском, русском, английском).

Таблица №1. «Термины деревянных пахотных орудий»

Осет.	Русск.	Англ.
адæг	деревянная борона, горская борона	wooden harrow, mountain harrow [14, 21]
цæвæгхъæд	ручка косы	handle of a scythe [15, 510]
къæбæлдон	ящик при плуге	case, chest (on the plow) [14, 513]
дзывыр	соха	wooden plough [14, 402]
гуылус	рукоятка сохи	handle of a plough [14, 351]
сагой	вилы	pitchfork, fork [14, 186]
халамæрзæн	грабли	rake [15, 415]
пахса д.	грабли	rake [15, 122]
хæдз	приспособление для кручения верёвки (из травы, грубой шерсти); крюк, крючок	device for twisting ropes (of grass, coarse wool); hook [15, 423]
хадзонæг	крюк	hook [15, 414]
æфсондз	ярмо	yoke [14, 234]
тамасхан	нижняя перекладина ярма	lower crossbeam, crossbar of a yoke [15, 266]
гутон	плуг (деревянный)	plow [14, 349]
дзомс	инструмент, которым очищают лемех плуга от земли	ploughshare cleaner, device for cleaning a ploughshare from earth [14, 399]

<i>къахæн тæрх</i>	долбёжный станок	grooving, slotting; slotter, slotting machine [14, 512]
<i>стивдз</i>	шкворень (часть ярма. – Ф. А.)	pin, drawbolt, coupling, pin, pivot [15, 235]

Таблица №2. «Термины железных пахотных инструментов»

Осет.	Русск.	Англ.
<i>æхсырф</i>	серп	sickle [14, 242]
<i>хосгæрдæнмашинæ</i>	сенокосилка	mowing machine [15, 454]
<i>æфсæн</i>	лемех	plowshare [14, 232]
<i>дзыргъа</i>	нож плуга, сошник	ploughshare [14, 404]
<i>пох</i>	грядиль плуга, дышло	plow beam; pole, beam, shaft, thill [15, 128]
<i>найгæнæнмашинæ</i>	молотилка	thresher, threshing machine
<i>цæвæг</i>	коса	agr. scythe
<i>къæпи</i>	мотыга; тяпка	chopper, hoe, pickaxe [14, 517]
<i>рувæн</i>	инструмент для прополки (напр., тяпка, мотыга)	tool for weeding (e.g. hoe, mattock) [15, 180]
<i>похци</i>	борона	harrow [15, 128]

Таблица №3. «Термины пахотных орудий из камня»

Осет.	Русск.	Англ.
<i>сигæц, сигæцдур</i>	оселок, точильный камень	whetstone, hone, oilstone [15, 217]
<i>саудур</i>	оселок	whetstone, hone, oilstone [15, 193]
<i>ссон</i>	точильный камень	whetstone [15, 232]
<i>къахæн</i>	кирка	pick, pickax (e), hoe [14, 512]

Таблица №4 «Термины пахотных орудий из растительных или животных волокон»

Осет.	Русск.	Англ.
<i>мæхъи</i>	подставка из берёзовых прутьев под копами сена	a support made of birch twigs under haycock [15, 49]
<i>сæрбос</i>	налыгач (верёвка или ремень, надеваемые на рога вола, чтобы править им)	lead, reins (fastened to the horns of an ox) [15, 205]

Следует отметить богатые фразеологические иллюстрации по исследуемой теме: напр.: *цæвæг дурыл сæмбæлд* нашла коса на камень *diamond cuts diamond; the scythe struck the stone; цæвæг æмæ*

кæрдæг иумæ нæ фидауынц о чём-л. несовместимом *the incompatibles* [15, 510]; *халамæрзæнау йæхимæ ссивы* он гребёт под себя *he is looking out for number one*; *æхца халамæрзæнæй ссивын* грести деньги лопатой *to rake in the shekels* [14, 415]; *дæ хуымы кæроны мæ ссардтай?* я что у тебя на грядке вырос? *I was not born yesterday; nobody's fool; no common trash; I know what's what*; *хуымы уалдзæг куыд байтауай, фæззæг дзы афтæ 'рзайдзæн* что посеешь, то и пожнёшь; как поведёшь себя, таковы будут и последствия твоего поведения *as you sow you shall mow; as you sow, so shall you reap; we reap as we have sown; as you brew, so must you drink* [15, 461]; *искæуыл хæрæгау хуым (ба) кæнын* заставить кого-л. делать каторжные работы *make smb do a convict's /hard labour* [15, 461]; *зæххы бын хуым кæны* он действует тишком *he acts on the sly/by stealth/surreptitiously* [15, 461]; *уымæн йæ хуымгæнд зæххы быны ис* его козни трудно распознать *his intrigues/schemes are well-hidden* [15, 461]; *хæрæгæй хуым бакæнын* безобразничать *behave disgracefully/outrageously* [14, 264]; *уымæн йæ хуымгонд дæлдзæхы ис* орешек не по зубам; к нему трудно найти подход *he is a hard nut to crack; it's difficult to approach him* [14, 363]; *уымæн йæ хуымгæнд зæххы быны ис* его козни трудно распознать *his intrigues/schemes are well-hidden* [15, 462].

Вышеприведенные примеры из Словаря обращают на себя внимание тем, что в нем представлены абсолютные эквивалентные фраземы, дающие основания для вывода о схожем представлении и о степени важности данных реалий в мировоззрении трех народов.

В Словаре обнаружено большое количество слов и словосочетаний с доминантой *хуым*, этимологическая принадлежность которой возводится к европеизмам и ведет к «лат. *humus* земля» [2, 261].

Этнографизм *хуым* пашня, поле *field, arable land* [15, 461] является центральным по своему значению в лексико-семантической группе, что иллюстрируется количеством примеров, выбранных нами из Словаря, а его лексическая парадигма свидетельствует о высоком значении земледельческого промысла не только у осетин, но и у русских и англичан; ср.: *хуым* пашня, поле *field, arable land* [15, 461]; *хуым кæнын* пахать *plough, till* [15, 461]; *хуым ласын* бороновать *harrow* [15, 461]; *хуым кæрдын* жать *reap, crop, mow* [15, 461]; *хуымтæм хъацæнтæй базилын* удобрить поля *fertilize/manure/dung fields* [15, 461]; *хуымгæнæг* пахарь *ploughman* [15, 461];

хуымгæнæн пахота tillage [15, 461]; **хуымгæнд** пашня, вспаханная земля, запашка field, arable land, ploughed land, tillage, tilth [15, 461]; **хуымгæрдæг** жнец reaper, harvester [15, 461]; **хуымгæрдæн** жатва; время жатвы reaping-harvest; harvest season/time [15, 461]; **хуымгонд** пашня field, arable land [15, 461]; **хуымдзау** жнец; пахарь reaper, harvester; ploughman [15, 461]; **хуымзæхх** пахотная земля, пашня arable land, field [15, 461]; **хуымон** земледелец; работающий в поле; farmer, cultivator, agriculturist; полевой field [15, 462]; **фаджысджын хуым** унавоженное поле; навозный manured field [15, 388]; **хуым бакæнын** вспахать поле plough, till a field [14, 264]; **бахуым кæнын** запахать plough down [14, 294]; **дывæлдæхт хуым** участок, вспаханный два раза plot, patched/plowed twice [14, 384]; **конд хуым** вспаханный участок plowed plot 493; **къуыбарджын хуым** плохо вспаханная земля, с комками badly ploughed soils with clots/lumps [14, 526]; **ахуым кæнын** вспахать; разбить грядку plow up, till; make a vegetable patch [15, 86].

В.И. Абаевым замечено, что «земледельческие термины осетин почти сплошь идут из европейских языков: *fsonz* «ярмо», *stīvz* «часть ярма», *zyvyr* «соха», *cæd* «пара быков в упряжке при пахоте», *adæg* «борона», *fsīr* «колос», *xsyrf* «серп», *tillæg* «урожай», *fæxt/fæstæ* «сту-па» [2, 261].

В составе земледельческой терминологии осетинского языка прослеживается и кавказский субстрат, что свидетельствует об определенных взаимозаимствованиях реалий, следовательно, и лексики. В.И. Абаев относит его к более новому пласту, воспринятому у соседних народов. Кавказизмы встречаются в осетинском языке наряду с древними элементами: напр., «название плуга *guton/goton* – кавказизм; ср. груз. *gutani*, чечен. *gotan*, аварск. *kutan*, арм. *kutan*, курд. *kotan*, перс. *kutān*; *poхci* «борона», груз. *poхci*, ????

Интересно, что два названия бороны – диг. *asojnæ* и ирон. *adæg* – относятся к старым индоевропейским словам [3, 59].

Таким образом, основной лексический пласт пахотного ремесла осетинского языка европеизмы и кавказизмы.

Считается, что основные типы земледельческих орудий определяли географические условия (особенно рельеф местности). Вот почему наиболее древним и распространенным видом пахотного орудия в горах до недавнего времени был вполне совершенный

для этих мест **дзывыр (дзыбыр)** [16, 121]. По Б. А. Калоеву, перешел к осетинам от алан. Наличие почти такого же орудия у балкарцев и карачаевцев и общие для всех названия его частей <...> может служить ярким подтверждением этому. Горное орудие, имевшее близкие аналогии с дзывыром, было широко распространено и у других горцев Северного Кавказа. Дзывыр, который вспахивал неглубоко, был приспособлен к природным условиям гор с их тонкослойными, часто искусственно созданными почвами [12, 76].

Одним из главных орудий пахотного труда осетин был **гутон** «плуг». Ярким примером этому может стать стихотворение выдающегося осетинского поэта и прозаика Сека Гадиева:

Гутон

Уæ мæ гутон, мæ гутон!
Дæ галтæ сты къуыбырсы,
Адæмæн дæ æлутон, –
Дæ базыр зæхх ныббырсы.

Плуг

О, плуг мой, плуг мой!
Буйволы твои – крутороги.
Для людей ты – алутон, –
Крыло твоё землю рыхлит.

Де ‘фсæн, дæ дзыргъа – æндонæй,
Хъарман’ хъæдæй – дæ гинон,
Зæхх фæлдахыс æнцонæй, –
Афæйлау æй, нæхион! [11, 30].

Лемех твой, твой сошник – из стали,
Из древесины вяза – стойка.
Землю переворачиваешь без труда, –
Развороши её, родной! (перевод наш. –
Ф. А.)

В народном осетинском творчестве известно немало песен, связанных с пашней и непосредственно с плугом.

В представленных выше таблицах с лексическими примерами, извлеченными из «Осетинско-русско-английского словаря» Т. А. Гуриева, зафиксирована не вся пахотная лексика.

Ниже приводим выявленный нами в этнографической литературе лексический материал, который, к сожалению, не зафиксирован в рассматриваемом Словаре. Ср.: **нымæтын агъуд** войлочный футляр для точильного камня; **хосбæндæн** веревка для сена; **фæсалбæндæн** веревка для сена; **гæркъа** деревянное кольцо для веревки для натягивания [1, 515]; **гæркъуздыхæн** палка, которой стягиваю веревку [1, 515]; **хъæсдарæн** приспособления для отбивания косы; **цæвæджы дур** камень для оттачивания косы; **глуш** рукоятка плуга; **цæвæгцыргъæнæн** точильный камень; **немыцаг гутон** немецкий плуг; **гутони** грузинский плуг; **гинон** верхняя часть сохи; **арм** дышло плуга; **фæйнæг** подошва плуга; **гусли** задняя часть плуга;

найгæнæн хъил; ламгам серп; *æнгуылдзытæ* деревянные пальцы для жатвы; д. *елцæггæнæн* зерноотерка; *елцæг кæнæн* зерноотерка [1, 411].

Итак, проведенный анализ подвел нас к выводам, представляющим интерес для дальнейшего исследования темы.

Описание реалий, связанных с трудовой деятельностью народа, имеет первостепенное значение для определения различных отраслей материальной культуры. Оно необходимо также для изучения, фиксации и сохранения слов, их обозначающих поскольку, как известно, социально-бытовая жизнь людей неизменно меняется, развивается, соответственно лексика устаревает и вовсе выходит из активного, а со временем и пассивного оборота.

Нам удалось выявить, что применяемые в более ранний период пахотные орудия были изготовлены из камня и древесины, в более позднее время основным материалом, из которого делали инструменты, приспособления для пахоты, сборки урожая и т.п., стал металл.

Лексико-семантическая группа «названия орудий пахотного труда» включает европеизмы, кавказизмы и иранизмы.

Лексиконы, подобные «Осетинско-русско-английскому словарю» Т.А. Гуриева имеют неоспоримое значение для сравнительно-сопоставительных исследований и являются основным средством, с помощью которого возможно взаимодействие между представителями различных лингвосообществ.

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л.: Наука, 1989.

3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

4. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин лексика, семантика, символика: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Сев.-Осет. Гос. Ун-т им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2013.

5. Бесолова Е.Б. Об основных тенденциях формирования и раз-

вития терминологической лексики осетинского языка // Осетиноведение: история и современность I Международная научная конференция. 1991.

6. Гутиева Э.Т. Рефлексы корня *хът*/adam/адæм в осетинском языке // Известия СОИГСИ Вып. 21 (60), 2016.

7. Гутиева Э.Ш. Коста Хетагуров и общественно-культурная среда Осетии // Коста и мировой историко-культурный процесс. Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. 2014.

8. Дарчиева М.В. Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2017.

9. Дауева Т.Т. Регулирование общественных отношений осетин в XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2016. №15.

10. Дзлиева Д.М. Парные пляски в традиционной культуре осетин Opera musicological. 2013 №3 (17).

11. Ирон литературæйы антологий. Гæдиаты Секъа. Æвзæрст уацмыстæ. Цхинвал: рауагъдад «Республика», 2011.

12. Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографическое исследование). М.: «Наука», 1971.

13. Канукова З.В., Федосова Е.В. Этнокультурное пространство Северной Осетии: монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.

14. Осетинско-русско-английский словарь. Часть 1 / Под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013.

15. Осетинско-русско-английский словарь. Том 2 / Под ред. Т.А. Гуриева. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015.

16. Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.: Наука, 2012.

М. Б. БУТАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЭВФЕМИЗМОВ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается происхождение эвфемизмов с использованием возможностей современного осетинского языка; определяется связь языка с мировоззрением народа, даются примеры табу и эвфемизмов.

Ключевые слова: языковое табу, эвфемизм, запрет, обычай, духовная культура.

The euphemisms of the Ossetic are considered in the article; attempts to analyze their origin using the capabilities of the modern Ossetic language; defined connection between language and worldview of the people, examples of taboos and euphemisms are also done here.

Keywords: language taboo; euphemism; prohibition; custom; spiritual culture.

Эвфемистические единицы составляют специфический пласт лексики осетинского языка, и их изучение является важной составляющей системного представления о культуре осетин. Выявлено, что большинство эвфемизмов восходят к древнеиранскому языку, что подтверждает архаичность их возникновения.

Но встречаются в языке осетин эвфемизмы, происхождение которых поддаётся объяснению с помощью современного осетинского языка. Часть из них чаще всего указывает на внешние признаки и виды предметов, а другая – на их предназначение.

Самое простое происхождение у эвфемизмов, связанных с животным миром. Среди них наиболее яркие – эвфемизмы языка охотников. Например, для животного *бирæгъ* «волк» в языке охотников существует несколько эвфемизмов: *дæргъдым* «длиннохвостый»: образован путем сложения прилагательного *даргъ* «длинный» с существительным *дым* «хвост»; *цъæхкæрцджын* «серошубый» < при-

лагательного *цъæх* «зеленый» + существительное *кæрц* «шуба» + суффикс *-джын*, указывающий на наличие чего-либо; *ирддзæст* «с вытаращенными глазами», «ясноглазый» < прилагательного *ирд* «ясный» + существительное *цæст* «глаз»; *къуыбырхъус* «корноухий» < прилагательного *къуыбыр* «небольшой» + существительное *хъус* «ухо» и др. Все эти эвфемизмы вкпе характеризуют с разных аспектов объект охоты – хищника «волка» *бирæгъ*.

– *Нал фæцæудзынæ, къуыбырхъус, мæ сæгътæ цы фесты, уымæй дæ чи бафæрсдзæн, уый – а лæппу, Къобли* – (букв.: Не уйдешь больше, корноухий, кто тебя спросит, куда делись мои козы, это я, Къобли) [1, 67].

Происхождение части эфимизмов связано с брачными отношениями. Интересна этимология эвфемизмов *каус* и *хургом*. Родственников жены (свойственников) и непосредственно тестя осетин до сих пор называет словом *каус*. Исследуя его этимологию, В. И. Абаев приходит к выводу, что, возможно, лексема *каус* представляет собой эвфемизм и образован путем сложения двух существительных *ка* «кто» и *ес/ис* – «есть», т.е. некто [2, 568].

Эвфемизм прочно вошел в лексику современного осетинского языка. Он часто встречается и в устном народном творчестве, в частности в песне «Цола»:

*Ой, Цола, Цола хъазтмæ нæ цæуы.
Уæрæйдæ, дæ каустæм цы хордтай?
Уæрæйдæ, хъайлаимæ хæбизджын.
(букв.: Ой, Цола, Цола на танцы не идет.
Уарайда, что ел у свойственников?
Уарайда, с яичницей пирог)* [3, 484].

Эфемизм *хургом*, означает для женщины «дом мужа». По В. И. Абаеву, *хургом* – сложное слово < сущ. «хур» – «солнце», «счастье» + «гом»/«гон» – «вблизи чего-либо». Буквальное значение эвфемизма *хургом* «вблизи солнца, «вблизи счастья». Вероятно, появился при переходе к патрилокальной семье и призван был приукрасить новое, подчинённое, положение женщины [2, 248].

З.А. Битарова отмечает в своем исследовании, что «в живой разговорной речи слово *хургом* почти не встречается. Во всяком случае, осетинскому языку непривычны такие выражения, как *йæ*

хургоммæ ацыдис – «ушла в дом мужа», или йæ хургомæй æрбацыд» – «пришла из дома мужа» [4, 58].

Осетины, как и многие народы мира, с опаской и осмотрительностью относились к болезням. Многие из названий болезней подвергались табуированию. Но, как утверждают сами осетины, общим эвфемизмом для всех болезней выступало слово *цин*. Доказательство тому – эвфемизм *фæстинон*, означающий «состояние после болезни», «выздоровление».

По В. И. Абаеву, слово состоит из приставки *фæс-*, основы *цин* и суффикса *-он*, где в основе после «с» произошёл переход в «т», что характерно для осетинского языка, и означает буквально «после радости» [2, 464]. В современном осетинском языке слов встречается нечасто. Пример находим в пословице: *Фæстинон хæраг у* (букв.: Выздоровливающий много ест) [5, 334].

Особой осторожностью проявляется у осетин и к понятиям, связанным со смертью.

В дигорском диалекте осетинского языка понятие «обморок» заменяется эвфемизмом *нæлуæг*. В. И. Абаев, исследуя это слово, приходит к выводу, что *нæлуæг* состоит из двух основ: «*мæл*», с эвфемистической заменой «м» на «н», от глагола *мæлын* «умирать» и *уаг* «образ действия» и имеет значение «подобие смерти» [2, 168]. Пример употребления этого эвфемизма находим в дигорской легенде «Песня Туганова Татаркана»:

– *Кудæй, Къуадзуги-фурт, тогмæсор мæ ку худтай, 'манур нæлуæг кунæ кæнун!* (букв.: Ну как, сын Куадзуга, ты называл меня падающим в обморок от вида крови, а сейчас в обморок не падаю) [6, 172].

В осетинском языке появились эвфемизмы, предназначение которых – смягчить названия некоторых частей человеческого тела и связанных с ними действий. Такими эвфемизмами являются *хордзон* и *дондзон*.

По В. И. Абаеву, *хордзон* является эвфемистическим выражением понятия *сыдз* «анус», и состоит из существительных *хор* «хлеб» + *цæуæн* «проход», букв. «проход для хлеба» [2, 217].

Эвфемизм *дондзон* «мочевой канал» образован из < существительного «дон» – «вода» + сущ. «цæуæн» – «проход», букв. «акведук», «водопровод» [2, 368].

Употребление этих слов связано с животными: *Фыд райхæлдта*

хæцъилы баст, æркаст фыры дондзон æмæ хæлцонмæ, æмæ кæрон нал уыди йæ цинæн – (букв.: Отец развернул тряпку, посмотрел на мочевого канал и рубец барана, и его радости не было конца) [6, 276].

– *Уый фæстæ кусартæн йæ хуылф риуыгуыдырæй гуыбыныл суанг хордзонмæ акъæртт кæнынц* (букв.: После этого жертвенному животному режут внутренность от груди до заднего прохода) [7, 168].

Табуированию подверглись и слова, называющие предметы одежды. К примеру, лексема *хæлаф*, обозначающая женские панталоны. В осетинском языке слово было заменено эвфемизмом *уæрагæмбæрзæн*, букв.: – «чем покрывают колени». По В. И. Абаеву, эвфемизм *уæрагæмбæрзæн* образован путем сложения двух существительных *уæраг* «колени» + *æмбæрзæн* «покрывало» [2, 89].

Пример находим и в тексте эпоса: *Иудадзыг дзæгъæлы нæ фæци нæ балц, – загътой Нæртон адæм. – Уæртæ нын уыцы барæг истæмæнты сбæздæн, – нæ сылгоймæгтæн нын, æппынфæстаг, уæрагæмбæрзæнты аргъ уæддæр ныккæндзæн* – (букв.: Наш поход оказался не совсем бесполезным, – сказал народ Нартов. – Вот тот всадник нам пригодится для чего-нибудь – женщинам нашим, в конце концов, цену панталонов воздаст) [8, 294].

Осетинки не произносили и слово *айк* «яйцо», считая его грубым, т.к. оно связано с мужскими половыми органами. Вместо *айк* некоторые до сих пор говорят *рæвдуан* «то, что нужно приласкать». По мнению В. И. Абаева, эвфемизм *рæвдуан* – отглагольное имя на *-æн* от глагола *рæвдауын* «ласкать» [2, 386].

Со временем этот эвфемизм вошел и в речь мужчин: *Дзоцца сын загъта: «Уæдæ мын иу лæджы сæрыл сæвæрут рæвдуан». Сæвæрдтой йын иу лæджы сæрыл рæвдуан æртиссæдз сардзины бæрцмæ. Дзоцца йæ фехста æмæ рæвдуан кæдæмдæр фæхаста* – (букв.: Дзоцца им сказал: «Положите тогда для меня на голову одного из мужчин яйцо». Положили для него на голову одного мужчины яйцо на расстоянии шестидесяти сажень. Дзоцца выстрелил, и яйцо куда-то отнесло) [6, 375].

Любой язык содержит в себе и духовное, и культурное наследие народа, который на нём говорит. Особенности каждого языка обусловлены менталитетом и историей, которую пережил народ. Одной из таких особенностей осетинского языка являются эвфемизмы.

Осетины, как и другие народы Кавказа, стараются сохранить в языке феномен табуирования множества понятий. Исследование происхождения эвфемизмов дает нам яркое представление о своеобразии менталитета и этноспецифичности языковой картины осетин.

-
1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958., Т. I.
 2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973, Т. II.
 3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989., Т. VI.
 4. Осетинское народное творчество. В двух томах. Том второй / Сост. З. М. Салагаева. Владикавказ, 2007.
 5. Битарти З. А. Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке. Цхинвал, 2011.
 6. Осетинские пословицы и поговорки / Сост. К. Ц. Гутиев. Орджоникидзе, 1976.
 7. Осетинские легенды. / Сост. Ш. Ф. Джикаев. Дзæуджыхъæу, 2014.
 8. Хаутов К. А. Родники благородства. Дзæуджыхъæу, 2012.
 9. Нартские сказания. 2-е изд. Орджоникидзе, 1975.

А. Б. БРИТАЕВА,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева

ПЕЧАТЬ ТАЛАНТА (Т.А. ГУРИЕВ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)

В статье рассматриваются религиозные средства массовой информации Республики Северная Осетия-Алания в контексте их социально-политических функций в многонациональном и многоконфессиональном североосетинском обществе; анализируется их роль в процессах религиозного возрождения и обеспечения межрелигиозного диалога в регионе.

Ключевые слова: религиозные СМИ; Республика Северная Осетия-Алания; социально-политические функции; религиозная ситуация; религиозное возрождение; религиозные организации.

The article examines the Republic of North Ossetia-Alania religious media in the context of their social and political functions in a multinational and multi-denominational North Ossetic society; and their role in the processes of religious revival and ensuring interreligious dialogue in the region is also analyzed here.

Keywords: religious media; Republic of North Ossetia-Alania; social and political functions; religious situation; religious revival; religious organizations.

Имя Тамерлана Александровича Гуриева золотыми буквами вписано в историю осетиноведения. В энциклопедии «Ведущие языковеды мира» Т.А. Гуриев назван в числе «ведущих языковедов планеты» [1, 233], а в энциклопедии «Лучшие люди России» Тамерлану Александровичу посвящена целая страница под рубрикой «Цвет российской культуры» [2]. И это заслуженно.

Действительно, «научных, педагогических, гражданских заслуг профессора Гуриева хватило бы на биографии нескольких человек. Однако он равнодушно относился к собственной известности и к наградам. Занятия наукой были для него способом внесения гармонии в мир» [3, 152]. Многим поколениям исследователей-осетиноведов еще предстоит изучать многогранное творческое наследия Т.А. Гуриева.

Б.Р. Хозиев пишет о нем: «Профессор Т.А. Гуриев является одним из немногих энциклопедистов в современной иранистике. В его поле зрения оказались все нерешенные проблемы осетинове-

дения, со всеми трудностями их разработки. При этом он главное внимание сосредоточил на изучении малоизученных вопросов национального фольклора, языка, литературы, перевода, публицистики и критики» [4; 3]. Он был неравнодушным Человеком и этим все сказано.

Профессор Гуриев Т.А. был многогранной творческой личностью. Он был не только ученым, но и писателем-публицистом. наравне с научно-исследовательской деятельностью Т.А. Гуриев всю жизнь успешно занимался художественной публицистикой, обладал оригинальным авторским почерком.

В 2003 году увидел свет сборник его рассказов «Ныхасы къуыбылой» («Клубок мыслей») [5], в который вошли четырнадцать рассказов. Герои его произведений взяты из жизни. Тематика рассказов различна, но есть нечто, что их объединяет – все они направлены на внутренний мир человека, а через него – на место личности в обществе. Все произведения повествуют о жизненных ценностях: о дружбе и благородстве, порядочности и принципиальности... «Многослойность, лирико-символическая образность присуща и реалистичной прозе Т.А. Гуриева <...> В его прозаических произведениях за большими и малыми событиями двадцатого столетия, за судьбами людей открываются глубинные закономерности жизни. Его произведения – почти всегда многоплановы», – пишет Б.Р. Хозиев [4, 45-46].

Если уж затрагивать область моих научных интересов, то детская литература всегда была в поле интересов Тамерлана Александровича. Он очень болел душой за осетинскую детскую литературу и часто говорил об этом. Ему принадлежит идея создания «Антологии осетинской литературной сказки», что отмечено составителем в предисловии к изданию [6, 13]. В антологию вошли авторские сказки осетинских писателей, определившие основные этапы развития жанра литературной сказки. В издание включены тексты произведений, созданных в течение длительного периода – с конца XIX века и до современности. Профессор Т.А. Гуриев неизменно интересовался, как идет работа над этим «букетом» осетинских литературных сказок. Кроме этого, у Тамерлана Александровича было много задумок по изданию произведений осетинской детской литературы. Например, он хотел издать серию книг для детей, в каждую из которых бы вошли лучшие произведения осетинских авторов. Смею надеяться, что нам удастся осуществить и эту его идею.

В 1994 году в серии книг «Читаем по-английски» была издана книга «Любимая собака Таму» [7]. Позже этот рассказ был переведен на осетинский язык и под названием «Къоддор» вошел в книгу «Ныхасы къуыбылой». Это небольшой, незатейливый по содержанию рассказ, но таковым он может показаться лишь с первого взгляда. Автор рассказывает о собаке, которая была потеряна и продана в чужие руки. Рассказ начинается с безмятежной картины: жаркий летний день... Закат... После успешной рыбалки Баппу задремал под тенью дерева, проснувшись, он не спешил вставать. Внимание его привлекло щебетание птиц, затем он засмотрелся на облака, они были занимательны своими формами: «Вот это – как большая костяшка. А это похоже на горбатое животное. А это – огромный ботинок с заострённым носом» [7, 3]. Но солнце клонилось к закату, пора было возвращаться домой и Баппу, подойдя к машине, посигналил своему десятилетнему сыну Таму, который рыбачил чуть дальше от него, поближе к селу, возле которого они расположились. И тут послышался лай собаки, затем появился запыхавшийся мальчик. Он утверждал, что узнал своего потерянного два года назад пса по лаю. Верилось с трудом, и все же отец поддался на уговоры сына, и они отправились в село.

Все подтвердилось. Несмотря на хороший уход новых хозяев, собака не смогла забыть прежнюю жизнь и друзей, даже спустя два года она узнала хозяев по сигналу машины и стала рваться к ним.

Таму и его отцу удалось убедить в своей правоте нового хозяина своего любимца и вернуть собаку. И тут еще один момент рассказа привлекает внимание. Добро всесильно и оно порождает добро. Новый хозяин отдал им собаку, отказавшись при этом брать с них деньги, которые заплатил когда-то за Коддора. Когда Таму и его отец вернулись к месту рыбалки, мальчик подошел к деревянной бадье с пойманными рыбками и... отпустил их в реку со словами: «Сымах дæр æнæхæдзар фос не стут... Афонмæ уæ агурынц. Уæдæ... Агурдзысты уæ».

Лæппу иуцасдæр донмæ фæкаст, стæй йæ риуыдзаг ныуула-фыд.

– Цы хорз бон скодта!.. Диссаджы хорз бон!..» [5; 221].

Это рассказ о любви, о верности, о доброте... О любви человека к животному и верности животного, о том, что доброта не забывается даже спустя годы. На мой взгляд, эту книжка достойна внимания. Выход этой небольшой книжки был и остается фактом,

заслуживающим внимания: впервые осетинский автор написал и издал книгу на английском языке» [8]. Книга легко читается, даже если мало-мальски владеешь английским языком, она снабжена подробным словарем. Роль английского языка в современном мире велика, и Тамерлан Александрович, как никто другой понимал это.

А в 1996 году в той серии «Читаем по-английски» на двух языках – английском и русском – была издана другая книжка Тамерлана Александровича Гуриева «Умная девочка Зика» [9]. В книгу вошли три рассказа: «Умная девочка Зика», «Пирожки с капустой» и «Бубу и бабушкин секрет». Коротенькие рассказы-зарисовки. И опять же первое, что бросается в глаза – это простота и незатейливость рассказов. Такое впечатление, будто автор подглядел где-то описываемые события, а возможно даже был их участником. О чем они? О детской непосредственности, бесхитростности, сообразительности. О том, что порой одно слово ребенка способно поменять характер, взгляды, привычки взрослых.

Для меня лично Тамерлан Александрович – Человек, с которого начался мой путь в науку. Он, будучи тогда директором института Языка и литературы, принимал меня на работу в институт. Он дал мне первое испытательное задание – написать статью о творчестве детского писателя, поэта – Дауры (Дауровой-Слановой Зои Николаевны), а затем предложил заняться проблемами осетинской детской литературы (за что я ему буду всегда благодарна), выше я уже упомянула «Антологию осетинской литературной сказки», создание которой так же было его идеей.

Быть многогранной личностью – значит быть гармоничным, целостным, эрудированным, имеющим разносторонние интересы и знания, неизменно стремиться расширить свои познания. Нам предстоит еще долгие годы добавлять новые штрихи к научному и творческому портрету профессора Т. А. Гуриева и удивляться, как много может охватить за одну человеческую жизнь.

1. Юдакин А.П. Гуриев Тамерлан Александрович // Ведущие языковеды мира: Энциклопедия. М.: Советский писатель, 2000.
2. http://www.11r.ru/razdel4.php?id_r4=369&id_r3=41&simb=%C3&page=
3. Памяти Т.А. Гуриева // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2016. Хозиев Б.Р. Т. А. Гуриев: научно-творческий портрет. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013.
4. Гуырион Тасо. Ныхасы къуыбылой. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2003.
5. Антология осетинской литературной сказки / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев А.Б. Бритаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010.
6. Тасо Гуру. Любимая собака Таму (на англ.яз.). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1994.
7. Караева В. Добрая книга // Сев.Осетия. 1995. № 136. 25 июня.
8. Тасо Гуру. Умная девочка Зика (на англ. и рус. яз.). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1996.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Б. М. БИРАГОВА,
к.полит. н., снс
СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ РСО-АЛАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

В статье рассматриваются религиозные средства массовой информации Республики Северная Осетия-Алания в контексте их социально-политических функций в многонациональном и многоконфессиональном североосетинском обществе, их роль в процессах религиозного возрождения и обеспечения межрелигиозного диалога в регионе.

Ключевые слова: религиозные СМИ, Республика Северная Осетия-Алания, социально-политические функции, религиозная ситуация, религиозное возрождение, религиозные организации.

The article examines the religious media of the Republic of North Ossetia-Alania in the context of their socio-political functions in a multinational and multi-denominational North Ossetian society, their role in the processes of religious revival and ensuring interreligious dialogue in the region.

Key words: religious media, the Republic of North Ossetia-Alania, socio-political functions, religious situation, religious revival, religious organizations.

Процессы религиозного возрождения, охватившие поликонфессиональное российское общество в постперестроечный период, получили свое развитие и в Республике Северная Осетия-Алания, которую называют «точной проекцией» [1]. России по причине ее многонациональной и многоконфессиональной структуры, веками сохраняющей гармоничное единство.

По оценке Федеральной службы государственной статистики, численность постоянного населения РСО-Алания на 1 января 2018 года составила 701940 человек [2]. Национальный состав насе-

ления РСО-Алания представлен в таблице 1 [3]. Конфессиональный состав населения РСО-Алания представлен в таблице 2 [4].

Таблица 1

Национальный состав населения Северной Осетии 1989–2010 гг.

Этносы	Переписи					
	1989		2002		2010	
	человек	в % к итогу	человек	в % к итогу	чело- век	в % к итогу
Все население	632428	100,0	710275	100,0	712980	100,0
Осетины	334876	52,9	445310	62,7	459688	65,1
Русские	189159	29,9	164734	23,2	147090	20,8
Ингуши	32783	5,2	21442	3,0	28336	4,0
Армяне	13619	2,1	17147	2,4	16235	2,3
Кумыки	9478	1,5	12659	1,8	16092	2,3
Грузины	12284	1,9	10803	1,5	9095	1,3
Турки	158	0,02	2846	0,4	3383	0,5
Украинцы	10088	1,6	5198	0,7	3251	0,4
Азербайджанцы	1751	0,2	2429	0,3	2857	0,4
Кабардинцы	2770	0,4	2902	0,4	2802	0,4
Чеченцы	2646	0,4	3383	0,5	2264	0,3
Греки	2986	0,5	2332	0,3	1880	0,2
Цыгане	1464	0,2	1553	0,2	1684	0,2
Корейцы	2960	0,4	1841	0,2	1458	0,2
Татары	1968	0,3	2108	0,3	1411	0,2
Народы Дагестана (кроме кумыков)	3279	0,5	3031	0,4	3015	0,4
Белорусы	1779	0,3	1002	0,1	609	0,08
Ассирийцы					176	0,02
Башкиры					210	0,03
Иранцы					30	0,004
Немцы					588	0,08
Поляки					177	0,016
Таджики					560	0,07
Узбеки					495	0,06

Религиозная ситуация в поликультурной Северной Осетии исторически характеризуется высоким уровнем межнационального и межконфессионального согласия. Как пишет религиовед Т.Е. Дзеранов, «население Осетии выработало традиции мирного сосуществования представителей разных этносов и конфессий – после нашествия Тимура в Осетии не было столкновений на религиозной почве» [5].

Таблица 2

№ п/п	Конфессиональная принадлежность	Количество в % к общей численности населения
1	Русская православная церковь	48,6%
2	Ислам	12,2%
3	Евангелистские христиане-баптисты	Менее 1%
4	Христиане веры евангельской пятидесятники	Менее 1%
5	Христиане веры евангельской	Менее 1%
6	Традиционные верования осетин	22,5%
7	Свидетели Иеговы	Менее 1%
8	Духовные христиане молокане	Менее 1%
9	Христиане адвентисты седьмого дня	Менее 1%
10	Католики латинского обряда	Менее 1%
11	Евангелическо-лютеранская церковь	Менее 1%
12	Иудаизм	Менее 1%
13	Армянская апостольская церковь	Менее 1%
14	Общество сознания Кришны	Менее 1%
15	Евангельские христиане	Менее 1%
16	Неверующие (атеисты)	6,5%

Под религиозной ситуацией в социологии понимается «такое положение дел в обществе, регионе, на исследуемом объекте, которое характеризуется наличием, типом (характером) и интенсивностью религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью их воздействия на общество или исследуемый объект. Ведущими внешними факторами, определяющими религиозную ситуацию, являются правовое решение религиозного вопроса, политика государства, региональных и местных органов власти в этой сфере, состояние государственно-конфессиональных отношений, состояние общественного мнения о религии и деятельности религиозных организаций, позиции средств массовой информации, состояние межнациональных отношений. Более опосредованное, но тем не менее существенное влияние на религиозную ситуацию оказывает общая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в стране и регионе, деятельность политических партий и общественных движений» [6].

Процессы религиозного возрождения в Республике Северная Осетия-Алания характеризуются укреплением позиций православия и ислама как исторически имманентных и наиболее массовых

религиозных систем, что выражается строительством либо восстановлением культовых сооружений, открытием духовных учебных заведений, расширением миссионерской деятельности, возрождением культурных связей с единоверцами в странах ближнего и дальнего зарубежья, активное участие религиозных институтов в социально-политической жизни и т.д. [7].

Религиозным институтам закономерно принадлежит ключевая роль в религиозной жизни республики, они являются одновременно субъектами и объектами процесса религиозного возрождения и в ходе своей деятельности определяют вектор развития религиозной ситуации в регионе.

По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Северная Осетия-Алания на 1 января 2017 года число религиозных организаций различного толка в регионе составило 103 против 62 в 2001 году (см. таблицу 3) [8].

Таблица 3

ЧИСЛО РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В РСО-АЛАНИЯ на 1 января 2017 г.¹⁾						
	Всего зарегист рировано	в том числе по видам				
		централи зованные религиоз ные орга низации	местные религиоз ные орга низации	духовн ые образо ватель ные учре ждения	монаст ыри и подвор ья	религи озные учреж дения
Все религиозные организации	103	1	102	-	-	-
в том числе по конфессиям:						
Русская православная церковь	38	-	38	-	-	-
Римско-католическая церковь	2	-	2	-	-	-
Греко-католическая церковь	-	-	-	-	-	-
Армянская апостольская церковь	1	-	1	-	-	-
Ислам	22	1	21	-	-	-
Буддизм	-	-	-	-	-	-
Иудаизм	2	-	2	-	-	-
в том числе:						
ортодоксальный	2	-	2	-	-	-
современный	-	-	-	-	-	-
Евангельские христиане-баптисты	10	-	10	-	-	-
Христиане веры Евангельской	7	-	7	-	-	-
Евангельские христиане	4	-	4	-	-	-
Христиане веры евангельской-пятидесятники	5	-	5	-	-	-
Церковь полного Евангелия	-	-	-	-	-	-
Адвентисты седьмого дня	2	-	2	-	-	-
Лютеране	-	-	-	-	-	-
в том числе:						
Евангелическо-лютеранская церковь	-	-	-	-	-	-
Свидетели Иеговы	4	-	4	-	-	-
Меннониты	-	-	-	-	-	-
Молокане	1	-	1	-	-	-
Сознание Кришны (вайшнавизм)	1	-	1	-	-	-
Традиционные верования осетин	4	-	4	-	-	-
Иные вероисповедания	-	-	-	-	-	-

Несмотря на закрепленный в Конституции РФ светский характер российского государства, религиозные институты все активнее позиционируют себя не только в духовном, но и в информационном и политическом пространствах. Религиозные лидеры обладают определенным авторитетом в обществе («фигура доверия») и нередко выступают ньюсмейкерами наравне с политиками или другими знаковыми для общества персонами.

Эти тенденции в своей теории социальных полей Пьер Бурдьё [9] описал как «медиатизацию» религии как специфического социального поля. В данном случае под «медиатизацией религии» следует понимать возрастание роли религиозных институтов как источников и производителей информации, а также усиление зависимости социально-политического статуса религиозных институтов от степени фокусирования на них внимания СМИ, от объема формируемого этими институтами «медийного» капитала известности и общественного признания. Процесс медиатизации религии способствует процессу ее политизации и превращению в политический инструмент воздействия на массовое сознание и поведение.

Расширение присутствия религиозных институтов в информационном поле в целом, так и посредством создания специализированных религиозных средств массовой информации, является неотъемлемым компонентом процесса религиозного возрождения в стране. Религиозная журналистика является относительно молодой и динамично развивающейся отраслью отечественного медиарынка. Не является исключением и информационное поле Республики Северная Осетия-Алания.

На фоне достаточно широкого перечня доступных североосетинской аудитории общефедеральных религиозных СМИ, включая теле- и радиоканалы, печатные и интернет-СМИ, список республиканских религиозных масс медиа выглядит скромно, что главным образом объясняется причинами финансового и организационного характера, а также пассивным спросом целевой аудитории.

В настоящее время в РСО-Алания действуют следующие религиозные средства массовой информации:

1. Официальный сайт Владикавказской и Аланской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) www.blagos.ru.

2. Журнал «Чырыстон Ир» («Православная Алания») – издается с июня 2013 г., тираж 750 экземпляров, есть печатная и электронная версии (<https://blagos.ru/tags/zhurnal-chyryston-ir>).

3. Официальный сайт Централизованной мусульманской религиозной организации «Духовное управление мусульман Республики Северная Осетия-Алания» www.islamosetia.ru.

4. Официальная газета ДУМ РСО-Алания «Осетия. Голос Ислама» – издается с 2014 г., тираж 999 экземпляров, есть печатная и электронная версии (www.islamosetia.ru).

5. Радио МСС (Mission of Christian Charity) Местной религиозной организации «Северо-Осетинская Миссия Христианского Милосердия Российского Союза Евангельских Христиан Баптистов» – круглосуточное, выходит с 2000 г. на волне 104.9 FM и в сети Интернет (www.radiomcc.ru).

6. Официальный сайт Местной религиозной организации «Приход Вознесения Иисуса Христа» Римско-католической церкви www.vladiprihod.narod.ru.

Отдельно следует выделить официальные сайты армянского национально-культурного общества «Эребуни» (www.erebuni15.ru) и еврейского культурно-просветительского общества «Шолом» (http://jc-sholom.narod.ru/our_projects.htm), которые одновременно выступают информационными ресурсами Армянской Апостольской Святой Церкви Григория Просветителя и иудейской общины Осетии, соответственно.

Информационный арсенал религиозных организаций дополняют официальные страницы в социальных сетях, частым явлением стало также использование личных аккаунтов религиозных деятелей Осетии в качестве персональных средств коммуникации с паствой.

Религиозные средства массовой информации выполняют ряд социально-политических функций: информационную; просветительскую; культуuroформирующую; идеологическую; мобилизационную.

В целом, на основании представленных в ходе исследования обозначенной темы данных, можно сделать вывод, что религиозная журналистика в республике находится в фазе становления, о чем свидетельствует появление профессиональных авторов, специа-

лизирующихся на религиозной проблематике. Также можно утверждать, что религиозные СМИ Северной Осетии отвечают информационным интересам и потребностям целевой ау

1. Осетия: религиозная ситуация и политические вызовы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/05/04/osetia-religioznaja-situacia-i-politicheskie-vyzovy.html>. Дата обращения: 10.03.2018.

2. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/PrPopul2018.xlsx. Дата обращения: 10.03.2018.

3. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения: 10.03.2018.

4. Данные приведены по итогам социологического исследования «Мониторинг государственно-конфессиональных отношений и отношение населения к экстремистским проявлениям в Республике Северная Осетия-Алания», проведенного Северо-Осетинским центром исследований Института социально-политических исследований РАН (при финансовой поддержке Министерства PCO-Алания по вопросам национальных отношений) в 2013 году. [Электронный ресурс]. URL: http://minnats-rsoa.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=31&Itemid=111. Дата обращения: 10.03.2018.

5. Дзеранов Т. Е., Олейникова О. Л. Религиозная ситуация в Республике Северная Осетия-Алания. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.keston.org.uk/russia/articles/rr34/02osetia-religious-statistics.html>. Дата обращения: 10.03.2018.

6. Лопаткин Р. А. Религиозная ситуация. [Электронный ресурс]. URL: http://www.religare.ru/2_5803.html. Дата обращения: 10.03.2018.

7. Синанов Б. А. Значение религиозного фактора в современной этнополитической жизни северокавказского общества // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. [Электронный

ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=14965> (дата обращения: 12.04.2018). Дата обращения: 10.03.2018.

8. Республика Северная Осетия-Алания в цифрах, 2017: Краткий статистический сборник. Владикавказ, 2017. 221 с. [Электронный ресурс]. URL: http://osetstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/osetstat/resources/e50808004d4619fbb83bfd4fc772e0bb/OSET_2017.pdf. Дата обращения: 10.03.2018.

9. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.

СТУПЕНЬ В НАУКУ

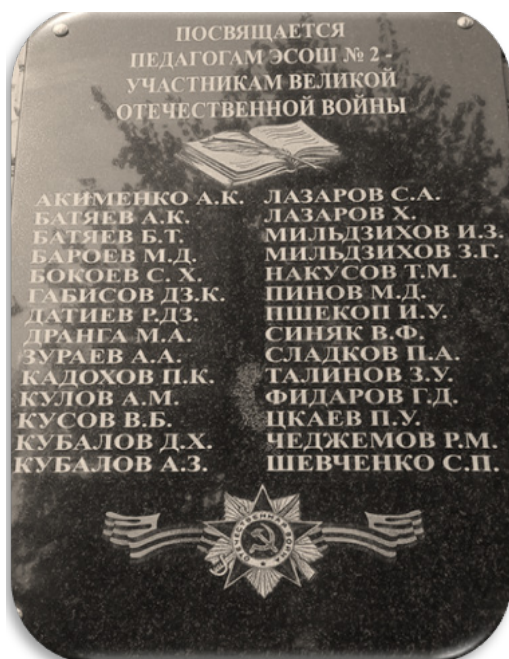
Алина КЦОЕВА,
ученица 8 класса
(с. Эльхотово, МКОУ СОШ № 2)

К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛИ ПЕРО

*А почести мы не просили,
 Не ждали наград за дела,
 Нам общая слава России
 Солдатской наградой была...
 Г. Поженян*

Каждый год наша страна отмечает величайший праздник – День победы советского народа в Великой Отечественной войне. В 2017 году Россия праздновала 72-ю годовщину Великой Победы.

Самое прекрасное, что есть у человека – жизнь. Ощущая её вкус, постигая её смысл, изучая законы бытия, добираясь до истоков и вершин духовности человека, падая и поднимаясь, мы осуществляем своё предназначение: даруем потомкам бесценную жизнь, наполненную смыслом, окрашенную в разные цвета. Однако естественный ход событий иногда прерывается страшными

войнами, уносящими миллионы бесценных жизней. Подвиг людей, защитивших свою Родину, бессмертен в веках, а если эти люди, подарившие нам возможность радоваться жизни, продолжают вкладывать душу в подрастающее поколение, то это двойной подвиг.

Оказалось, что в послевоенные годы в нашей школе работало много учителей-фронтовиков, о которых помнят до сих пор наши родители и выпускники старшего поколения, а нынешние школьники о них ничего не знают. Именно поэтому 10 октября 2017 года состоялось торжественное мероприятие, посвященное открытию памятной мемориальной доски в честь учителей-участников Великой Отечественной войны.

К сожалению, никого из них сегодня уже нет в живых. Тысячи выпускников трепетно хранят в своем сердце благодарную память о своих наставниках, ставших для них примером человеколюбия, милосердия, высокой нравственности, самоотверженной любви к Родине.

Сладков Петр Антонович – учитель русского языка и литературы, истории, директор школы.

Ушел на войну добровольцем в возрасте 18 лет. Это возраст, когда нужно мечтать, любить, строить планы на будущее, но проклятая война перечеркнула все. Родина-мать позвала своих сыновей на защиту. Пусть в жизни не каждому было дано сравниться с героями, но каждый свершил то, что было в его силах, а если требовалось, то и сверх сил.

Дошел до Берлина. Молодой солдат Победу встретил у стен Рейхстага. Был награжден орденами «Отечественной войны», «Орденом Знак Почета», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За Победу над Германией» и юбилейными медалями.

После войны он вернулся в родное село в среднюю школу №1. Коллеги посоветовали ему поступать в Педагогический институт на филологический факультет. Он отучился на двух факультетах – факультете русской филологии и историческом. Петр Антонович по окончании института перешел работать в среднюю школу № 2, в которой многие годы был директором, затем стал заведующим районным отделом образования. До самой пенсии учитель-фронтовик гордо нес высокое звание Учителя. На каждом уроке давал возможность своим ученикам ощутить радость открытий, воспитывал у них жажду знаний, потребность узнавать все больше и больше нового.

Петр Антонович считал: «Необходимо, чтобы дети поняли, что каждый урок – это кропотливый труд». И ученики на его уроках трудились с полной отдачей. Ни одна минута на занятиях не тратилась впустую, а сам педагог своим трудом, увлеченностью, преданностью делу давал образец заинтересованного отношения к работе, воспитывал у детей такое же серьезное отношение к учебе. Став взрослыми, воспитанники Петра Антоновича отмечали как большое достоинство именно эту сторону его нравственного влияния на них. «Наш Макаренко», так называли его с уважением коллеги.

История школы и жизненного пути ее работников – реальная часть жизни ветеранов педагогического труда, история, которую невозможно стереть из сердца. Воспоминаниями о замечательных педагогах-фронтовиках, у которых посчастливилось учиться и вместе с ними работать, поделилась заслуженный учитель РСО-Алания Дина Магкоевна Майсурадзе-Накусова. «Учителей – ветеранов войны – уважали все. Они вложили очень много полезного как в учеников, так и в молодых коллег-преподавателей, являлись личным примером. Я имела счастье учиться у многих из них. Их отличало удивительное качество: они не кичились своим боевым прошлым. Они не любили вспоминать войну, потому что война – это горе, страдания, муки.

Особую память оставил о себе фронтовик, преподаватель истории Петр Антонович Сладков. Я лично считаю его идеалом учителя и в выборе своей профессии обязана именно ему. Он пользовался непререкаемым авторитетом и среди коллег, и среди сельчан. Благодаря Петру Антоновичу, который долгие годы возглавлял эту школу, наша ученическая бригада своими успехами на полях гремела на

всю республику. Мы получали такие урожаи кукурузы, что многие диву давались. Трудился вместе со всеми на поле и он, а, как известно, личный пример учителя действует очень эффективно».

За заслуги в области народного образования Президиум Верховного Совета Северо-Осетинской АССР Указом от 17 сентября 1974 года присвоил Сладкову Петру Антоновичу почетное звание «Заслуженный учитель школы Северной Осетии». Он награжден также медалью «Во славу Осетии».

Батяев Батыр Темболатович – до войны, школу где он был директором, в народе называли «школа Батыра» – вместе со своими коллегами-педагогами в первые дни ушел на войну. Пал смертью храбрых.

Датиев Рамазан Дзибоевич – учитель истории.

В 1934 году окончил 7 классов и поступил в педучилище города Дзауджикау СОАССР. В 1937 году окончил учебу и, получив диплом, был направлен в родное село учителем начальных классов. Начальная школа находилась во дворе Дорожно-строительного управления. Работал учителем, завучем начальной школы до 1939 года.

25 ноября 1939 был призван на действующую военную службу. До 1940 года был в полковой школе 76 кавалерийского полка, по окончании ему присвоили звание младшего политрука. Воевал на фронте с февраля 1942 года. Освобождал Ленинград, громил фашистов на территории Германии. Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина № 362 от 5 мая 1945 года Датиеву Рамазану Дзибоевичу была объявлена Благодарность за отличные боевые действия по овладению городом Свинемюнде – крупным портом и военно-морской базой немцев на Балтийском море.

После войны Рамазан Дзибоевич вернулся в родное село и заочно продолжил учебу в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте имени К.Л. Хетагурова. Получил диплом по специальности «учитель истории». Высокий профессионализм, компетентность, общая эрудиция, любовь к детям, преданность своей профессии – отличительные черты Рамазана Дзибоевича. Он не просто давал глубокие и прочные знания, но и учил самостоятельно мыслить, защищать свою точку зрения, любить свою Родину,

свой народ. Более 30 лет проработал Рамазан Дзибоевич завучем в школе.

Награжден орденами «Отечественной войны 1 и 2 степени», медалями «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», Отличник просвещения СССР, многими грамотами Министерства просвещения РСО-Алания.

Талинов Заурбек Урусбиевич – учитель Начальной Военной Подготовки (НВП).

Участник войны, прошел долгий фронтовой путь. Послевоенную жизнь продолжил учителем НВП в школе, передавая свои знания и опыт молодежи, воспитывая их истинными патриотами страны. Имел хорошую профессиональную подготовку, к своей работе относился творчески, заинтересовано. Имел награды: медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне», «50-лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», награжден юбилейными медалями – «50 лет Вооруженных сил СССР», «60 лет Вооруженных сил СССР», «70 лет Вооруженных сил СССР».

Кусов Владимир Борисович – учитель математики:

Удивительный человек. Прошел всю войну, был ранен. Вернувшись домой, стал работать в школе. Обладая высокими духовными качествами, Владимир Борисович старался обогатить юные сердца любовью к людям, миру, жизни. Его подопечные до сих пор впечатлены его трепетным отношением к ученикам, используют методы работы своего учителя в воспитании своих детей. Внеурочная работа педагога была разнообразна и познавательна: математические викторины, ребусы, задачи. Ребята с удовольствием принимали участие в этих мероприятиях, выполняющих не только обучающие функции, но и воспитывающие в детях чувство коллективизма и сплоченности.

Кубалов Алимбек Заурбекович – учитель математики:

В 1942 году добровольцем ушёл на фронт. Вернувшись с войны, поступил в Педагогический институт имени Коста Хетагурова на математический факультет. До сих пор его ученики несут в себе за-

ряд позитивного отношения к жизни, миролюбия и добра. Обладал глубокими знаниями по предметам математического цикла и высокой педагогической этикой. Его уроки являлись показательными для начинающих учителей. Педагог был требователен и к себе, и к учащимся. Чёткое преподавание, глубокое знание своего предмета, ежедневная работа со слабоуспевающими способствовали достижению прочных знаний учащихся по математике.

Накусов Тамерлан Майрамович – учитель русского языка и литературы

Воевал с первого до последнего дня войны. Этот мужественный человек, награжденный за военные подвиги орденами и медалями, являлся образцом истинного патриота, вдохновлял на такие же чувства своих подопечных. Был честным, добросовестным работником. Его уроки литературы были для учащихся не только уроками получения знаний, но и уроками жизни, воспитывающими в детях чувство прекрасного, доброго. Тамерлана Майрамовича тепло вспоминают и бывшие ученики, и коллеги по работе, и руководители школы. Человек необыкновенно богатой эрудиции, тонко чувствующий красоту и величие русского слова, обладающий даром умения передавать всё это своим ученикам. Способность мыслить, видеть прекрасное в обыденной жизни, анализировать новое не только умом, но и сердцем – этому учил он. Впоследствии работал директором школы села Заманкул, Иран, заведующим роно Кировского района.

Шевченко Семен Петрович – учитель труда:

Прошел всю войну. Победу встретил в Берлине. Неоднократно был ранен, но снова шел на фронт. После войны вернулся к мирной жизни в качестве учителя труда. Мальчики запомнили, как Семен Петрович личным примером учил их быть настоящими мужчинами, хозяйственными, трудолюбивыми, сильными.

Батяев Алимбек Камболатович – учитель истории:

Ушел добровольцем на фронт. Начал свою службу в 18 лет в составе 5 и 7 саперных войск. Несколько раз был ранен, но снова возвращался в строй. Говорят, что сапер ошибается один раз. Скольким людям спас он жизнь! Об этом свидетельствуют его многочисленные награды: орден «Отечественной войны» и юбилейные медали. День Победы встретил в Румынии.

Вернувшись домой, заочно поступил в Педагогический институт на исторический факультет. Милосердием, добротой и широтой своей души щедро делился со своими учениками, оставаясь при этом строгим, но справедливым учителем. Имел хорошую профессиональную подготовку, к своей работе относился творчески, заинтересованно. Немалую роль в привитии интереса к предмету играла эрудиция учителя, его грамотная, эмоциональная речь.

Бокоев Савелий Хасакович – учитель родного языка и литературы:

Учитель, который навсегда выбрал для себя единственную дорогу жизни и сумел помочь в выборе правильного пути своим ученикам. Савелий Хасакович в памяти тех, кто с ним работал, и кто у него учился, оставил о себе самые добрые, самые душевные воспоминания. На уроках он больше беседовал с учащимися, чем рассказывал. Умело, продуманно задавал вопросы ученикам, которые использовал как способ активизации познавательной деятельности учащихся или как метод выяснения запаса знаний, начитанности, либо как побуждение учеников делать предположения. Каждый ученик на его уроке горел желанием высказать свою мысль.

Зураев Анатолий

Александрович – учитель физической культуры:

Я с братьями всегда с замиранием сердца слушаю рассказ нашей мамы о её дедушке, нашем прадеде Зураеве Анатолии Александровиче. Наш прадед на войну ушел в первые месяцы со своими коллегами-учителями во главе с директором школы Батяевым Батыром Темболатовичем. Защищал Сталинград, был ранен. Имел награды, благодарственное письмо:

«За участие в героической обороне Сталинграда гвардии старший лейтенант Зураев Анатолий Александрович – Указом Президиума

Верховного Совета СССР от 22.12.1942 г. награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Вернувшись домой, как и другие участники войны поступил в Ростовский педагогический институт на факультет физического воспитания. До сих пор ученики помнят и рассказывают, какие интересные уроки у них были. Они выполняли упражнения на брусьях, на коне, лазали по канату, участвовали в соревнованиях по волейболу, баскетболу, русской лапте; Он преподавал своим ученикам первые танцевальные уроки, на которых учили шаги вальса, танго. Зураевым А. А. был создан акробатический кружок, который выступал на районных, республиканских смотрах и фестивалях ученических коллективов, где всегда занимал ведущие места. Желающих участвовать в кружке было очень много.

Учащиеся на уроках приобретали умения и навыки по баскетболу, волейболу, лёгкой атлетике, гимнастике, акробатике. Получали теоретические знания по истории олимпийского движения, развитию спорта в стране и за рубежом. Для развития физических способностей Анатолий Александрович умело использовал различные формы обучения: круговую тренировку, групповые и индивидуальные формы обучения.

В своей педагогической деятельности Анатолий Александрович уделял внимание не только физическому, но и психологическому здоровью детей. Он являлся энергичной, творческой личностью, обладал педагогическим и организаторским талантом, был чутким и внимательным человеком, требовательным к себе, любил свою работу и учеников, пользовался заслуженным авторитетом среди коллег, родителей, учеников и общественности.

Любовь к профессии учителя Анатолий Александрович передал и своим детям. Сын Эдуард пошел по стопам своего отца: окончил СОГУ, факультет физической культуры и работал со своим отцом в Эльхотовской СОШ №1, дочь Эльза – учитель истории в средней школе №2. Многие ученики Анатолия Александровича пошли по стопам своего учителя: Талинов Мурат Батырбекович – мастер спорта по вольной борьбе, Мильдзихов Батырбек Ибрагимович – был награжден орденом Трудовой Славы, Мильдзихов Бексолтан Амурханович – работал директором спортивной школы, Точиев Таймураз Касполатович – работал тренером по борь-

бе; Мильдзихов Юрий Дзамболатович, Бзаев Борис Казбекович. Долгие годы работали в школе тоже учителями физической культуры, тренерами.

Ежегодно в Эльхотовской СОШ №1 им. К.Д. Хосонова проводят турнир по футболу в честь отца и сына Зураевых. К сожалению, моего прадедушки уже нет в живых, но память о нём живёт в нашей семье. Мы благодарны прадеду-фронтовику за то, что он, как и его сверстники, защитил Родину от фашизма, а родина для меня – это и наша речка Карджинка, и река Терек, и далёкий Байкал, и русские берёзы в берлинском Трептов-парке.

Советский народ добился всемирно-исторической победы над блоком фашистских государств. Эта победа спасла народы всего человечества от угрозы фашистского порабощения. Основными источниками победы советского народа были: героизм, сплоченность народных масс; единство фронта и тыла; героическая борьба партизанских соединений и подполья;

Наш народ после войны совершил трудовой подвиг, укрепив великую державу.

Наше исследование на примере судьбы земляков-учителей дало возможность показать испытания, выпавшие на долю нашей страны, величие подвига советского народа и важность знания исторических событий.

Мы навсегда сохраним в сердце память об этих удивительных людях, «приравнявших к мечу перо» за учительским столом. Они будут для нас примером беззаветного служения родине. Славные имена учителей-фронтовиков священны не только для тех, кто имел счастье учиться у них, но и для всех последующих поколений. Это мощный фундамент, на котором строится духовная сила молодых, это «золотая нить Ариадны», которая связывает между собой поколения и показывает жизнеутверждающее направление развития патриотизма.

Мы благодарны ветеранам за счастье иметь мощную духовную опору. Мы приложим все силы, чтобы память о них была вечной и священной.

1. Электронная энциклопедия «Википедия» Режим доступа: www.wikipedia.org
2. Агнаев А. Т. и другие. Елхот. Исторический очерк. Владикавказ: ИР, 1999.
3. Архив Кировского краеведческого музея РСО-Алания.
4. Материалы газет «Вперед», «Северная Осетия», «Молодой коммунист».
5. Ян В. Юность полководца. М.: Художественная литература, 1987. Том 4. 272 с.
6. Архив Военного комиссариата Кировского района РСО-Алания.
7. Материал школьного исторического музея МКОУ СОШ №2. С. Эльхотово.

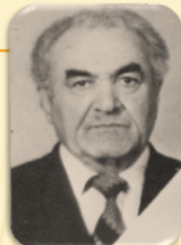
Приложения

Учителя-фронтовики ЭСШ № 2

ПОМНИМ, ЧТИМ, ЗНАЕМ

Кусов В.Б.

Накусов Т.М.

Талинов З.У.

Габисов И. С.

Мильдзихов З.Д.

ПОМНИМ, ЧТИМ, ЗНАЕМ

Батяев А.К.

Бокоев С.Х.

Кубалов А.З.

Пинов М.Дз.

Шевченко С.П.

П. А. Сладков с коллективом школы

А.А.Зураев с учащимися 7-го класса

Династия педагогов: ветеран ВОВ А.А.Зураев
и его сын Э.А.Зураев

Б.З. ТОМАЕВ,
(г. Владикавказ, гимназия №4)

ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ «ТОМАЕВ»

Понятие «фамилия» для осетина многозначно. С самого раннего возраста в каждой семье воспитываются семейные ценности, которые и являются основополагающими для общественной структуры Северной Осетии. Уважение к старшим, к национальной культуре и истории родного края – азбучные истины для осетин. Названные нравственные ориентиры складывались на протяжении многих столетий. Род, фамилия для нас – общественная единица, которая может функционировать сама, обеспечивать однофамильцев необходимыми благами, совместно решать насущные вопросы роды, и мн. др.

Одной из таких общественных единиц является и моя фамилия – **Томаев**. *Томаевы* во все времена оставались вместе со всем народом Северной Осетии, показывая свою сплочённость, необходимость и умение помогать в различных ситуациях. Выходцы из фамилии по-прежнему являются востребованными в разных отраслях.

Благодаря созданию такой работы удаётся сохранить и приумножить память о своих предках, потому что одной из актуальнейших задач, стоящих перед обществом и государством, является воспитание подрастающего поколения, т.е. тех, за кем стоит будущее родного края.

Целью этой исследовательской работы является анализ процесса формирования духовно-нравственного единства семьи; сохранение и приумножение семейных традиций нашего рода; воспитание патриотизма и национального самосознания.

Томаевы причисляют себя к роду Агузовых, о чём свидетельствуют фамильные предания, восходящие предположительно к XIII веку. Согласно этой версии, женой Хуындага стала Бигулова, которая родила ему четырёх сыновей: Тома, Дзго, Бекузара и Апсауа. Так, Тома, Дзго и Бекузар и Апсау стали родоначальниками трех родственных фамилий – Томаевых, Дзгоевых и Бекузаровых.

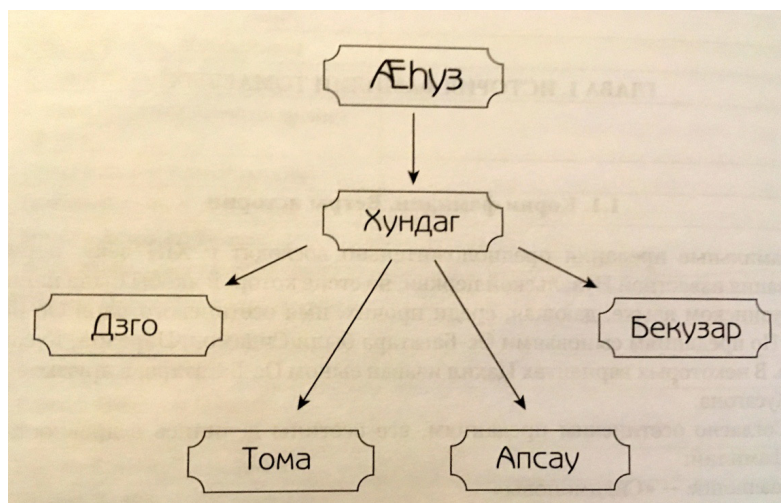

Рис. 1

Местом первоначального обитания внуков Алгуза называется селение Холст Алагирского ущелья. Позднее Томаевы, став кровниками Джаджиевых, переехали в Куртатинское ущелье и основали там аул Кора. Томаевы расселились в разные уголки Северной и Южной Осетии: Закинское ущелье, Рук и Къора, Лабу. Вся фамилия считает себя потомками древнего рода Агъузата.

«Фамилия Томаевых, живущая в с. Рук, считалась дворянской фамилией. Они имели грамоты от грузинских царей, подтверждавшие их дворянское звание. Грузинские цари жаловали им крестьян, назначали жалованье, давали охранные грамоты на проезд в Картли и т.д. Как дворяне, они поддерживали родственные связи с аристократическими родами Северной Осетии и даже князьями Мачабели» [1,31].

Общесемейной собственностью Томаевых считались в Кора наделы крестьян, обязанных хозяевам повинностями. В Куртатинском ущелье Томаевых называли «*Комырæбын æлдæрттæ*» («Местные алдары»). Так, в 1789 году Томаевы стали собственниками большого участка в Цхрадзма – ущелье в истоках Большой Лиахвы, входившем в состав Ксанского эриставства.

В одном ряду с материальными ценностями и сословными привилегиями стояло нравственное воспитание молодежи.

Томаевы издавна служили под российскими знаменами. Еще в «горской команде», называемой «моздокские казацкие братья», на-

чавшей формироваться в 1763 году, отмечен был Михайла Томаев. Активное переселение Томаевых в Моздокские степи привело к возникновению в 1837 году хутора Томаевых. Некоторые представители фамилии служили в императорском конвое. Осетинские всадники, служившие в конвое, играли заметную роль и в парадной службе. Многие из осетинских конвойцев были отмечены императором, в их числе – Иван Томаев.

Интересен и состав имен Томаевых. В частности, у привилегированных родов имена были составными. Длительный период они выражали привилегированность социальной верхушки, включая в себя прежние титулы, звания и элементы со значением «власть» – *султан, мурза, бек, гирей* и т. п.

Сохранившиеся до наших дней средневековые башни, полуразрушенные крепости, многочисленные захоронения и могильники говорят о том, что некогда жизнь кипела в этих местах. Точную дату основания аула Кора пока никто не знает, но специалисты причисляют их к наиболее древним историческим памятникам Куртатинского ущелья. До нашего времени сохранились посемейные списки Томаевых из Кора. Самая ранняя запись посемейного списка сделана в 1859 году Мирзабеком Томаевым.

В 1807 г. в здешних местах побывал путешественник Ю. Клапрот. В его записях мы читаем: «...на небольшой речке в высоких горах находится небольшое селение Квара или Кора, через которое проходит дорога из Нара на Аррадон. Оно принадлежит фамилии Томайты, состоит из 15 домов и имеет мельницу на небольшой речке» [1,34].

В ряде архивных документов XIX в. названы места, где впоследствии обосновались Томаевы. В ЦГА РСО-А имеются посемейные списки Томаевых, проживавших в с. Рук, Пуриат, Ногкау, Хумалаг, Кадгарон, Заки, Моздок, Ардон, Згид и в др. местах Осетии.

Достаточно давно некоторая часть Томаевых переселилась в Южную Осетию. Этнографы не без основания считают, что сюда они переселились из аула Кора Куртатинского ущелья. Сейчас весьма сложно определить причины и точное время переселения на Юг. Одной из причин могли быть неблагоприятные и климатические условия для занятия хозяйством. Еще одной возможной причиной переселения северных осетин на юг, включая Томаевых, была зна-

чимая роль торговой магистрали – так называемого «Двалетского пути» (ныне Военно-Грузинская дорога).

Сегодня в Кора, кроме развалин от жилищ предков, ничего не осталось. Томаевы и по сегодняшний день посещают во второе воскресенье июня святилище своей фамилии «Æвзæндаг» (букв. пер. «опасный путь в горах»).

Рис.2 «Æвзæндаджы дзуар»

Святилище имеет форму горского дома с плоской крышей. Двор вокруг огорожен плитами, право заходить туда имеют только мужчины, чтобы помолиться и попросить Æвзæндага быть в добром расположении к тем, кто к нему обращается, а также преподнести жертвоприношения. Недалеко виден лес, который называется «Æвзæндаджы дзуары хъæд».

Æвзæндаг почитается Томаевыми как покровитель молодежи. С этим святилищем связана интересная легенда. Со слов Мишурхан Мисирбиевны Томаевой записана версия легенды об Æвзæндаг:

«Легенду рассказал мне мой отец, певец-сказитель Мисирби Томаев. На месте этого камня стоял дом, где обитал покровитель жителей Кора Æвзæндаг. К людям выходил он в образе старца, угощал их хлебом-солью. А когда случилась беда, вылетал в образе орла и спрашивал, кому нужна его помощь. Услышав об этом, кабардинский князь решил убедиться в услышанном. Приехав в эти места, он, проходя мимо святилища, встретился со старцем, вышедшим к нему навстречу, и то пригласил князя в свою обитель. Затем князь простился со старцем, пролежал где-то в сочной траве и решил крикнуть «Фæдис!». Увидел, как вылетал орел, услышал: «Я увидел то, что

хотел, а кто куда хочет, пусть туда и летит». Рассердился Авзænдаг, обиделся, подумал, что люди стали издеваться над ним. Захлопнул свою дверь и улетел. Больше никто не видел его, а дом превратился в камень, на котором выделяется подобие двери, которую в гневе захлопнул Æвзænдаг. Но по-прежнему стоит здесь красавец лес, и как прежде растет здесь самая сочная трава во всем ущелье, и цветут фантастической красоты цветы».

Помимо почитаемого всеми Томаевыми дзуара Æвзænдаг наша фамилия возносит молитвы к таким святилищам, как *Къорайы хъæуы зæд*, *Реком*, *Никъусайы дзуар*, *Зæнджы Уастырджи*, *Аларды*, *Хъæриуы зæдтæ*.

Рис. 3

Рис. 4

В селении Ногкау находятся, по крайней мере, две башни фамилии Томаевых. Одна из них, пятиярусная, расположена в западной части села. Другая же – на возвышенности, в центре села, сохранилась на высоту 4-х ярусов.

Рис. 5

В центре Садонского ущелья расположено селение Згид – одно из древнейших сёл Алагирского ущелья. Здесь находятся древнейшие захоронения еще с аланских времён. Некоторые из этих склепов старожилы называют «*Томæты зæппæдзтæ*». На одной из возвышенностей Згида, между средней и нижней частью села, находилась сторожевая башня – «*Елыхы мæсыг*». По названию можно определить, что башня принадлежала Томаевым, так как Елых является родоначальником згидских Томаевых.

Хадо Нотчериевич (см. 2 ветвь) – родился в селении Къора, жизнь занесла в селение Эммаус. Вместе с супругой, Баразговой Долатхан Бабиевной, родили десять детей.

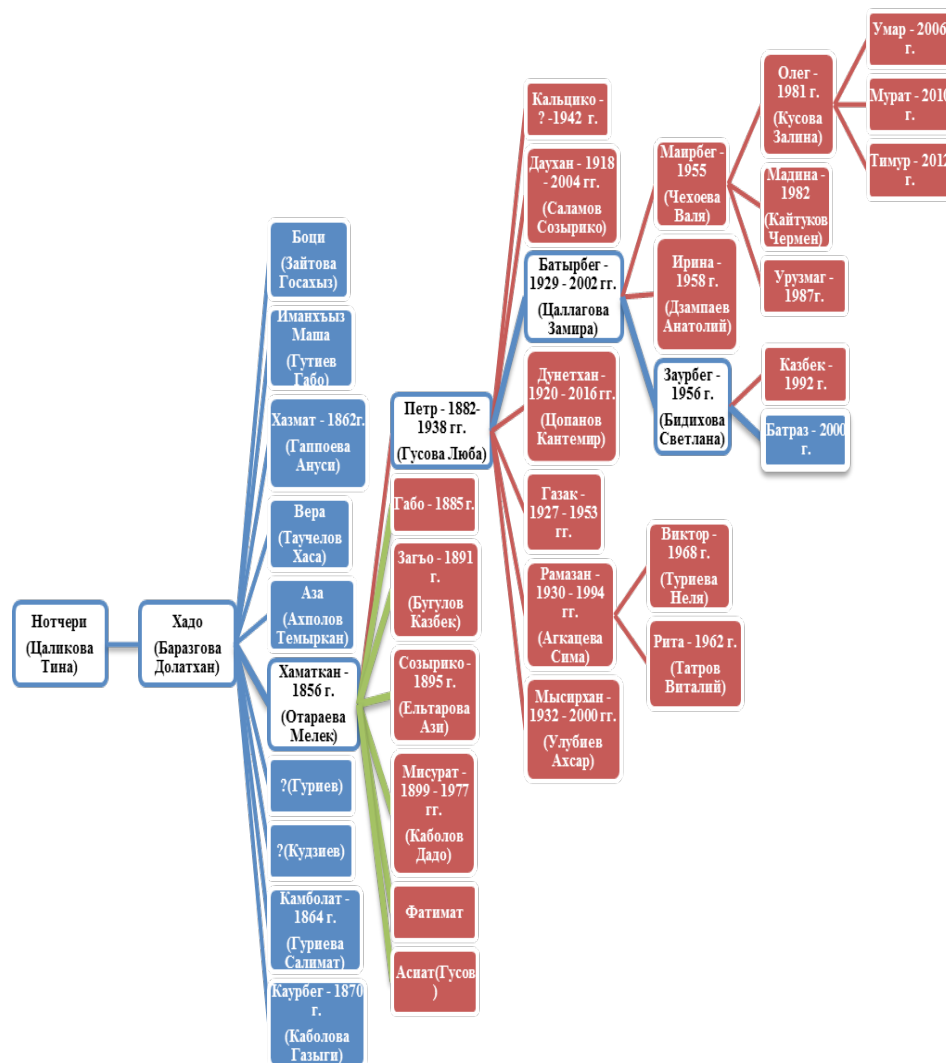
Хаматкан Хадоевич (см. 3 ветвь) – сына Хаматкана, Габо, убили ингуши, а Петра (Бетъыр – мой прадедушка) расстреляли в 1937 г.

Сима Мальсаговна (Агкацева, см. 5 ветвь) – заслуженный учитель РСО- Алания. Награждена орденом «Знак Почёта».

Мадина Маирбековна – долгие годы являлась солисткой ансамбля «Горец» и «Иристон». Вместе с коллективом отправлялась в турне по странам Европы и Закавказья.

38 тысяч воинов отправила на фронт Северная Осетия. На фронтах ВОВ сражались более сотни моих однофамильцев – отважные сыны и дочь фамилии Томаевых.

Фамильная карточка

Зарета Урусбиевна Томаева ушла на фронт в 1942 году. Испытала все трудности и ужасы войны. За личную отвагу в боевых условиях отмечена орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Кавказа».

Мужество и героизм проявили также Мирзакул Алиханович, Дзантемир Николаевич, Заурбек, Георгий, Увизико, Хадзимурза, Арипхан, Хадзумар и многие другие представители Томаевых.

Среди участников войны были и родные братья моего дедушки Батырбега – Хъалцыхъо и Газак Петровичи. Кальцико (на фото – слева) пропал без вести в 1942 году, а Газак (на фото – справа) вернулся с войны, но спустя восемь лет скончался от последствий боевых действий.

Рис. 5

Одним из героев ВОВ среди моей фамилии стал Хазби Томаев, уроженец селения Эммаус. Хазби является обладателем 3-х орденов «Красной Звезды», медали «За Победу над Германией», а также медали «За боевые заслуги».

В полку Томаев выполнял разнообразные боевые задания: летал на разведку, прикрывал боевые порядки наземных войск, дрался с воздушным противником, не раз был на волоске от смерти.

Во время войны Хазби не забывал о родном селе. Втайне от начальства он, пролетая над Эммаусом, сбрасывал с воздуха различные продовольствие, помогавшее выжить сотням односельчанам в непростые времена.

«Наступил 1945 год. Вчерашний рядовой летчик стал командиром звена... В небе над Берлином господствует советская авиация. Сплошной лавиной идут пикирующие бомбардировщики, штурмовики, истребители... Вот оно, возмездие, за злодеяния и преступления фашизма», – слова из д/ф о Хазби Томаеве «Цель вижу – атакую».

Рис. 6 Летчик первого класса Хазби Томаев

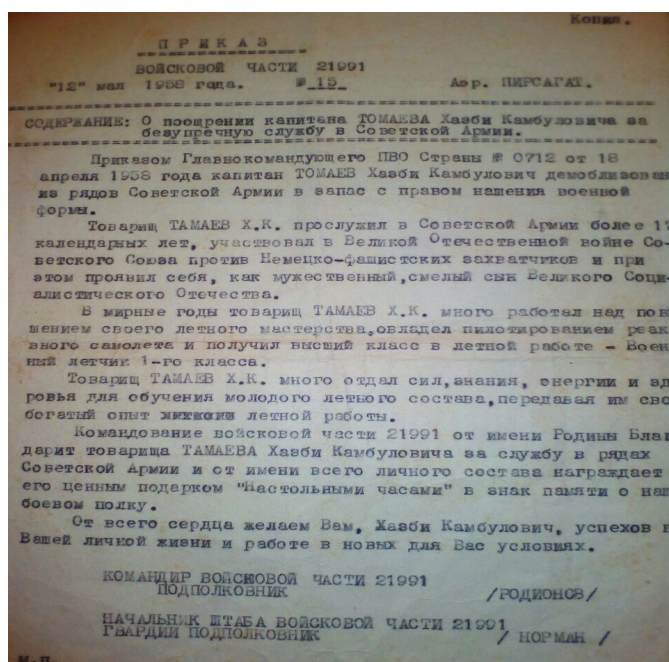

Рис. 7 Поощрительный лист Хазби (семейный архив дочери Х. Томаева Майи)

После войны Хазби Томаев служил в военной авиации, летал на реактивных самолетах, стал летчиком первого класса.

В список политрепрессированных граждан Северной Осетии попал 21 человек из фамилии Томаевых. Среди них и мой прадед, Томаев Петр Хаматканович. Петр родился в 1882 году в селении Кора. Он был крестьянином. В возрасте 49 лет, 11 октября 1937 года, Тройкой НКВД СО АССР был приговорен к расстрелу. У Петра остались семеро детей: Батырбег, Кальцико, Даухан, Дунетхан, Газак, Мысырхан и Рамазан.

Рис. 9. Петр Хаматканович с женой Любой Гусовой

В фамилии Томаевых было много долгожителей. Достоверность этих данных подтвердить пока не удалось. Но вот факты.

Томаев Тего Кудайнатович на 1921 год прожил 155 лет. Томаев Сослан Цицоевич родился в 1835 году и умер в 1975 году, прожив 140 лет; Томаев Елбидзико Тегоевич, прожил 137 лет; Еристау Габозович – 124, Асланбек Ельмурзаевич – 120, Томаева Саниат Губаевна – 113 лет, а Елмысхан Садуллаевна – 107 лет.

Дунетхан Томаева (Цопанова) прожила 96 лет (1920-2016). Жизненный путь Дунетхан был сложен. Муж – Кантемир Цопанов – был отправлен в ссылку на 10 лет, но Дунетхан дождалась его в те непростые военные годы. Прожив долгую интересную жизнь, Дунетхан осталась в памяти родственников большой рукодельницей, умев-

шей вязать носки, кофты, платья и мн. др. Вещи, созданные Дунетхан, по-прежнему остаются в обиходе нашей семьи.

Особой известностью и популярностью среди жителей Северной и Южной Осетии пользовался Махамат Томаев. Ему посвящено несколько песен и преданий, в которых воспеваются его смелость и отвага в борьбе с угнетателями.

Рис. 10. Портрет Махамата Томаева

Приводимое историческое предание основано на вполне реальном историческом факте – выступлении крестьян во главе с офицером русской армии Махаматом Томаевым против усилившейся эксплуатации. В мае 1850 года в Джавское ущелье для борьбы с повстанцами направили войска из Тифлиса и Северного Кавказа. Справа от входа в Рукский тоннель на трассе перевальной тропы есть выступ, известный под названием «*Мæхæмæты хæцæн*» («Место сражения Махамата»). Здесь повстанцы дали последнее сражение и с боями отступили на Северный Кавказ. Восстание было подавлено, а М. Томаев в 1851 году сослан в Сибирь. Приговор гласил: «За сделанное против правительства возмущение по последующей конфирмации сослан в Сибирь, город Томск, на вечное поселение». Отец Коста Хетагурова – офицер русской армии Леван от имени жителей Нарского общества Терской области в 1868 году написал письмо наместнику Кавказа, командующему Кавказской армией, генералу, великому князю Михаилу. Послание содержало просьбу о

помиловании Махамата. Попытки чиновников отыскать следы Махамата в Сибири не увенчались успехом.

В конце исследования хочется отметить то, насколько заинтересовала эта работа не только меня, но и мою семью. Мы все вместе стали собирать информацию о нашей фамилии. Ценность таких проектных изысканий заключается, на мой взгляд, в том, чтобы объединять общей идеей, общей целью родных людей и однофамильцев. Безусловно, в ходе исследований я для себя открыл много нового. Например, откуда исходят корни моей фамилии, или то, что прародитель моего рода имел имя *Хуындаг*.

Тема настолько захватила меня, что в будущем, надеюсь, продолжить познание всего того, что связано с моей фамилией, моими корнями. Это имеет для меня огромное значение. Каждый человек должен знать свою историю, приумножать знания о ней и передавать будущим поколениям. Только так мы сможем сохранить свою сущность, свой индивидуальность.

-
1. Томаев С. Б., Томаев Ц. К. Томаевы: семейная книга. Владикавказ, 2016.
 2. Информант Ирина Батырбековна Томаева.
 3. Интернет-портал «Осетины» – ossetians.com.
 4. Фотографии из личных архивов Заурбека Томаева, Майи Томаевой.
 5. Сайт Национальной научной библиотеки PCO-Алании – nslib.tmweb.ru.

**Заира КУДУХОВА,
ученица 8 класса
(с.Эльхотово, МКОУ СОШ№ 2)**

ИСТОРИЯ ЭЛЬХОТОВСКОЙ ВТОРОЙ ШКОЛЫ С 1913 ПО 1970-е гг.

После хлеба самое важное для народа – школа...
Ж. Дантон

Первые эльхотовцы поселились на правом берегу Терека в 1838 году. Им приходилось строить дома, распахивать поля, защищаться от врагов. После решения насущных проблем, связанных с обеспечением безопасности и обустройством на новом месте эльхотовская община посчитала необходимым построить школу. Во второй половине 19 века в Эльхотово открылось первое одноклассное училище. Однако к концу 19 века его возможности не позволяли дать образование всем желающим. Проблема была решена в 1913 году в ходе подготовки к празднованию 300-летнего юбилея дома Романовых. В честь этого события общественный приговор с. Эльхотово решил открыть в селе новое училище. Власти поддержали это решение. В результате, в селе, во дворе мечети появилось второе одноклассное училище имени дома Романовых. Первым его заведующим стал Харитон Михайлович Кесаев.

Со временем училище несколько раз меняло здание, адрес и название. После революции школа не только обучала и воспитывала сельскую молодежь, но и принимала активное участие в общественной жизни. Признанными лидерами в общественной работе при этом были пионеры и комсомольцы школы. В 1920 году в Эльхотово появилась комсомольская организация, в которую входили Владимир К. Елов, Казбек Бимболатович Елов, К. Макеев, Т. Бадов, Зелимхан Бадов. Первым председателем Эльхотовской ячейки РКСМ был избран Еламурза Саралиев. Впоследствии в комсомол вступили также учащиеся старших классов нашей школы: Мухарбек Урусов, Бобли Козырев, Алимбек Алиев, Заурбек Мерденов, Хаджимусса Андиев, и другие. Организация возросла до 35 юношей, каждый из

которых выполнял различные поручения. Бобли Козырев, Хаджимусса Андиев, Мухарбек Урусов были агитаторами среди школьной и крестьянской молодёжи, кроме того Мухарбек Урусов заведовал школьной читальней. Заурбек Мерденов, Алимбек Алиев, Казмагомет Адырхаев, Камболат Салбиев, Мухарбек Урусов, Еламурза Саралиев и другие комсомольцы участвовали в драмкружке. Перед началом спектаклей, а также на свадьбах, кувдах, и других местах, где собиралась молодёжь, комсомольцы выступали о международном положении, о текущем моменте, о борьбе с патриархально-родовыми пережитками, о субботниках, о вовлечении молодёжи в комсомол и т.п. Докладчиками чаще всего бывали К. Салбиев, Б. Бохов, Н. Дзгоев, Дз. Дзгоев, Е. Саралиев.

В беспокойные 20-е годы большая часть комсомольцев находилась в вооружённом отряде части особого назначения – ЧОН, организованной для борьбы с бандитизмом. Некоторые из них погибли, сражаясь в отряде. Комсомольцы помогали советской власти искать хлеб, подлежащий сдаче по продналогу, бороться с преступниками, организовывать охрану и помощь голодающим, которые бежали в с. Эльхотово со Ставропольщины и Поволжья.

В период коллективизации комсомольцы по очереди сторожили склады и колхозное имущество, агитировали молодежь вступать в комсомол и боролись с неграмотностью. В 30-е годы комсомольцы оказывали большую помощь колхозникам, совмещая учебу с работой. Руками комсомольцев была посажена аллея на улице Ленина. К концу 20-х годов в комсомол стали вступать девушки. Первыми комсомолками стали – Сапретхан Доева, Фуза Салбиева и Раиса Салбиева.

В 1924 году в Эльхотово появилась пионерская организация. Первыми пионерами были Магомет Бобоевич Мамиев, Джамбот Дзахотович Салбиев, Алимбек Заурбекович Кубалов, Магомет Бобоевич Цомартов, Магомет Чеджемов, Газу Агнаев, Анкал Кубалов, Герман Бохов, Батраз Елоев, Урусхан Сохов, Ахполат Сахмурзаевич Карсанов, Бег Дзгоев, Константин Хосонов, Асланбек Албеков, Казбек Габисов, Заурбек Бесаев, Казбек Елоев, Асах Салбиев и Владимир Елоев и другие.

Первым руководителем пионерской организации был Камболат Гаппоевич Салбиев, а первым пионервожатым в школе – Хаджиму-

рат Салбиев. После Х. Салбиева пионервожатым стал Казбек Бобоевич Мамиев. В 1925 г. руководителем пионерской организации села Эльхотово был назначен Магомед Гаппоевич Чеджемов. Пионеры 20-х годов трудились и учились в трудных условиях. Не хватало учебников, тетрадей, чернил, ручек, перьев. Детям приходилось самостоятельно изготавливать чернила из химических карандашей. В классе на 30 человек было 10-15 учебников. Учились усердно, с охотой. В том случае, если пионер учился плохо и не исправлялся в течение испытательного срока, его исключали из пионерской организации.

Под руководством комсомольцев Дзакко Тепсарикоевича Дзараева, Астемира Салбиева, Дзуза Бицоева, Ладенга Елоева, Темиркана Салбиева и других пионеры собирали металлолом и макулатуру, птичий помёт и золу, совершали походы в селения Карджин, Заманкул, Хумалаг, Брут, участвовали в хозяйственной жизни своего села. Пионерами 30-х гг. были Булка Карсанова (впоследствии секретарь комсомольской организации), Алимбек Кубалов, Фатима Зортова, Мусина Бадова, Дофа Кесаев, Манес Козырева, Евгения Елоева, Кайти Бзаев, Николай Кусов, Магомед и Хаджимурат Дзараевы и многие другие. Отрядным пионервожатым был Бухар Талинов.

Пионеры активно помогали колхозу выращивать кукурузу, разводить сады, ухаживать за скотом, а осенью они выходили на 1-2 месяца в колхоз, чтобы помочь колхозникам быстрее справиться с осенними работами. Председатель колхоза Бози Басаевич Салбиев очень хвалил пионеров, которые гордились своим вкладом в общее дело. Пионеры озеленяли улицы и школьный двор, ремонтировали классы, вместе с комсомольцами занималась ликвидацией безграмотности, агитировали вступать в колхоз. За активную работу в общественной жизни лучших пионеров награждали почётными грамотами. Среди награждённых были Тамара Борисовна Елоева, Урусхан Урусбиевич Талинов, Фатима Урусбиевна Талинова. Рая Темирболатовна Тогузова, в КасполатКарсано, Женя Елоева, Махар Кубалов, Николай Кусов и многие другие.

С каждым годом уходили в прошлое материальные трудности эльхотовцев люди, с уверенностью смотрели в будущее и связывали с ним самые смелые мечты. К сожалению, многим из них не суждено было сбыться.

Началась война....

В архивных документах 1941 года повторяется одна и та же запись: «уволен с занимаемой должности в связи с призывом в РККА». Люди самой мирной профессии уходили на фронт защищать свою Родину, своих учеников. Многим из них не суждено было вернуться назад. На войну ушли учителя нашей школы Батыр Темболович Батяев (директор школы, погиб на фронте), Г.Д. Фидаров, Пшекоп И.У., Ситяк, Перепеченный, Сугаров, Дранга, Ахтемир Магометович Кулов (погиб), Александр Аккацев, Союз Лазаров, Анатолий Александрович Зураев, Петр Урусович Цкаев, Р.Д. Датиев, В.Б. Кусов, Хаджибатыр Лазаров (погиб).

В 1942 году линия фронта достигла села Эльхотово, жителям которого пришлось покинуть свои дома и жить в лесных землянках. Благодаря героизму наших бойцов, большое сражение за Эльхотовские ворота закончилось поражением врага. В январе 1943 года Эльхотово было освобождено от немцев.

После освобождения села, занятия в школе возобновились. До войны во дворе школы находились два учебных корпуса. Один из них был полностью разрушен в ходе военных действий. По свидетельству наших информантов, для продолжения занятий в школе перегородили несколько больших классов. Пропало большое количество школьной мебели, поэтому многие ученики приносили с собой стулья, пока не были изготовлены длинные лавки и столы для школы. Учащиеся 40-х годов занимались в тяжелых условиях. Не хватало учебников и тетрадей. Некоторые ученики писали даже на газетных полях. Классы были холодные. Бывшие ученики вспоминают, что часто замерзали чернила в чернильницах. Учащиеся, у которых была возможность, приносили в школу дрова. Тем не менее, школьники не только усердно занимались, но и работали на пришкольном участке, в колхозе, благоустраивали школьный двор, ухаживали за братской могилой во дворе мечети, проводили субботники.

Неотъемлемой частью работы педагогов было приобщение учащихся к труду. Вместе с учителями школьники помогали Мехлесхозу, выполняли задания Сельсовета, но больше всего они трудились в колхозе. В 1958 году была создана 1-я ученическая производственная бригада в составе 20 человек, бригадиром выбрали Батраза

Ходова. Ученическая бригада второй школы оказывала большую помощь колхозу. В 1965 г. бригада насчитывала уже 100 человек. Школьники обрабатывали несколько десятков гектаров земли. В 50-е годы школьники проводили на своем участке все сельскохозяйственные работы: пахоту, боронование, культивацию, подкормку посевов и т.д. Кроме того они помогали колхозникам пахать, убирать комбайном кукурузу, заготавливать силос, поливать растения, ухаживать за животными. В бригаде имелись звенья полеводов, животноводов, механизаторов, шелководов, овощеводов. Школьники добивались очень высоких результатов в своей работе. Лучше всех работали Анна Гурциева, Дмитрий Гурциев, Еруслан Дзгоев, Тамара Музаева, Батраз Ходов, Лида Ходова, Тамара Чеджемова.

Учащиеся жили в палатках, в которых имелись репродукторы и электрический свет. Распорядок дня утверждал совет бригады. На каждый день назначались дежурные, повара, водовозы. Систематически выпускались боевые листки, устраивались спортивные соревнования. Отдыхали в лагере вечером, после работы: массовые осетинские и русские танцы, спортивные игры, песни под гармошку и струнные инструменты, шутки и веселье. Отбой был в 23.00, но еще долго в палатках слышался смех. Члены бригады читали журналы и книги, играли в шашки и шахматы, слушали лекторов и смотрели фильмы, ходили в походы и ездили на экскурсии. Многие годы организацией работы школьников в колхозе занимались П. А. Сладков, Р. М. Чеджемов, А. Г. Сугаров.

В разное время бригадирами были Батраз Ходов, Дмитрий Гурциев, Еруслан Дзгоев, Эмма Гутиева, Екатерина Гурциева, Зелим Габуаев, Алимбек Габисов, Казгери Салбиев, Газзаева Катя, Бзыкова Сима, Римма Музаева, Иван Дудаев, Джульетта Гаглыева, а звеньевыми – Батраз Агнаев, Таймураз Авлохов, Мадина Бзыкова, Зоя Ваниева, Люба Габуаева, Тома Газзаева, Казбек Гергиев, Заира Гогосова, З. Джатиева, Иван Дудаев, Юрий Ельзаров, Таймураз Едзаев, Валерий Елканов, Анатолий Каражаев, Нина Кривоносова, Валерий Кубалов, Виктор Кубалов, Касполат Кубалов, Элла Козырева, Вася Кудзиев, Сима Кудзиева, Белла Мильдзихова, Т. Мильдзихова, Тамара Мрикаева, Римма Музаева, Дина Накусова, Мадина Накусова, Олег Нарикаев, Вова Пай, Ольга Плиева, Казгери Салбиев, Борис Салбиев, Альберт Салбиев, Зелим Салбиев, Руслан Суанов, Мишурат Савлохо-

ва, Эльбрус Талинов, Таня Тарасова, Таиса Тулоева, Тенгиз Тибиллов, К. Чеджемов, Тамара Чеджемова, Махар Цховребов.

Бригада неоднократно занимала 1-е место в соревновании между ученическими бригадами республики. В 1962 г. ученическая бригада была записана в книгу почета Министерства просвещения Северо-осетинской АССР и стала участником ВДНХ СССР 1962 года. Ей несколько раз вручали переходящее Красное Знамя обкома КПСС и Совета Министров республики и Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ. Четыре года подряд бригада была неизменной участницей ВДНХ, она получила Золотую медаль ВДНХ и грамоту Министерства Просвещения РФ. На ВДНХ в разные годы участвовали бригадиры Еруслан Дзгоев, Алимбек Габисов. За отличную работу бригада и её передовики неоднократно награждались грамотами и премиями, подарками и туристическими путевками. Члены бригады не только отлично работали, но и ставили на своем участке агротехнические опыты, которые освещались в прессе. О трудовых достижениях школьников часто писали районные и республиканские газеты. Ученическая бригада стала хорошей жизненной школой, через которую прошли несколько поколений юношей и девушек, воспитанных в духе любви к труду в сельском хозяйстве. Многие члены бригады после школы окончили сельскохозяйственные институты, Альберт Салбиев стал впоследствии председателем колхоза. Екатерина Гурчиева, бывший её бригадир организовала после окончания выпускниками школы комсомольско-молодёжное звено, успешно работавшее в колхозе.

Наши ученики принимали самое активное участие в общественной жизни школы и села. Многие учащиеся занимались в кружках дома пионеров и в спортивных секциях. Настоящей школой патриотизма, мужества и умения преодолевать трудности стала для школьников игра «Орленок», в которой школьная команда неоднократно занимала 1-е и призовые места. Школьники переписывались с защитниками Эльхотовских ворот и родственниками погибших солдат и офицеров, встречались с ветеранами войны и труда. В 70-е годы в школе сложилась традиция проводить встречи, совместные вечера и концерты с нашими шефами-курсантами Орджоникидзевского ракетно-зенитного училища. Долгое время в школе работал Клуб Интернациональной дружбы. Ребята переписывались со своими

сверстниками из разных городов Советского Союза, вели поисковую работу. Но самая тесная дружба их связывала со сверстниками из школ с. Плановское КБР. Школьники часто проводили совместные встречи, спортивные соревнования и конкурсы художественной самодеятельности.

Наши школьники активно занимались спортом и участвовали в туристско-краеведческой работе. Школьные команды неоднократно становились победителями и призерами спортивных соревнований, обладателями почетных кубков. Многие учащиеся избрали спорт своей профессией. Большую роль в подготовке туристов и организации экскурсий играли завуч по воспитательной работе Р.М. Чеджемов, председатель клуба туристов К.Д. Икаев, Х.К. Дзиков, Б.И. Мильдзихов. Команда нашей школы неоднократно занимала первые места на районных и республиканских соревнованиях юных туристов. Ей выпадала честь представлять республику на Всесоюзных соревнованиях по туризму. Сотни наших учеников выполнили нормативы на значки «Юный турист», многие пионеры стали инструкторами по туризму. Проводилось множество экскурсий на производство и природу, по историческим и памятным местам, в которых приняло участие несколько тысяч учеников. На каникулах учащиеся отправлялись на турбазы Осетии и экскурсии по городам Советского Союза.

У многих эльхотовцев остались яркие воспоминания, связанные с выступлениями школьных артистов. В художественной самодеятельности принимали участие многие учителя и ученики. Школьные вечера и праздники проводились с энтузиазмом и творческой фантазией. В 60-е годы в школе был создан духовой оркестр. Ученический хор успешно выступал на республиканских и районных конкурсах. Он также неизменно пользовался успехом среди рабочих и колхозников района. Был создан и хор учителей, который неоднократно занимал первые и призовые места на смотрах художественной самодеятельности района и республики.

Учителя нашей школы помогали своим учащимся постигать азы наук, воспитывали высокие моральные качества, учили аккуратности и чистоплотности. Многие ученики с благодарностью вспоминали и вспоминают любимых учителей, давших им путевку в жизнь. Эльхотовская вторая школа всегда принимала самое активное уча-

стие в жизни села и республики. Она воспитала многих достойных граждан, которые впоследствии работали на благо и процветание своей Родины.

Приложение

Список учителей и директоров школы

В архиве сохранился список первого личного состава училища. В него входили: заведующий Х.М. Кесаев, учитель Александр Терентьевич Назаров, вероучитель Абубекир Цаликов и почетный блюститель, эльхотовец Анкал Габаевич Агнаев. В 1916 году учителя Назарова назначили заведующим вторым училищем, после госпожи Сусловой. К сожалению, утрачены многие сведения из истории школы, поэтому списки учителей, работавших в школе в 20-е, 30-е и 40-е годы являются неполными.

Директора школы Гагудз Тлатов (20-е гг), Б.Т. Батяев (30-е гг.), Г.Д. Фидаров (1939-41 гг.), Н.Т. Едзаева Т.М. Накусов, М.Д. Мильдзихов, А.З. Кубалов, Н.Х. Габеев, П.А. Сладков, Е.А. Митчиева.

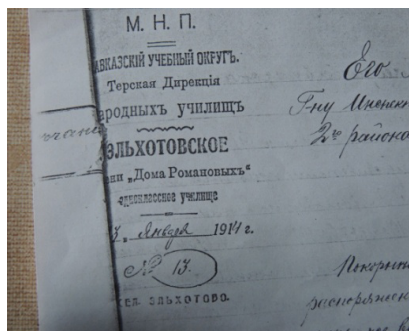
Начиная с 80-х годов директорами школы были В.К. Кабалоев, А.Г. Сугаров, Б.Г. Джатиев.

В 20-е годы в нашей школе работали учителями Соня Агнаева, Мария Айларова, Софа Цкаева, Аминат Мильдзихова, Зарета Арцуревна Чеджемова, Милина Тогузова, Фединка Гацоева, Роза Хаджумаровна Дзгоева.

В 30-е годы в школе работали учителя Тамара Цыппуевна Ардаменова, Земфира Сартаговна Алиева, Хаджибатыр Лазаров (погиб), Хадизат Лазарова, Хаджимурза Темирканович Дзгоев, Тамара Темболатовна Чеджемова, Алимурза Бигаев, Ханиффа Аккацева, Залихан Темболатовна Батяева, Ксения Александровна Саламова, Салам Цгоев, Иван Григорьевич Песковой, Ахтемир Магометович Кулов (погиб), Александр Аккацев, Асланбек Ильясович Агнаев, Таиса Михайловна Батяева, Ксения Александровна Саламова, Союз Лазаров (погиб), Анатолий Александрович Зураев, Петр Урусович Цкаев (был также пионервожатым, погиб на войне), Хаджимурза Камболатович Батяев.

1940-е годы учителя Вера Афакоевна Датиева, Камболат Каллагов, Козырева (имя неизвестно), К. Доева, Х. Кубалова, Т. Дзансолова,

Магомет Дрисович Мильдзихов, Борис Муссаевич Агнаев, Михаил Цоппоевич Чельдиев, Владимир Борисович Кусов, П.Н. Мордовцев, Кубалов, Наталья Тимофеевна Едзаева, Евгения Темболатовна Батяева, Пётр Иванович Клишин, Тарицина.

Батяев Батыр Темболатович (директор школы, погиб на фронте)

Сход жителей Эльхотово

Выпускники 1929 года

Список информантов

1. Чабахан Арцуевна Кудухова (Чеджемова), с. Эльхотово.
2. Эмма Гацыровна Чеджемова (Гутиева), с. Эльхотово.
3. Тамара Арцуевна Цораева (Чеджемова), с. Эльхотово.
4. Эльза Анатольевна Дзусова (Зураева), с. Эльхотово.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

9 января в рамках празднования Дня российской науки СОИГСИ им. В. И. Абаева при участии исторического факультета СОГУ провел **Международную школу – конференцию «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура»**.

В работе школы-конференции приняли участие представители научного сообщества Северной и Южной Осетии, регионов СКФО и ЮФО, Москвы, Санкт-Петербурга, ближнего и дальнего зарубежья. По традиции самые крупные делегации приехали из братских Кабардино-Балкарии и Чечни.

Участников поприветствовали директор СОИГСИ им. В. И. Абаева, доктор исторических наук, профессор **Залина Канукова**, ректор СОГУ **Алан Огоев**, руководители делегаций – доктор исторических наук, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова **Петр Кузьминов**, кандидат исторических наук, доцент Чеченского государственного университета **Бирлант Абдулвахабов**, а также декан исторического факультета СОГУ **Залина Плиева**. Ученые отметили, что за более чем десятилетнюю историю молодежная школа-конференция СОИГСИ стала узнаваемой и авторитетной площадкой для непрерывной коммуникации молодых ученых Северного Кавказа, а многие ее «выпускники» уже стали кандидатами наук и успешно интегрировались в образовательные и академические центры страны. «Проект СОИГСИ им. В. И. Абаева создает благоприятные условия для актуальных научных исследований. Очень важно, чтобы новое поколение ученых чувствовало свою востребованность, испытывало профессиональную гордость, видело, что общество и государство по достоинству оценивают их труд», – подчеркнул А. У. Огоев.

Всего в адрес оргкомитета школы-конференции поступило около полусотни заявок. Студенты, магистранты, аспиранты, молодые ученые, многие из которых уже не первый раз выступают на науч-

ных площадках СОИГСИ, представили актуальные результаты своих исследований в области истории, этнографии, филологии, социологии и политологии по таким направлениям, как: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Северного Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; научное наследие выдающихся исследователей Кавказа и их вклад историко-этнографическое кавказоведение; этническая культура в условиях общественных трансформаций и внешних влияний; современные политические, общественные и культурные процессы в северокавказском регионе.

Большой интерес участников вызвали мастер-классы ученых СОИГСИ: «К истории ксанских эриставов» доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела археологии **Р.Г. Дзаттиаты**; «ДНК генеалогия» доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела этнологии **И-Б.Т. Марзоева**; «Современные тенденции в развитии фольклорных жанров осетинской свадьбы» кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника отдела фольклора и литературы **Д.М. Дзлиевой**, а также мастер-класс «Современная аспирантура: синтез или конфликт науки и образования?» доктора педагогических наук, профессора СОГМА **С.Р. Чеджемова**.

**27 ФЕВРАЛЯ 2018 Г.
В СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОМ ИНСТИТУТЕ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. В. И. АБАЕВА
СОСТОЯЛСЯ ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ**

Для школьников и студентов СОГУ им. К.Л. Хетагурова в рамках мероприятия были проведены экскурсии:

- по историческому зданию СОИГСИ – одного из старейших научных учреждений на Северном Кавказе (осн. в 1919 г.);

• в Научный архив СОИГСИ (осн. в 1919 г.), включающий более 10 тыс. единиц хранения, уникальные рукописи северокавказских просветителей, тексты нарттовских сказаний, материалы фольклорных и этнографических экспедиций, записи народных мелодий, личные архивы известных ученых, писателей и общественных деятелей;

• в Научную библиотеку СОИГСИ (Фонд редкой книги) – одну из старейших на Северном Кавказе, с большим собранием кавказоведческой литературы (осн. в 1919 г.);

• Мемориальный кабинет-музей ученого-языковеда и общественного деятеля Республики Северная Осетия-Алания, доктора филологических наук, профессора Т. А. Гуриева

• Научно-образовательный центр «Гуманитарий» (осн. в 2006 г.);

Были проведены мастер-классы:

- доктора исторических наук, профессора, заведующего отделом археологии СОИГСИ, заслуженного деятеля науки РСО-Алания **А. А. Туаллагова «Аланские памятники на территории современной Осетии»**

- кандидата искусствоведения, старшего научного сотрудника отдела фольклора и литературы СОИГСИ, лауреата гранта Президента РФ **Д. М. Дзлиевой «Музыка, затерянная в веках»**

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 19, 2018

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 25.04.2018.

Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 65 гр.

Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»

Усл.п.л. 22,9. Тираж 100 экз. Заказ 36.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.

362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3

e-mail: rio-soigsi@mail.ru